

Арктикой стала вся Россия

Главное пленарное заседание ежегодного Конгресса европейской ассоциации региональной науки в Ливерпуле открывалось докладом блестящего гарвардского профессора Эдварда Глезера. У нас в России недавно переведена его книга «Триумф города». Глезер задал риторический вопрос: зачем вообще сегодня нужны города? Ведь повсеместно в мире разрастаются субурбии, комфортные пригородные зоны повсеместно становятся привлекательным местом для жизни состоятельных людей. Городам отдается функция производственной необходимости, рабочей «обязаловки». И если раньше, в агроиндустриальную и раннеиндустриальную эру их необходимость была оправдана тем, что именно здесь в речных и морских портах сгружались важнейшие для жизнеобеспечения людей, доставляемые

издалека товары – зерно, уголь, сахар, то теперь, когда возникли сети автомобильных и железных дорог, эта критическая роль городов в ежедневной экономике уже не так значима.

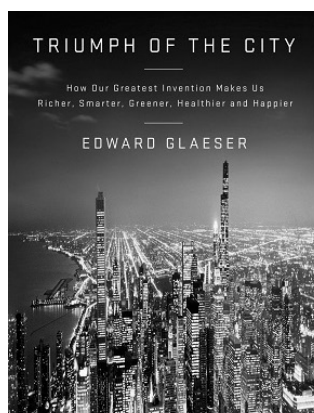
Почему же они не растекаются по всему пространству, не исчезают в пригородах, не поглощаются ими? В чем смысл сегодня существования городов?

Отвечая на этот вопрос, Глезер сказал, что сегодня главный смысл существования города в том, что он позволяет умным общаться с умными и становиться в результате этого общения ещё умнее. А мы социальные виды, и нам очень важна возможность этого общения. Это, конечно, сильно отличается от функции города в индустриальное время – быть гигантской коллективной фабрикой, заводом, конвейерным цехом.

В своём высказывании

Эдвард Глезер не был оригинален, а по сути лишь перефразировал более ранние слова лауреата Нобелевской премии по экономике Роберта Лукаса – «За что ещё жители Манхэттена или центра Чикаго платят арендную плату, как не за то, чтобы быть рядом с другими людьми?»

Итак, смысл современного крупного города – обеспечить в результате личного общения возможность каждому человеку подпитаться новым знанием в стенах вузов, исследовательских лабораторий, малых и средних фирмах, наконец, просто в «венских кофейнях» – молва свидетельствует, что в Вене в последние десятилетия была реализована специальная программа строительства новых кофеен, чтобы обеспечить интенсивное творческое общение людей самых разных дисциплин, которые никогда не встречаются вместе на

№ 2 (126), 2020

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

В оформлении обложки(4) использован
рисунок Анны ОНИНКА

Подписано в печать
20 апреля 2020 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 267

СОДЕРЖАНИЕ

Вызовы времени

Александр ПИЯСОВ.

Арктикой стала вся Россия.....1

Мы – один мир

Еремей АЙПИН.

Только любовь может объединить государство.

Беседу вёл Вячеслав ОГРЫЗКО.....6

Регион под микроскопом

Хабир ХАРИСОВ.

Пусть тебе приснятся небесные олени.....12

Андрей РУДАЛЁВ.

Освобождение региона от самодура.....22

На подвиг Отчизна зовёт

Наталья БОГАЧЁВА.

Где тот архив, откуда я пойду к храму?.....24

Звуки языка родного

Анна ЧАЙКО.

Сердце плачет, что чиновники натворили. Беседу вёл

Вячеслав ОГРЫЗКО31

Анатолий ГОЛОВКИН.

Трудный путь карельской письменности.....36

Живая этнография

Алина ЧАДАЕВА.

Дерево душ.....41

Как это было

Владимир ГУБАРЕВ.

И потекут реки вспять. К истории

скандального проекта.....47

Ностальгия

Олег ХИМАНЫЧ.

Качается вагон, стучат колёса глухо.....60

Подвижник

Юрий КАНЕВ.

Великий северянин.....65

Никита КУЗНЕЦОВ.

Судьба капитана Хлебникова.....72

производстве, потому что там главенствует «моноотраслевое» общение специалистов одного или сходного профиля. В современной науке это называются экстерналии (внешние эффекты) человеческого капитала.

Вот эти самые внешние эффекты являются важнейшей составляющей агломерационного эффекта – эффекта, который получается от жизни и работы крупного города, в котором, как это теперь установлено многочисленными эконометрическими исследованиями, производительность труда человека растёт с ростом города: чем город крупнее, тем, при прочих равных условиях, выше производительность труда его граждан.

Дальше нетрудно раскрутить логическую цепочку: регионы и страны, у которых больше таких крупных городских агломераций, обретают важное преимущество для национального развития и экономического роста, потому что мотор крупнейших городских агломераций формирует эффекты самовозрастающего снежного кома, возрастающей отдачи, когда обеспечиваемый средой крупных городов неуклонный рост креативности жителей становится могучим драйвером новой, умной динамики развития.

Идеи возрастающей отдачи, городского агломерационного эффекта, коллективного обучения внутри городской среды захватили в последние десятилетия научное сообщество экономистов и экономико-географов до такой степени, что лучшие учебники по региональной и городской экономике теперь начинаются с описания агломерационного эффекта, специальные выпуски лучших мировых научных журналов нашей региональной науки посвящались его прикладному значению и конкретным проявлениям в городах, регионах и странах Европы, Америки, Азии. Редко, и обычно скороговоркой, говорилось, что у агломерационного эффекта, конечно, есть некоторые ограничения в виде экологии, стоимости городской земли, скученности, автомобильных пробок и др. Но все эти ограничения решаемые, и никак не могут перекрыть позитивное для всей экономики воздействие возрастающей отдачи на человеческом капитале, запускаемой в крупных городах агломерационным эффектом, когда на вложенный в человека рубль общество в прямом смысле получает два в виде нового народнохозяйственного эффекта. Помню яркие слова моего голландского коллеги Питера Найкампа: нет причин для невозможности существования стомиллионного, двухсотмиллионного города! Крупные города являются уникальным природным созданием,

когда рост и экономическое созревание сопровождаются не уменьшением внутренних обменов, а наоборот, их возрастанием! У животных и людей с возрастом скорость обменных процессов, как мы знаем, повсеместно уменьшается.

Идея овладела массами и у нас в России: талантливая молодежь из числа экономико-географов увлечённо демонстрировала карты российских агломераций – небольшой «червяк», за которым пустота бесконечных российских пространств. Ребята и их учителя оживлённо рассказывали про то, что вот насчёт российской периферии нам всё понятно – «пусть выживает», а вот для каждой агломерации, протянувшейся на стокилометровый радиус ежедневного коммутирования «дом-работа-дом», нам нужно найти рецепты экономического взбадривания и динамичного развития. Эта увлечённость агломерационным эффектом отразилась и в недавно принятой Стратегии пространственного развития России. Среди молодого экспертного сообщества и их либеральных учителей стало доминировать мнение, что России не хватает крупных городских агломераций для динамичного развития, что есть две России – агломерационная, динамичная, креативная и Россия – периферийная, отставшая, дотационная.

Но вот случился COVID-19 – и все ранее казавшиеся незыблемыми и непрерываемыми умозаключения полетели в тартарары. Глядя на опустевшие вдруг улицы европейских городов, Москву, Санкт-Петербург, возникает закономерный вопрос: а есть ли экономическая жизнь без агломерационного эффекта, при двухметровой физической дистанции друг от друга, при нуле личной коммуникации, при нуле положительных внешних эффектов от человеческого капитала, которые возникают при личном общении, которого нет?

Что взамен агломерационного эффекта в условиях самоизоляции? Но ведь так живёт две трети России! Север и Арктика, которые я изучаю всю жизнь – это классические территории без или с минимумом агломерационного эффекта. Он здесь практически не видим!

Чему же учит пример этих территорий агломерационную Россию? Ведь в новых условиях вирусной пандемии «И последние (в прямом, а не библейском смысле), стали первыми»: здесь минимум заражений, минимум распространения вируса, минимум экономического ущерба от него.

Первое – гибкость сочетания функций, обладания комплексом компетенций, вынужденных условиями удалённых территорий и почти никогда не нужных в плотно заселённых освоенных районах (зачем – вызову или найму, и

он сделает!), это конкурентное преимущество в условиях экономической автономизации и атомизации, разрушения цепочек связей. К чёрту Адама Смита с его разделением труда как основы прогрессивного развития общества! Лишних компетенций не бывает! Арктика – это полифункциональность, комплексность и взаимозаменяемость компетенций. А Арктикой в условиях COVID-19 стала вся Россия. Чем больше навыков ты имеешь, чем больше чужих навыков ты способен подхватить, тем ты и экономически жизнеспособнее в условиях автономизации современной хозяйственной жизни. И это – абсолютно арктические заповеди, вдруг возникшие в жизни крупных городов мира.

Второе – быть в сети – это хорошо! Арктика и Север – повсеместно в мире чемпионы по количеству волонтерских, профессиональных, разного рода некоммерческих организаций. Мои исследования и исследования коллег-североведов неоднократно доказывали, что их плотность на тысячу человек в экстремальных пространствах обычно выше, чем в плотно освоенных районах. Так вот хорошо, когда вынужденная автономизация сопровождается усиленным включением в

различные социальные сети. Это помогает психологически, экономически, морально. Неслучайно первые дни самоизоляции в крупнейших городах России показывают всплеск активности социальных сетей. Это нормальная компенсаторная реакция человека в условиях вдруг обрушившегося на него дефицита личной коммуникации. В Арктике такая непроизводительная социальная активность, как показывает простое изучение телефонных справочников популярных городов Норильск, Салехард, Воркута – на высоте: сколько там различных волонтерских организаций, клубов по интересам, социальных предпринимателей в самых разных сферах. И это обычно в дефиците в крупных глобальных городах.

Третье – в форс-мажорах нужно уметь увидеть новые возможности для себя и своего бизнеса, своих профессиональных компетенций. Глобальное потепление – тревога всего мира, но для Арктики это новые возможности транспортировки и связи с глобальными рынками. Львиная доля современных российских проектов ещё 30 лет назад никогда бы не могла реализоваться в Арктике: они стали возможными благодаря изменениям климата, которые в остальном мире воспринимаются как катастрофа. Постепенное освобождение арктического океана ото льда привело к необыкновенной смелости проектных решений, о которых невозможно было даже помыслить в советские годы. Классическая реакция городского человека центральной России и крупнейших городских агломераций, руководителей крупных бизнесов на предвиденные обстоятельства – мне конец, партия проиграна! Типичная реакция арктического человека и бизнеса на возникающий форс-мажор – как я могу им воспользоваться?

Четвёртое – вместо рынка – монополии и экономическая безопасность каждого. Сложно устроенные современные рынки глобальных городов предполагают включение миллионов тысяч партнёров по всему миру. И это делает их сверхуязвимыми в периоды пандемий, когда последовательно, по эффекту домино, эти партнёры начинают схлопываться и сходить с дистанции, разрушая всю цепочку и увлакивая за собой других партнёров по «конвейерной линии». Так вот пример Арктики свидетельствует в пользу локальной монополии, внутри которой производственная и социальная жизнь организованы достаточно автономно, с гарантиями длительного самообеспечения для всех находящихся в её контуре. Страны и регионы с административными, хозяйственными и политическими монополиями (например,

Китай, Германия, Южная Корея, Сингапур) выходят из вирусного кризиса быстрее, чем англосаксонские страны с вакханалией рынка. Приходится признать, что рынок – далеко не такой совершенный механизм, как нам всем казалось в 1990-е годы и кажется до сих пор нашим либералам А.Кудрину, В. Мау, А.Чубайсу и примкнувшим к ним товарищам из лихих 1990-х. В Арктике никогда не могло быть рыночной экономики ввиду недостаточной хозяйственной плотности. И сегодня, в период эпидемии, это скорее благо, чем беда.

Пятое – огромные пространства Арктики являются последним ресурсным резервом человечества. Люди в городских агломерациях привыкли к работе с колёс, когда всё, что накоплено, мгновенно отправляется на рынки, потребителю. Резервов быть не должно, это омертвление запасов! Но вот в Арктике без резервов нет развития, нет устойчивости, нет жизнестойкости в периоды катастроф. Так вот Арктика говорит людям плотно освоенного «юга»: резервируйте знание, накапливайте его внутри себя, в своих фирмах, не ждите немедленной отдачи от него, чтобы оно мгновенно «выстреливало» успехом Вашим личным или успехом Вашей фирмы. Живите и работайте вдолгую, копите знание впрок!

COVID-19 парадоксальным образом «растачил» крупнейшие города мира по ато-

марным точкам, лишил их агломерационного эффекта. Вдруг исчез весь привычный уклад жизни, однозначно завязанный на плотной, ежедневной личной коммуникации каждого с каждым. На смену агломерационному эффекту временно пришёл сетевой онлайн эффект дистанционного общения, управления, образования, скайп-видеоконференций. Это вызвало колоссальную нагрузку на телекоммуникационные сети и привело к невиданному всплеску спроса на услуги Интернет-провайдеров, прокладку новых домашних кабелей, смену роутеров. Домашние заявки ожидают своего выполнения дни, даже неделю. Откладываемые годами модернизации телекоммуникационного оборудования вдруг остро стали нужны всем, сразу, сегодня. Физическая самоизоляция и хозяйственная атомизация нашей современной городской жизни превращает каждого из нас как бы немного в жителя Арктики.

Жизнь без агломерационного эффекта возможна. Это совсем другая жизнь, чем та, к которой мы привыкли. Она требует иных навыков, терпения, работает совсем по другим экономическим законам. И нужно быть к ней готовым. И навыки арктической жизни здесь России в помощь.

Александр ПИЛЯСОВ

Профессор МГУ, генеральный директор
АНО «Институт регионального консалтинга»,
Председатель российской секции
Европейской ассоциации региональной науки

Еремей АЙПИН

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ МОЖЕТ ОБЪЕДИНИТЬ ГОСУДАРСТВО

Народу нужен идеал, национальный герой.

Если его нет в жизни, то его должен создать писатель

– Еремей Данилович, есть ли, на ваш взгляд, у нас в стране сейчас внятная национальная политика? Или одни декларации – и даже примерно очертания её пока не просматриваются?

– Ну, внятной политики вообще, по-моему, нет нигде и ни в чём. Потому что, чтобы была какая-то определённая внятная политика, должна быть национальная идея, которую потеряли, ищут и не могут никак найти.

– Потеряли когда? В семнадцатом году?

– Почему? Гораздо позже. В 1992 или в 1991.

– А после 1917 года у нас всё-таки была национальная идея?

– По-моему, была. Конечно.

– А почему тогда даже в советское время многие национальные вопросы решались только на словах, и чуть что – то там прорывало, то в другом месте? Другое дело, что обществу об этом старались не сообщать, и о таких вещах знали либо по слухам, либо вообще не знали. Казалось, что всё замечательно и прекрасно. А на самом-то деле ведь и в советское время далеко не всё было благополучно...

– Там было немножко (или совсем) по-другому. Смотря с какой позиции подходить... Например, я бы полагал, что национальная политика, которая существовала тогда на государственном уровне, срабатывала вполне адекватно тем требованиям, пожеланиям, которые предъявляли, видели народы, населяющие Советский Союз. Национальная политика в отношении коренных малочисленных народов, в отношении автономий, в отношении союзных республик... А то, что где-то были прорывы – это естественный процесс, потому что всегда есть определённый процент населения, который хотел использовать национальный вопрос в своих узких интересах.

– Хорошо. Тогда другой вопрос. Сегодня

Еремей АЙПИН, хантыйский писатель, заместитель председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Председатель Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера

продолжает многое переосмысливаться в нашей истории. В советское время, если брать конкретно районы Севера и коренных малочисленных народов, в качестве позитивных шагов, которые шли всем на пользу, подавалось, например, создание так называемых культбаз. Дескать, это было прогрессивное явление, которое помогло вывести, в частности, коренные малочисленные народы Севера на новый уровень развития. А уже в девяностые годы часть историков (не все) говорили, что, может быть, именно культбазы стали толчком для деградации целых народов, потому что привели к отрыву их от корней. Вроде бы цель была благая – передать коренным народам Севера некие достижения цивили-

зации и в культуре, и в медицине, и в просвещении. Но при этом в основном исходили из европейских ценностей и европейских моделей развития, не учитывая, что у этих народов была своя цивилизация, которая в каких-то вещах имела даже некоторые преимущества перед европейскими ценностями. А культбазы всё это разрушили и подорвали у целых народов неевропейские культурные корни. Какова ваша точка зрения на этот вопрос?

– Здесь, конечно, были свои плюсы и свои минусы. Надо иметь в виду опять же издержки процесса. Потому что у тех же культбаз, безусловно, была и положительная роль. Необходимо было заниматься просветительством, обучением, воспитанием. Ведь очевидно, что некоторые народы отставали в отношении культурного и социального развития, и надо было эту проблему решать. И культбазы свою роль в этом сыграли.

Другое дело – перегибы. Конечно, не надо было многие вещи делать насильственно. Когда стали применять насильственные способы внедрения, то народ уже, конечно, начал возмущаться, и возникали конфликты. Моё твёрдое и давнее убеждение, что любой процесс, любое явление должны протекать естественно. Нужно обеспечить самодвижение жизни. Надо было постепенно и обучение проводить, и школы вводить, и воспитание, и интернаты... Мы сейчас пытаемся вернуться обратно к тем же методам культбазы, которые занимались обучением, воспитанием в глубинках. Ведь нынче вообще никто этим не занимается в глубинке, они как бы сами по себе. Идёт «оптимизация», все процессы сокращаются. Идёт процесс деградации в отношении языка, культуры. В то же послереволюционное время у власти, как я понимаю, было два направления. Сторонникам власти надо было использовать преобразование религии, а не преследовать все эти церковные, религиозные вещи. Все эти вещи должны были проходить постепенно. Нужно было, опять же, обеспечить самодвижение жизни. Взять то же самое шаманство. В первые годы советской власти люди спокойной шаманили, справляли свои религиозные обряды. А потом вдруг раз – резко наступил период, когда решили, что шаманство – это антисоветское явление, запретили все языческие религиозные обряды. Дескать, они вредят строительству нового общества. И всё это смели. А надо было всё это делать постепенно. Одна из важнейших вещей, которая привела к крушению Советского Союза, это то, что раздвинули, разрушили те идейные основы, которые несёт церковь, православие (ведь с ними была

неразрывно связана национальная идея).

– У вас есть блестящий роман «Божья Мать в кровавых снегах», толчком для которого стали Казымские события, развернувшиеся как раз вокруг культбазы на реке Казым в начале 30-х годов. Что всё-таки это было – выступление отдельных оленеводов и охотников против перегибов, которые произошли в казымской тайге, вооружённый бунт или, как трактовали некоторые историки, чуть ли не гражданская война?

– Конечно, основная причина – это перегибы. Опять же, если брали детей в школы, интернаты – это прогрессивное начало. Ну, ладно, там три-четыре человека отказались учиться. Но основная-то масса детей учились, работали у себя в семьях, всё нормально шло. С другой стороны, в экономической части были перегибы. К примеру, в моей деревне. По идее, если богатый оленевод, значит, у него должно быть своё хозяйство. И ему не нужно никакого обобществления, но у него могут выкупить оленей для колхозного стада. А тут без всяких документов, без расписок, безо всего забирали. Просто богатому заявляли, значит: сдавай всё своё хозяйство, будет у нас общее – колхозное. То есть не то, чтобы национализация проходила, когда всё выкупается, а всё это безвозмездно, без каких-либо справок. Перегибы! Конечно, когда стали с человека снимать последнюю рубашку, он возмутился. Все процессы должны были быть постепенными. И когда забирали единственного ребёнка 13-15 лет, который помогал в хозяйстве, семья теряла кормильца. Это тоже перегиб. Общая тенденция была правильная, но перегибы вызывали вот эти конфликты.

– А почему казымских хантов тогда не поддерживали ханты с Агана или, наоборот, северные – шурышкарские ханты?

– Сложность была с транспортной схемой. Коммуникаций никаких не было. Трудно было казымским добраться по глубокому снегу... Чтобы с верховьев доехать до Варьёгана, нужно было дней десять, наверное. Так что никакой коммуникации не было, никакой связи не было, и поэтому просто физически невозможно было объединиться.

Но объединиться они не могли и по другим причинам. Потому что на тех территориях, где проживали аганские ханты, варьёганские, не было таких резких действий, как в Казыме. Здесь роль играло шаманство. Было много богатых, у которых отбирали людей, оленьё хозяйство. Кроме того сказался непосильный труд, который потребовался, когда начинали рубить эти посёлки, строить дома в Казыме...

Надо было возить брёвна на оленьих упряжках, чем люди раньше никогда не занимались (в средней полосе вообще на оленях всё это не возили, только на лошадках)... Ведь до революции там вольница была, более-менее мягкая царская политика. Приезжал купец и покупал пушнины столько, сколько ему продавали. А тут появился план – по рыбе, по пушнине. Нужно было отработать – сдать определённое количество рыбы и пушнины в квартал. И получался гнёт чуть ли не как при крепостном праве. Чтобы все эти планы выполнять, времени не оставалось передохнуть. Я помню, в детстве моей семье, чтобы выполнить план, каждый день надо было неводить, выставляя сети, ловить рыбу, потом вручную всю её сдавать в приёмный пункт... И даже построить хижину какую-нибудь не было времени совершенно. Потому что постоянно стоял вопрос: план выполнил или не выполнил... Повторюсь, тяжёлый труд, как при крепостном праве.

– Еремей Данилович, когда вы писали роман «Божья Матерь в кровавых снегах», в виде исключения один из руководителей спецслужб по Тюменской области предоставил вам все архивные дела по казымским событиям. Там было много-много томов. Таким образом, у вас была возможность узнать точку зрения спецслужб на эти события. Как вы считаете, пришло ли время рассекретить эти дела и допустить к ним

исследователей, или они должны до сих пор оставаться засекреченными? И второй вопрос. Часть хантыйской интеллигенции в конце девяностых годов стала ставить вопрос о реабилитации как расстрелянных, так и арестованных участников казымских событий. Но правоохранные органы тогда отказали им в праве на реабилитацию этих людей, сославшись на то, что их судили по закону и нет оснований для пересмотра решений 1934 года. Надо ли сейчас, на ваш взгляд, пересматривать эти дела, или следует согласиться с таким мнением правоохранителей?

– Там довольно сложная система... Дело вот в чём. Надо разделить начало конфликта и само восстание. Часть рядовых участников реабилитировали, а других нет. По тем руководителям восстания, которые были приговорены к смертной казни (около 10 человек), надо было смотреть, как именно они участвовали в этой, как ханты говорят, войне (гражданской войне). Более виновна была, пожалуй, та группа людей, которая умертвила бригаду, приехавшую вести переговоры, без всякого суда. Документов ведь никаких не было, и решили их, чтобы не выпустить, умертвить. В этой части, наверное, они несут уголовную ответственность. С юридической точки зрения, конечно, они должны отвечать, если убили человека. Вряд ли кто-то против этого будет возражать. Тем более, убийство произошло не в бою – они, по сути, умертвили пленных. Никакого документированного решения ими по этому поводу принято не было. В этой ситуации они были виновны. Но эту вину тоже надо доказать. Другое дело, если люди погибали в бою. Это немножко другая ситуация, как на всякой войне. Так что не всё однозначно. Конечно, надо эти дела изучать. Архивы, кстати, по-моему, уже рассекретили...

– Ну, на тот момент, когда вы работали с ними, они ещё не были рассекречены, вам их давали в виде исключения. Историкам, которые потом после вас просили доступ к этим документам, было отказано со ссылкой на то, что документы ещё не рассекречены.

– Это понятно. Потому что там много нюансов было. Но сейчас уже время прошло, и пора бы, наверное, рассекречивать документы. В этих моментах – кто был прав, кто был не прав – должны бы уже разбираться и юристы, и историки, и лингвисты...

– Вот мы говорили о том, что в советское время наше общество имело национальную идею. Но возьмём разгар горбачёвской перестройки. Я прекрасно помню те време-

на, когда вы лично и ещё несколько писателей посчитали, что всё-таки власть недостаточно проявляла внимания, в частности, к экономике и культуре народов Севера, не учитывала их специфику, от чего страдали люди, и вы тогда обратились с письмом в ЦК КПСС. И – небывалый случай – это письмо не легло под сукно мелких чиновников, а было вынесено на рассмотрение Секретариата ЦК КПСС и по нему было принято постановление Секретариата ЦК КПСС. (Сегодня такое немыслимо, чтобы писатель обратился в Администрацию Президента Российской Федерации и его письмо от приёмной по жалобам попало хотя бы в профильное управление АП, не говоря уже о том, чтобы самому президенту – и чтобы президент принял специальный указ.) **Вопрос: что конкретно тогда удалось решить, а какие проблемы так и остались на уровне слов?**

– Конечно, тогда был определённый подъём в общественной, социальной, культурной жизни: и власть, и сами представители коренных народов Севера совместно стали подходить к вопросам, чтобы в диалоге решить проблемы, которые назрели к тому времени. Там стояли вопросы литературы, вопросы пользования природными ресурсами. Относительно землепользования, к примеру, добились на тот период времени, что в двадцати традиционных местах проживания и хозяйственной деятельности надо изымать земли и использовать их непременно с учётом мнения проживающих там коренных жителей. В этом отношении, конечно, был большой прогресс. По Ханты-Мансийскому округу разработали нормативные акты, законы, подзаконные акты, по которым отводились земельные угодья под промышленное освоение и предусматривали механизм, каким образом это делать – чтобы это было с согласия местных жителей и с какой-то материальной компенсацией для них за пользование природными ресурсами. Это был очень важный момент.

– Нет ли у вас такого ощущения, что за последние двадцать лет произошёл откат от того, что было достигнуто после принятия тогда постановления по вашему письму?

– Естественно, всё, что тогда принято: закон о гарантиях прав тогда приняли, который ещё в недрах Верховного Совета СССР разрабатывался... Многие положения об обязательном представительстве коренных народов в органах власти... О статусе особо охраняемых природных территорий, который должны были иметь места традиционного проживания коренных жителей... Все эти вещи, конечно, были изъяты. Идёт процесс отката.

Единственное, что осталось, это наши договорные отношения – между недропользователями и коренными жителями (в основном в Ханты-Мансийском округе), а также возможность учёта при изъятии земель интересов местных жителей и какие-то дотационные средства.

– Откат идёт в результате мощного давления нефтегазового лобби? Или потому что у нас на разных этажах власти сейчас нет людей с государственным мышлением, которые должны понимать, что это может обернуться страшными последствиями – что мы фактически подрываем экономическую базу существования сразу нескольких коренных народов?

– Конечно, здесь два существенных момента. Когда эти нормативные акты принимались, у нас, у народа, было представительство – десять, к примеру, округов территорий Севера и Дальнего Востока имели десять представителей коренных народов (из самого народа), которые лоббировали эти интересы. Потом был период, когда вообще ни одного представителя не было. Все представители коренных народов из верховной власти исчезли. Это один момент.

А, во-вторых, любой вопрос на любом уровне в основном лоббируют крупные производственные компании, исходя из своих интересов, а оппонентов у них на том же правовом уровне просто нет. Баланс интересов нарушился. С одной стороны, представителей коренных народов с такими правовыми полномочиями на верхнем государственном уровне не осталось, а, с другой стороны, все крупные компании имеют определённых и хорошо финансируемых лоббистов на разных уровнях власти – и в представительных органах, и в правительстве. Поэтому всё так и получается.

– Когда случилась трагедия с ГКЧП, которая сдетонировала, ускорила развал Советского Союза, сразу после этого были попытки разобраться, что всё-таки произошло: по какому-то «дьявольскому плану» произошёл развал советского государства, по случайности или по недомыслию... Вы были включены тогда в комиссию Верховного Совета СССР по расследованию причин и даже имели удостоверение за номером «1». Это оказалось всего лишь красивой декларацией, никто и не думал ничего расследовать и допускать слуг народа к существенным документам на эту тему? Или всё-таки удалось тогда выяснить, с чем страна столкнулась и что произошло?

– Там же было целое заключение страниц на двадцать или тридцать о причинах крушения Союза, кто в этом участвовал и т.д. Но оно

потом так в архив и ушло... Рассматривать их по существу никто не стал...

– По сути до конца докопаться депутатам так и не дали?

– Да, потому что, если бы комиссия дальше работала, нужно было бы по идее уже подключать Генеральную прокуратуру, чтобы прорабатывать все эти вопросы и делать определённые выводы... А тут Союз развалился, и получилось, что некому было вообще этим заниматься. Все архивы сдали, избрали новую Первую Государственную Думу, и она уже занималась другими делами...

– Ну, вот смотрите. Мы говорим «лихие девяностые годы» чаще всего с отрицательным знаком. С одной стороны, они действительно были очень страшные. С другой стороны, как это ни парадоксально, мы наблюдали тогда ренессанс хантыйской культуры и литературы. Резко усилилось внимание к хантыйскому языку. Причём на самых разных уровнях, комплексно. Ставились вопросы и литературного хантыйского языка, и отдельных диалектов, и даже говоров. Было создано множество площадок и дискуссионных, и научных, на которых обсуждалось, как дальше развиваться хантыйскому языку, в каком направлении двигаться. Решались тогда вопросы и прессы на хантыйском языке, и радио, и телевидения, и книгоиздания, и литературы на хантыйском языке. Был создан целый научно-исследовательский институт возрождения обско-угорских народов, открыты новые лаборатории и в университете, и в педагогическом институте, и в колледже. То же самое происходило в хантыйской культуре. Был открыт центр замечательного художника Райшева... Причём, что главное мы увидели? Были созданы условия для развития самой среды, которая уже выдвигала свои вершины – художников, которых узнал весь мир. Сегодня же, такое впечатление (очень хочется надеяться, что оно обманчивое), что происходит затухание хантыйской культуры. Как всё-таки вы реально оцениваете ситуацию?

– В принципе, затухание (*смеётся*) идёт не только хантыйской литературы, а вообще любой нормальной литературы, нормальной культуры, нормального языка. Этот процесс везде идёт. Может быть, у хантов это более заметно, потому что институты есть, но появилась масса механизмов, которые не дают нормально развиваться языку. К примеру, у нас до сих пор не утвердили новый алфавит. Есть специальный федеральный образовательный стандарт, по которому через каждые

пять лет надо издавать новые учебники родного языка. Вот по мансийскому языку учебники выпустили (для пятого или шестого класса), но они не получили экспертного заключения. А раз экспертизу они не прошли, значит, не имеют права использовать эти учебники для преподавания в школе мансийского языка как предмета. Поэтому обучение только факультативное. Ну, кто хочет, ходит один или два раза в неделю. А по хантыйскому языку вообще даже учебников ещё нет. Только старые эти комплексы разрабатываются... Сначала спорили, что надо новый алфавит сделать. Десять лет никак не утвердят новый алфавит. Механизм, который существовал ранее, нарушился. И кто алфавит должен утвердить, никто толком не знает. Федеральные власти вроде тоже не должны. У местных органов власти нет полномочий утвердить алфавит для преподавания языка. А раз не утверждён алфавит, значит язык, опять же, преподаётся как факультатив – то есть те же один-два часа в неделю, это ничтожно мало.

Теперь дальше. Школы работают по уставу, в котором записано, что ребёнок может по решению родителей (письменное заявление) изучать хантыйский язык. Большинство учителей ссылаются на то, что родители не хотят, чтобы их дети изучали родной язык. Тут механизм простой и понятный. Если кто-то решит изучать язык, надо его в программу ставить, надо учителя приглашать, надо обеспечивать его количеством часов. В общем, забот много. А если «отказались» изучать родной язык, то, значит, слава богу, и вопроса нет. Родители, так сказать, в добровольно-принудительном порядке под влиянием учителей принимают, в основном, такое решение.

– Все очень ждали, особенно после романа «Божья Мать в кровавых снегах», от Еремея Айпина новой книги. Ведь сначала этот роман вышел в переводе на венгерском языке, потом в переводе на французском языке, хотя создан он был на русском. Как так получилось, что на языке оригинала мы увидели его лишь спустя почти десять лет после того, как появились переводы на европейские языки? Это свидетельствует о том, что в России полностью угас интерес к литературе, в частности, к хантыйской литературе? Или это была воля автора?

– На венгерском книга первый раз вышла в 2015 году. Просто я потом переписывал её. Потому что некоторые герои шли под своими именами. Потом я всё это сделал – время и место действия – условными, герои и анти-герои пошли под вымышленными именами.

Период перестройки, крушения Советского Союза... Кто-то из участников своими действиями известен, кого-то уже нет при власти, кто-то остался... Я сначала хотел это всё сделать как чисто документальное произведение. Конечно, это художественная книга, но с элементами документалистики. Потом я все эти вещи немножко сгладил. Может быть, две-три странички там есть, где упоминается главный наш перестройщик под своими фамилией и именем. А всё остальное изменено. Я несколько раз переписывал некоторые эпизоды. Всё-таки искал причины крушения, падения, почему это произошло... С точки зрения истории времени-то прошло ещё мало. Ну, сейчас уже более-менее ясно стало, как на это реагировал народ, каким образом вспоминают то время. Я в романе воссоздаю девяностые годы, что люди тогда говорили, как выражали свои эмоции. Во всяком случае я попытался многие вещи сделать не то чтобы безымянными, но авторскими, убрав подлинные имена. Это одна тема.

Второй – самый главный – момент. Нужен был герой, идеал. В девяностые годы пошла всякая всячина. А в советское время нас учили, что двигателем прогресса всё-таки должен быть некий идеал, герой. И я попытался найти такой идеал, такого героя, на которого люди могли бы равняться. Например, какой-нибудь олигарх вдруг берёт и говорит: «Всё, нахрен! Мне ничего не надо. Я всё отдам народу! Я уже нажрался, нагулялся. Хватит...»

– Неужели такой герой появился в реальности?

– Ну, что делать... Надо было создать – такого олигарха, который вдруг решает, что надо подумать о государстве и о народе.

– Разве есть такие? Или всё-таки наши олигархи ещё «не наелись»?

– Ну, во всяком случае я захотел такого найти... Если нет пока, то что ж – надо делать! Может, прочитают книжку – и появятся. Хотя беда в том, что они сами-то (олигархи эти) не читают (*смеётся*)! Но в голове у народа всё-таки должен быть идеал, к которому можно было бы стремиться... Вот вчера меня молодые художники затащили на новый российский фильм в кинотеатр – «Холоп». Такую дурь прогнали! (*смеётся*). Сынка олигарха в качестве воспитания отправили в прошлое, во времена крепостного строя – конюхом там, туда-сюда... И потом он стал хорошим. Даже попахать как следует не успел – исправился. В общем – дурь полная! Но идеал надо искать...

– Хорошо, ищем идеал. Что теперь нам ждать от вас, после романа «Божья Матерь в кровавых снегах»?

– Много чего у меня есть в замысле. Князь

Самар был у нас... Хотелось бы о нём написать.

– То есть в работе у вас исторический роман?

– Да, он мог бы быть вполне уместен. Это же княжество было – почти государство, пока его не разгромили в результате колонизации. Надо заниматься государственным строительством...

– Уже началась работа над этим романом?

– Нет-нет, это пока только в замысле. Ещё есть у нас Танья-богатырь, который тоже как исторический герой прославился объединением народа, территорий. В общем, на мой взгляд, надо искать таких героев, исторических личностей, которые бы вдохновляли нас на объединение, на государственное строительство.

– Лет двадцать назад на одной из встреч вы сказали, что вообще-то надо вернуться к самоназванию народа – «остяки». Еремей Данилович Айпин и сегодня стоит на этой позиции?

– Думаю, что это интересная идея, поднять остяцкие корни. Я и сейчас периодически использую остяцкие песни, мотивы, историческую литературу об остяках или об уграх... Сейчас даже более упоминаемы угорские племена...

– Когда вы ратуете за возвращение к прежнему самоназванию, вы это делаете ради того, чтобы восторжествовала историческая справедливость, или вы считаете, что это даст какой-то новый импульс духовному возрождению народа?

– Конечно, это должно стать толчком к объединению угорских народов. До сих пор была известна финно-угорская литература. А мы сейчас хотим сделать угорское направление. Есть идея создать Международный литературный центр угорской литературы. Это поиск какой-то формы объединения на исторической основе. Ведь в масштабах государства у нас от национальной идеи и идеологии все шарахаются (*смеётся*). Хотя американцы, например, спокойно национальную идею используют и в ус не дуют. Любовь к своему отечеству везде культивируется, во всех странах мира, а мы почему-то это никак не можем оформить. Можно как угодно это назвать – идеология, национальная идея, – но только любовь может объединить государство, народ.

– На этой замечательной точке – на любви – и закончим нашу беседу. Спасибо, Еремей Данилович!

Беседу вёл Вячеслав ОГРЫЗКО

Фото - Евгений БОГАЧКОВ

Пусть тебе приснятся небесные олени

(Стенограмма одного совещания)

Живём или выживаем?

– Хатангцы, к сожалению, не приехали, и многие другие оленеводы тоже – погода наглядно показала, как тяжело живётся в тундре, – отметила председатель Общественного Совета при главе Таймыра Галина Дядюшкина, открывая заседание. – Учёных из заказников тоже не вижу – жаль. Представители Ассоциации коренных малочисленных народов Севера присутствуют – 8 человек из 11 списочных, члены Совета тоже в наличии – кворум имеется. Итак, начнём...

...Петровича у нас в колхозе уважали. Мужики уважали за редкую у деревенских смелость выступать на собраниях.

А жёны начальников, напротив, за то же самое недолюбливали.

Потому что Петрович резал правду-матку в глаза. Несмотря, вопреки всему и невзирая.

Его так на деревне и величали: Правдуруб.

Встаёт этот Правдуруб Петрович на собрании – самом представительном, между прочим, – и, несмотря на то, что в президиуме – начальство аж из самого району – режет, волнуясь, срываясь временами на фальцет, правду-матку в глаза:

«Я человек прямой, я же не буду там, по закоулкам, за спиной, как другие, – я прямо в глаза скажу: руководство наше колхозное (эффектная пауза)... – уважаю! Да! Вот так!»

И сажился Правдурб на место, принимал как должное рукопожатия мужиков и восхищённые взгляды сельчанок, медленно остывая от волнения, неукротимо вертя головой, поправляя поминутно и несговорчиво галстук и время от времени продолжая вышёптывать во все стороны: «Да, я такой! Я правду-матку!..»

Получив редакционное задание «осветить» заседание Общественного Совета, почему-то вспомнил поразившего в детстве своей смелостью и принципиальностью приснопамятного земляка, Петровича. Случалось и позже многаяжды и в различных частях необъятной Родины встречать подобных мастеров разговорного жанра, но деревенский Петрович – статья особая. И чего, спрашивается, вспомнил? А ничего – так, капризы памяти прихотливой...

Тема представительного собрания – совместного заседания Общественного Совета при главе района и членов Ассоциации коренных малочисленных народов Таймыра: «Как живёшь, оленевод?» Присутствуют глава Таймыра Евгений Вершинин, заместители главы, начальники Управлений администрации района и города, руководитель Агентства развития северных территорий и поддержки коренных малочисленных народов севера Красноярского края Владислав Королёв, его заместитель Жанна Гольм, руководители сельских поселений, представители силовых структур и ведомств – прокурор, старший советник юстиции Сергей Трофимов, начальник отдела МВД подполковник Сергей Григорьев, тундровики-олeneводы с жёнами-чумработницами из тех, кого не задержала погода, студенты и представители общественности.

О-о, тундра!

Или

**Рассказ о поездке к оленеводам,
имевшей место быть в октябре текущего года**

– Мне снятся небесные олени! – признавался певец тундры Алитет Немтушкин в одноимённой повести. А многие ли видели воочию даже не небесных – вполне земных, живых и тёплых – оленей в их естественной среде обитания? Я тоже доселе не видал, и только благодаря доброй воле потомственного оленевода и рыбака Александра Ядне, пригласив-

шего в это феерическое путешествие, побывать посчастливилось в настоящем стойбище оленеводов, порыбачить на подмёрзших тундровых озёрах вместе с настоящими, без подмеса, рыбаками – на собственной шкуре прочувствовать, почём он – фунт лиха...

Впрочем, этот самый фунт лиха ещё не особо полновесный – зима только начинается, температура пока не ниже довольно комфортных десяти градусов. Хотя вряд ли в крутой поездке на снегоходе по едва заснеженной тундре десять градусов минуса показались бы комфортными, если бы не передел меня предусмотрительно Александр Хаскович в натуральную малицу... Картина почти нереальная – мчатся по бескрайней, всхолмлённой и причудливо изрезанной долинами речушек и ручейков, слегка присыпанной снежком тундре быстороходные «Ямахи», и не за что зацепиться неопытному глазу, чтобы не тревожило душу неиспытанное чувство затерянности в огромном мире. «Ехал ненец на оленях, он себе казался крохой...»

Одиноким рыбацкий балок Александра Хасковича и его сыновей – Глеба и Максима – находится, отнюдь не случайно, в краю озёр – в любую сторону ехать не более четверти часа, как попадёшь на водоём с такой рыбалкой, какая и привидеться в самом благодном сне не может мужикам с «материка»! В балке уже всё к рыбалке готово: снасти, прогоны, пешни и лопаты, а главное – азарт рыбацкий...

Недалеко по тундровым меркам расположено стойбище оленеводов. Егор Яптунай с сыновьями Владом и Сэвой аргишит в Дудинской тундре второй год, перекочевав с Гыдана. Освоился Егор Сукеевич на новом месте быстро – дело-то привычное, в глубь веков корнями уходящее, ревностно и любовно сохраняет опытный оленевод традиционный уклад жизни, не чураясь, впрочем, и новых веяний – снегоходы у него самые современные, имеется электростанция, спутниковые телефоны и компьютеры – прогресс-то никто и в тундре не отменял, тем более – для пользы дела. На стойбище дяди Егора и пофартило мне наблюдать оленей в их естественной среде, и даже позволено было поучаствовать в сборе стада, правда, довольно пассивным образом – болтаясь и подпрыгивая на кочках вместе с санями снегохода в качестве пассажира – сойдёт для первого раза, тем более, что в санях вместе с «дядей Васей» – учёным-биологом Василием Гончаровым из Норильска, изучающим оленей и их кормовую базу и попутно словоохотливо комментирующим происходящее, что весьма полезным оказалось.

И здесь – полное погружение в жизнь тундрового кочевника-оленевода: ночёвки в настоящем балке Влада Яптунай – лёгком кочевом жилище, обтянутом традиционно, как и встарь, оленьими шкурами и оказавшемся неожиданно тёплым и уютным (и странно было бы озябнуть в помещении, где маленький Боча и его сестрёнка привычно играют и смотрят мультики в одних футболках); походы с Бочей и Колей к проруби за водой; съёмки оленьего стада и отдельных рогачей (даже, смею надеяться, научился отличать важенок от быков); и снова подлёдная рыбалка – теперь уже с оленеводами; кульминация дня – вечернее пиршество, когда на столе – всё самое свежее и экологически чистое. Скажу честно: свежей оленьей крови испить не решился, в отличие от товарища полицейского, ну так на то он и силовая структура...

Не об этом ли мечтаете меланхолично, подсчитывая дни до желанного отпуска, вы, обитатели комфортабельных квартир в уютных городах, со вздохом перечитывая Джека Лондона, Джеймса Кервуда, Виталия Бианки, Василия Пескова и других путешественников? Ничего не скажу более – «лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать»...

О новой концепции

Но – к делу. Ведущий докладчик – заместитель главы района по делам коренных малочисленных народов Таймыра и вопросам сельского и промыслового хозяйства Николай Маймаго.

– Самыми успешными временами для оленеводов Таймыра являются 60-е годы прошлого столетия, – отметил Николай Николаевич, – особенно 1966 год. Таймыр гремел на весь Союз! В настоящее время поголовье оленей составляет 123 296 голов – на 1 января 2020 года. В Карауле олень есть, но пастбищ недостаточно, в Хатанге – наоборот, пастбища хорошие, но оленей мало.

Николай Николаевич доложил, что 15 хозяйств занимаются разведением северных оленей, а это более 550 семей. Хозяйства входят в реестр субъектов агропромышленного комплекса Красноярского края, претендующих на получение государственной субсидии. Основными задачами Николай Маймаго считает проведение специализированного учёта поголовья оленей на местах выпаса, селекционно-племенную, зоотехническую и ветеринарную работу с породами оленей, рациональное использование земель, исключаящее истощение пастбищ.

– Нужны серьёзные геоботанические исследования для использования земель согласно научным рекомендациям, – подчеркнул Николай Маймаго. – Необходимо определить проекты землеустройства, в которых будут отмечены маршруты кочевания, сроки смены пастбищ и места выпаса оленей. Нужна новая программа целевой подготовки молодёжи для работы в оленеводстве. К числу осложняющих ведение оленеводства факторов относится освоение нефтяных месторождений, затрудняет жизнь кочевников отсутствие факторий. Приходится признать: рынок значительно осложнил ведение оленеводства, нам нужна новая концепция развития оленеводства с учётом особенностей территории. Просьба к оленеводам: подключайтесь к работе, товарищи!

Как докатились до жизни такой...

И товарищи подключились – простыми, идущими от сердца словами рассказали о проблемах тундровиков, о том, как «докатились до жизни такой». Обо всём доложили – о необходимости повышения субсидий оленеводам и кочевникам, о нехватке медикаментов, перебоях в продовольственном снабжении, прозвучали предложения по выездному обучению управлению снегоходной техникой, по возрождению сельскохозяйственных предприятий в посёлках, были затронуты и другие, не менее важные в жизни тундровика вопросы.

Устами подростка глаголет...

Первому председателю собрания предоставила слово будущему потомственному оленеводу – ученику 10 класса Илье Силкину, рассказавшему, что его семья из 9 человек имеет более тысячи оленей. Все каникулы Илья проводит в тундре, со стадом, и не понаслышке знает проблемы оленеводства.

– Хочу продолжить дело родителей, – слегка волнуясь в присутствии такого большого количества важных взрослых, рассказал Илья. – Видел в тундре: вред природе от буровых установок – олень там не пасётся, рыба пропадает. Предприниматели занижают цену продукции оленеводства – за бесценок скупают мясо, панты, камус. Просьба к участникам Общественного Совета: больше внимания уделяйте оленеводам!

При сих словах живо и вполне закономерно припомнил единственную свою за 4 года командировку в тундру – к оленеводам и рыбакам Александру Хасковичу Ядне и Егору Сюккевичу Яптунай. Мчащиеся по бескрайней заснеженной тундре неукротимо рычащие наши «Ямахи»...

Бескрайняя и заснеженная тундра. Словесный штамп, окаменевший от частого употребления, как бивень мамонта, и не употреблял его в своих писаниях разве только репортёр районной газеты типа «Заря Мадагаскара», да и то самый ленивый... Но, дорогие мои, хорошие! – тундра и в самом деле бескрайняя и заснеженная! А в той тундре, в маленьком стойбище из двух балков – юный оленевод Боча пяти неполных лет, внук Егора Сукеевича и сын Влада Яптунай – сидит себе, сопит тихонько, деловито сооружая чум из палочек, в балке, за меховыми стенами которого – нереально настоящие и по-настоящему прекрасные олени – ждут, зовут в аргии своего пастушка...

Диета для снегохода и оленевода

– У нас часто не хватает самых простых и необходимых «долгоиграющих» продуктов, незаменимых при кочевой жизни, таких, как сушки, галеты, – сообщил Роман Деголевич Силкин, 65-летний оленевод из Тухарда. – И с топливом, конденсатом проблемы. Раньше ежемесячно выделяли по 200 литров конденсата, теперь – лишь 2 раза в год. Катастрофически не хватает – стойбище моё за 200 километров, на чём ездить?!

Небольшого росточка пожилой тундровик говорит негромко, без особых эмоций, тщательно подбирая слова. Но тем явственней слышат присутствующие в его речи застарелую боль и обиду на невнимание к проблемам тружеников тундры.

– Тухард на долгое время остался без отоварки, оленеводы вынуждены были ездить за самым необходимым товаром в Дудинку – это не что иное, как преступление! – поддержала Романа Деголевича председатель Совета Галина Дядюшкина.

Там, где могилы предков Тухард и Хантайское Озеро

Анна Эдуардовна Туманова, начальник территориального отдела в посёлке Хантайское Озеро – представитель населённого пункта, насчитывающего 212 жителей, рассказала участникам Совета, что в лучшие времена в посёлке насчитывалось до 12 тысяч голов оленей, последний из которых забит в 2008-м году.

– Производства у нас нет никакого, живём там, где могилы предков, – с болью в голосе продолжила Анна Эдуардовна. – Необходимо, жизненно необходимо возродить оленеводство! У нас есть пастбища – приглашаем оленеводов со стадами, чтобы дети наши привыкали, не забывали промысел, дело предков, чтобы возродился угасающий наш посёлок! Мы помним, как наполненно, с чувством собственного достоинства, как благополучно жили в посёлке и в тундре долганы и эвенки, когда процветал у нас совхоз «Хантайский»!

Анну Туманову поддержали пенсионер, в прошлом оленевод Пётр Николаевич Болин и чумработница Эмилия Люнчевна Силкина из посёлка Тухард.

– Мы часто даже не знаем, какая сумма субсидии нам положена, – посетовала Эмилия Люнчевна. – Хочу ещё пожаловаться: День оленевода – наш главный праздник, весь год ожидаемый, практически единственный, когда все могут встретиться, а продолжается он недолго, мы не успеваем даже во многих конкурсах поучаствовать, они же одновременно проводятся. Надо всё-таки как-то подольше проводить, продлить праздник. И при таком стечении народа – всего 3 чума ставится, мало кто успевает погреться, пообщаться подле печки, чайку попить... Почему начальники сидят вольготно, а для нас не хватает? В квартирах у нас нет воды, канали-

зации, отопление электрическое – до 9 тысяч рублей набегают.

Хатанга и Носок

На протяжении нескольких десятилетий мы говорим о критическом состоянии оленеводства в нашем поселении. По итогам просчёта в 2019 году в поселении насчитывалось 3730 оленей. Численность поголовья в 2019 году по сравнению с 2018 годом уменьшилась на 33,7%.

Оленеводство – это этносохраняющая отрасль, настоящее и будущее нескольких этносов Таймыра. Мы уже имеем примеры утраты оленеводства у отдельных этносов, например, у вадеевских нганасан в посёлке Новая. В настоящее время оленеводством в поселении занимаются только долганы. Поголовье выпасается на пастбищах трёх посёлков: Новорыбная, Сындасско и Попигай.

(Из доклада представителя Хатанги)

В Совете участвовал-таки представитель Хатанги, вместо не приехавшего из-за погоды руководства поселения доложивший о чаяниях земляков.

– У нас 43 семьи, 150 человек, заняты в оленеводстве, пасут 3700 голов, – рассказал депутат районного Совета Александр Викторович Иванов. – Поголовье домашних оленей неуклонно сокращается – уводят дикари, сами хозяева продают якутам. У нас перспективы развития оленеводства есть, но: закупочная цена продукции – ниже себестоимости. Нужны срочные меры, иначе не будет в Красноярском крае долган-олeneводо-в...

Вадим Нярович Вэнго, оленевод кооператива «Яра-Танама», посёлок Носок, не стал отказываться от определённой доли вины самих оленеводов в сложившемся неблагоприятном положении с местами выпаса оленей, назвав причину истощения пастбищ, находящихся недалеко от посёлков.

– Оленеводы сами не хотят аргировать на север, толкуются близ посёлка, обедняя пастбища, – считает Вадим Нярович. – Частное, казалось бы, дело – где хочет, там и пасёт. Но не только нежелание лишних тягот кочевания или тяга к удобствам тому виной – аргировать далеко порой просто не на чем, нет топлива, негде отovarиваться в пути. К тому же уйдёшь на север – твоё место займут другие, займут соседи. Зачем соседу моя тундра? Да есть соседи, для которых даже моё истощённое пастбище предпочтительнее своего. Ветеринарам спасибо, выручают, но медикаментов не хватает, не всем достаются.

Руководитель Агентства развития северных

территорий Владислав Королёв рассказал об опыте проведения работ по учёту поголовья оленей в Хатанге, подчеркнув важность определения истинного количества поголовья на всём Таймыре.

– Пилотный проект в Хатанге – это только первый шаг, – отметил Владислав Владимирович. – Но точное значение поголовья не определено, правительством края намечены работы по учёту, поскольку возрождению оленеводства как отрасли придаётся большое значение.

Режем правду-матку

Объяснение Вадима Вэнго оказалось достойным ответом на мнения, прозвучавшие в ходе обсуждения выступлений тундровиков. Мнения эти, выраженные, в частности, одним из руководителей администрации сельского поселения, прямо называют виновниками нарушения миграционных путей и истощения пастбищ исключительно ...самих оленеводов, якобы упорно и беспричинно не желающих откочёвывать подальше от посёлков.

Привычно-убаюкивающе журчат эти самые «мнения» опытных чиновников, вполне себе уверенных в том, что именно такие, ничего не содержащие, высказывания вышестоящему начальству и угодны: «Виноваты (немножко) и та, и другая сторона...» (и, стало быть, никто конкретно не виноват); «Примем к сведению...»; «Возьмём на вооружение...»; «Обращайтесь, товарищи, а уж мы, со своей стороны...» и так далее по списку. Как журчали, никого и ничего не задевая, эти «мнения» и двадцать, и тридцать лет назад. Собака лает – караван идёт...

Тундровиков надо знать!

Припиши 300 голов – получишь «Ямаху»!

Поддержала оленеводов большой знаток жизни тундровиков, председатель Общественного Совета Галина Дядюшкина, эмоциональный яркий монолог – отповедь чиновникам, ищущим оправдания своего бездействия, стоит привести здесь полностью:

– Тухард целый год буквально голодал, а Вы говорите – «Обращайтесь»?! Проблема продовольствия надо решать! Администрации Тухарда необходимо привлечь предпринимателей. В Карауле и Носке предприниматель Насираддин Алиев достойно наладил снабжение, до Тухарда руки не дошли. Впервые за 13 лет пригласили тундровиков и – отчитали их?!

А тундровиков надо знать! Раньше руководители приезжали в посёлок на 3 дня, а теперь – на 2 часа... Что можно узнать за 2 часа?! По субсидиям дело обстоит ужасно, по жилью – тоже, на Таймыре, и это надо признать, развалено всё хозяйство! Обвиняете оленеводов в приписках, а я знаю случаи, когда оленеводы советуют друг другу: «Припиши 300 голов – получишь «Ямаху»!..» Создано абсурдное положение – значит, это кому-то нужно?

Меньше говорить и больше делать

Давайте помнить свою историю: как работал, что сделал для Таймыра наш губернатор Геннадий Павлович Неделин, спасибо ему! Давайте брать пример с лучших! Евгений Владимирович, на Вас возлагаю надежды! Если мы сейчас, завтра-послезавтра, не найдём ответственного человека, который будет координировать работу наших сельхозников, к которым отношу и рыбаков, забытых навеки, и оленеводов, о которых ещё вспоминаем временами, как сейчас, – ничего не будет! Как везде, руководят кадры. У нас нет полномочий, но с нас спрашивают, мы должны на совесть работать, для людей. В Агентстве северных территорий меняются руководители чаще, чем перчатки – каждый год. Приедут, наобещают, встретимся, поговорим... Уже и учёт ведём десятый год, чипирование проводили – привозили нам чипы электронные, железные, чугунные, – ни малейшего толку. Можете передать своему руководству в крае нашу просьбу: пусть оставят сегодняшний состав Агентства развития северных территорий хотя бы на 2 года, чтобы могли закончить начатое в Усть-Енисейском поселении. Ведь как происходит: съездили в тундру, наобещали, наговорили, а вдруг вы нас бросите – кто будет выполнять? Передайте эти слова губернатору, Александру Уссу. Это его отец, Виктор Усс, директор совхоза, Герой Социалистического труда, на вопрос: «Почему у Вас всё так хорошо в хозяйстве?» неизменно отвечал: «Меньше надо говорить, просто работать!» Давайте проанализируем, всё ли мы делаем?!

Скорая помощь для оленей

Санитарная обработка оленей – важная составляющая работы по выращиванию животных, которые часто гибнут от сибирской язвы, поедом ест их овод, не давая набрать за лето вес, превращая шкуру в сито. С отчётом о проделанной работе выступил руководитель таймырского отдела ветеринарии Константин

Агапов. В прошедшем году, доложил руководитель ветеринарии, привиты от сибирской язвы и обработаны от овода более 67 тысяч голов. Наибольшее количество оленей пасётся в Тухардской и Носковской тундре, в Хатанге – 3700 голов, в Потапово – 435 голов.

Современные условия жизни и развитие техники требуют кардинально поменять взгляд на бытовые условия жизни оленеводов. Необходимо обеспечить для оленеводов информационную и цифровую доступность ко всем ресурсам Интернет, обеспечить хозяйства снегоходной и вездеходной техникой. Необходимо принять стандарт минимальной материальной оснащённости оленеводов, обеспечивающей комфортные условия жизни в тундре.

(Из доклада представителя Хатанги)

Важенки ждут новых женихов

Потаповский оленевод Вадим Анатольевич Силкин, кочующий на родовых землях в районе Красного озера, поделился проблемой: не хватает у него в стаде быков-производителей, нужно закупать, чтобы менять кровь, так как оленята получаются слабые – за один аргиш могут погибнуть до полусотни телят. Вопрос серьёзный, нужны здоровые породистые хоры, новые гены для важенок, иначе, при близкородственном скрещивании, происходит в потомстве ослабление иммунитета.

Нехватка субсидий и горючего, но переизбыток горячительного

С докладами и репликами выступили представители силовых структур, Ассоциации коренных малочисленных народов Таймыра, руководители поселений, чумработницы. Наталья Юрьевна Тэседо предложила рассмотреть вопрос выдачи субсидий также и рыбакам. Начальник ГИБДД майор Денис Власенко отметил недостаточный уровень борьбы с пьянством в посёлках, привёл примеры аварий и столкновений на снегоходах в посёлках Носок и Хатанга.

С болью в сердце

Олень – не курица

Главный специалист аппарата уполномоченного по правам человека в Красноярском крае, председатель КМНТ Григорий Дюкарев выразил от имени оленеводов благодарность

за помощь в организации санитарной работы руководителю Агентства развития северных территорий Владиславу Королёву, а также подробно обрисовал свою позицию как руководителя Ассоциации КМНТ:

– Оленеводство – больная тема, – отметил Григорий Иванович. – С болью в сердце, с надрывом выступают сегодня наши земляки-олeneводцы. Но, согласитесь, товарищи, не инопланетяне же нам портят пастбища! Галина Александровна говорит, что уже два-три десятка лет мы эту тему мусолим, а нефтяные компании к нам пришли каких-то 4 года назад, поэтому кивать на них было бы несправедливо. Мы сами нарушали миграционные пути, складывавшиеся веками, кочуя ближе к посёлкам, где легче отовариваться. Многие вопросы зависят от отношения оленеводов к своему делу. По части подготовки молодёжи. Это же наша молодёжь! Кто-то остаётся в Дудинке, случается, и хулиганят. От нас зависит, передадим ли молодым наши ценности. Государство, разумеется, поддерживает – в 2003-м году были введены субсидии, когда поголовье упало ниже цифры в 40 тысяч голов, и эта мера сработала положительно, но это уже вчерашний день, сегодня нужны современные технологии переработки мяса и рыбы. Да, мясо продаётся дёшево, я не согласен на цену в 200 рублей – оленина не может стоить, как курятина. Сегодня покупаешь кусок оленины, как лотерею – не знаешь, что это: старый бык, телёнок или важенка? Маркировки-то нет никакой. Пока не будем иметь нормальный убойный пункт, цены на оленину, а значит, и доходы оленевода не вырастут. Приходилось видеть на Ямале выделанные шкуры – ни единой дырочки! Все 700 тысяч голов там проходят тщательную обработку санитарную. И у нас ветслужбы должны работать на 200-300 процентов! Мясо с личинками – это вина нефтяников?!

Предложения председателя Ассоциации

Григорий Дюкарев представил предложения Ассоциации: Агентству развития северных территорий открыть на Таймыре Центр компетенций, подобный действующему в Красноярском крае и оказывающему юридические, бухгалтерские, ветеринарные, зоотехнические сопровождения производителям агропромышленного комплекса. И второе: молодые оленеводы-механизаторы не могут по окончании колледжа трудоустроиться, надо давать им дополнительное образование, квалификацию снегоходчика, тракториста, электрика и тому подобные – тогда они смогут трудоустроиться по этим специальностям.

Забегая вперёд, или Продолжение следует

Забегая вперёд, доложу: уже после закрытия Совета в кулуарах Галина Александровна, председатель Совета, добавила следующее:

– Как председатель Совета, не желая слишком затягивать заседание, я воздержалась от дальнейших комментариев, но как старожил Таймыра и бывший председатель оленеводческого совхоза не могу промолчать. Да, верно, нынешние нефтяники пришли на Таймыр сравнительно недавно – 4–5 лет назад. Но это уже эксплуатационники, а разведчики орудовали здесь задолго до рождения многих сегодня выступавших. Таймыр стал рассматриваться как кладовая природных ресурсов в шестидесятые. В 1961 году был создан коллектив Таймырской геофизической экспедиции для разведки недр. В 1962 году пришли буровики, установили свои вышки, принялись бороздить тундру тяжёлыми тракторами. Продолжалось это десятки лет. Хрестоматийный пример, известный каждому: след от гусениц трактора зияет в тундре незаживающей раной долгие годы – так хрупка экология тундры. Нефтяников обязывали, разумеется, рекультивировать земли, но всё это делалось не всегда добросовестно, не все понимали, что тундра – исконная земля коренных народов, нужно бережно относиться к ней. С каждым годом положение ухудшается, пастбищ практически нет. В Носке, к примеру, погибло до 70% пастбищ, нарушены миграционные пути, маршруты кочевания. К тому же соседи с Ямала стремятся кочевать на наши земли, в 90-е годы у них насчитывалось порядка 350 тысяч голов, а теперь – 700–800 тысяч, и возникла нехватка пастбищ. А не пускать или выгонять – не в наших правилах, ямальцы – наши братья-ненцы. Об отсутствии факторов, должной организации снабжения и прочем сказано уже немало. Руководству необходимо уделить пристальное внимание оленеводам, прислушаться к нашим рекомендациям! Много чего ещё хотелось бы сказать, так что напишите: «Продолжение следует!»...

Совет рекомендует

– Таймырский колледж стал стараниями Галины Александровны буквально площадкой решения больных вопросов, – отметил в заключение глава Таймыра Евгений Вершинин. – Приходится, видимо, переиначить тему собрания, правильнее будет: «Как выживаешь, оленевод?» Но остаются и вопросы. Не хватает пастбищ, лекарств, субсидий – а поголовье растёт?! Парадокс! На деле или на бумаге растёт? Примем

решение создать Союз оленеводов и рыбаков Таймыра. И руководить им должен знающий человек, понимающий проблему изнутри, способный отстаивать права тундровиков. Оформи́м руководителя официально, будет получать зарплату – чтобы и спрос с него был. Давайте не искать виноватых, ставить точку и работать совместно.

Согласно предложениям участников заседания, члены Общественного совета выработали рекомендации. Решено обратиться в Правительство Красноярского края с предложением выделить средства на проведение научных исследований с целью определения методики восстановления оленьих пастбищ на левобережье Енисея, строительство в 2021 году убойно-перерабатывающего завода в местах выпаса. Также руководству региона рекомендовано оказать содействие в организации племенного стада домашних оленей на базе посёлка Потапово, рассмотреть возможности увеличения размера компенсационных выплат оленеводам, разработать меры по регулированию численности песца, и другие рекомендации.

Депутатам районного Совета рекомендовано выступить с законодательной инициативой о предоставлении социальных выплат за изъятие особей россомахи и песца из естественной среды обитания в случае возникновения необходимости защиты от них.

Рекомендовано просить прокуратуру района совместно с контрольно-счётной палатой проверить подлинность документов по строительству жилья в посёлке Тухард.

Более качественную подготовку и проведение Дня оленевода рекомендовано поручить главам поселений, руководителям оленеводческих хозяйств – более активно участвовать в проведении коральных работ и специализированного учёта поголовья домашнего оленя в хозяйствах.

Рекомендовано также просить правительство края изменить форму поддержки отрасли оленеводства с поддержки юридических лиц и глав КФХ на поддержку самих оленеводов, состоящих с ними в трудовых отношениях, увеличить размеры компенсационных выплат оленеводам, чьё поголовье прошло специализированный учёт: Хатанга – в 2 раза, Караул – в 1,5 раза.

Нет чипа – нет денег

– Отправная точка – это, естественно, точное знание поголовья, – подчеркнул руководитель Агентства развития северных территорий и поддержки коренных малочисленных народов севера Красноярского края Владислав Королёв. – Сейчас, по документам, мы имеем разные цифры. Вопрос

поставлен однозначно: не прошло животное государственную идентификацию – нет субсидии. То есть биркование нужно прежде всего самому оленеводу! Это же паспорт оленя!

Собрание, которое провёл с оленеводами руководитель Агентства, состоялось сразу после Общественного Совета, на который съехались оленеводы из посёлков Тухард, Караул, Потапово, Хантайское Озеро и других – все те, кому не помешала погода. Представители Агентства разъяснили тундровикам необходимость и последующие выгоды специализированного учёта поголовья, дальнейший план работ.

Согласно этим планам, при проведении чипирования будут задействованы 16 коралей в Тухардской тундре и 9 – в Носковской. Процесс чипирования требует – непростой, нужна помощь оленеводов, как пояснили приехавшие специалисты. Для обеспечения эффективности работ будут применяться быстровозводимые корали, которые можно быстро установить вблизи мест выпаса стад, что удобно для оленеводов.

Специалисты Агентства рассказали, что размер субсидии за содержание чипированного животного составит 520 рублей за голову, половина средств поступит из федерального, вторая половина – из краевого бюджетов. С 2021 года вступает в силу закон: «нет чипа – нет денег!» Представители Агентства рассказали, как проходил учёт в 6 бригадах Хатанги, где пробирковали 3700 голов.

– Меньше, чем за сутки, при действенной помощи оленеводов, мы чипировали 700 голов, – рассказала специалист Агентства северных территорий Жанна Ярославовна Гольм. – Одновременно с установкой чипа проводилось вакцинирование животного от сибирской язвы и ставилась прививка против овода. Процесс непростой – животное надо поймать, установить маленький чип в ухо, вакцинировать – операции довольно болез-

ненные для животного. Потому и радует высокая производительность, тем более, что шпуры для установки коралля мы долбили вручную, а на днях приобретены механические буры.

Выяснилось, что некоторые оленеводы не хотят прививать, хотя прививка осуществляется за государственный счёт. Но это нужно прежде всего самим оленеводам!

– Итак, первый этап – специализированный учёт, чипирование. Это обязательно! Чип практически вечный, это буквально паспорт животного, в котором указывается пол, возраст, хозяин, – резюмировал Королёв. – Каждому оленеводу определяем дату, ставим коралль. Второй этап – адресность мер поддержки: субсидии выплачиваются через кооператив или как физическому лицу, то есть оленевод будет получать субсидию напрямую за каждое чипированное животное. После учёта поголовья планируется строительство убойно-перерабатывающего завода, производительность которого составит 10 процентов от поголовья (вот для чего ещё нужно знать точно количество животных). А хороший завод стоит порядка сотни миллионов. Учёт – плановый забой – справедливая цена. Вот краткая схема.

Вопросов руководителям Агентства было задано немало. Жительница Караула Евгения Вэнго посетовала на отсутствие факторий.

– Много товаров везти на Карское море мы не можем, – пояснила Евгения Вэнго. – В советское время к услугам кочующих было централизованное снабжение, фактории просто необходимо восстанавливать – между Носком и Тухардом, на пути к Карскому морю. Кроме того, нужен до разреза рыбопромысловый пункт!

По-крестьянски обстоятельно всё обсудив (дело-то нешуточное); и договорившись о сроках проведения учётных работ – в августе-сентябре, (хотелось большинству оленеводов проводить чипирование в марте, но так быстро Агентство не готово); повздыхав (работы прибавится); и обменявшись мнениями (по обычаю, диаметрально противоположными), – оленеводы (ура!) сели, наконец, писать бумагу – согласие на проведение этих самых учётных работ. Значит, лёд тронулся, господа присяжные заседатели.

«Как живёшь, оленевод?» (Послесловие)

Работа над составлением и утверждением рекомендаций Общественного Совета на тему «Как живёшь, оленевод?» продолжалась и после окончания заседания. В процессе этой работы председатель Общественного Совета при главе Таймыра Галина Дядюшкина, как бывший директор оленеводческого совхоза, поделилась свои-

ми размышлениями над проблемами оленеводства в районе.

Дядюшкина Галина Александровна, почётный гражданин Таймыра, директор самого крупного совхоза «Заря Таймыра» (1991–2001 г.), посёлок Носок. После расформирования совхоза работала первым заместителем главы Усть-Енисейского района – до выхода на пенсию в 2005 году. Ныне председатель Общественного Совета при главе Таймыра.

– Год (1990 г.) поработала в посёлке Носок директором малого рыболовецкого предприятия «Харп», затем руководство предложило перейти в совхоз, объединить отдельные кооперативы, торговлю и малые предприятия в единое хозяйство. Тяжко было. Бессонные ночи, слёзы. Но с помощью губернатора округа, поддержки администрации многое, хотя и не всё, стало получаться – платили зарплату, заботились о тундровиках. Знаю и люблю коренных жителей района – стойкий, жизнелюбивый, мудрый народ.

В самостоятельном плавании

– Когда закрылись совхозы, мы оленеводов бросили на произвол судьбы. Как маленьких утят в воду. Нет, плавать-то они смогут, но вот сопутствующие опасности – вороны, водные хищники, сильное течение... Так и наши оленеводы – с оленями работать они умеют, но всё же к самостоятельной жизни в быстро меняющейся современной обстановке не были готовы, хотя живы были ещё ветераны, особенно в Тухардской и Носковской тундре. Перевели в частные хозяйства вчерашних работников совхоза, эти кооперативы взяли в руки отдельные руководители. Но к власти пришли люди, не особенно сведущие в хозяйственных вопросах, не имеющие опыта работы с оленями и людьми, некоторые были слабенькими оленеводами в совхозном прошлом. Негативные явления начались, в 2005–2006 годах, после закрытия совхозов, не стали соблюдать маршруты движения и уходить далеко на летние пастбища. В совхозах об этом думали руководители, специалисты, тогда было централизованное снабжение.

Значение централизованного снабжения в жизни тундровиков особенно ясно представляется сейчас, когда его не стало. Жизненно важные товары – продукты, промышленные товары. Откочевав на полгода, оленевод не напасётся товаров на всё время кочевания. Раньше в совхозе могли спокойно заказать вертолёт – один-два раза в месяц облетали. Даже санрейс мог взять на борт людей или продукты попутно, разрешалось, сейчас санрейс летит пустой. 15 лет нет улучшения, нет развития, с каждым днём становится всё хуже в этносохраняющей отрасли!

Основа отрасли – пастбища

О пастбищах на Совете говорилось немало, в частности, о порче пастбищ нефтяниками. Скоро не о чем станет говорить – пастбищ на сегодня практически нет. Обращаюсь к руководству, к главе Таймыра Евгению Вершинину: надо вывести оленей на правый берег, заключать договоры с соседями – Туруханск, Игарка. Надо спасать оленеводство! Отсутствие должного корма приведёт к гибели оленей. Мы сейчас не знаем, каков приплод, каковы потери от плохой погоды, как идёт отёл, не знаем размеров гибели телят – всё в частных руках, коммерческая тайна. Мы просто не занимаемся оленями...

В Носке, как установили учёные, оленеёмкость пастбищ составляет 17 тысяч голов. Когда ввели субсидии, в Усть-Енисейском поселении волшебным образом насчитали такое количество оленей, о котором и мечтать не могли! Это приписки или олени стоят, как сельди в бочке?! Слабый иммунитет животных, нарушение структуры стада (недостаток хоров в Потапово) – эти и ещё тысяча вопросов остро встают оттого, что ситуация ушла из-под контроля, руководители хозяйств с оленеводами не работают. Говорю это твёрдо. Нарушения при выдаче субсидий – придумывают цифры на расширение, организацию, реорганизацию и так далее. Субсидии на заготовку пантов – на пантах наживаются в основном руководящий состав, выигрывают руководители, а оленеводы страдают. На Таймыре буквально преступные действия по отношению к тундровикам!

Спасибо главе Таймыра, что разрешил рассмотреть на Совете этот вопрос. Для него это тоже внове, не случайно сказал Евгений Владимирович: «Не живёт, а выживает оленевод»...

О продуктах питания

Организовано снабжение из рук вон плохо. Почему-то считается, что это не вопрос общественности. Тухард был самый организованный посёлок, когда обслуживал «Газпром» – не было заботы с конденсатом, бензином и так далее. Но – на Таймыр пришли москвичи. Говорят: это модно, это капитализм, коммерциализация, а мы, мол, ничего не понимаем. Да кто бы ни пришёл – капиталисты или анархисты – не должны быть забыты тундровики! В прошлом году они совершенно не обеспечивались продуктами на летние пастбища. Они платили немалые деньги, нанимали транспорт и ехали в Дудинку. Везли на лодках муку, сахар, необходимые продукты. Слава Богу, что не было человеческих жертв

на реке при утлых лодчонках и Енисейских штормах!

С болью – о Хатанге

– Хатанга совершенно забыта! Мы, члены Общественного Совета, несколько раз выезжали в Хатангу – когда там было 7 тысяч оленей, потом 6 тысяч, теперь уже 3 тысячи всего! Скоро совсем исчезнут! Надо заниматься Хатангой! Много поступило предложений от Агентства северных территорий, может быть, что-то и дадут они – будут ли созданы госхозы или усилены как-то частные хозяйства...

Никогда не было так больно, как при рассмотрении этого вопроса – жизнь оленевода. Всем, и руководящему составу в том числе, надо прекратить вещать с трибун, что, мол, есть законы, приняты постановления, разработано то, рассмотрено это... На протяжении трёх десятков лет никакие законы не помогают, идёт разрушение отрасли!

На Совете предложено главой Таймыра создать Союз оленеводов и рыбаков на платной основе. Надо поставить во главе честного, порядочного человека, чистого сердцем и на руку. Сегодняшние руководители хозяйств, увы, думают только о себе...

*«Здесь родина моя, мой мир,
Мои снега и отчий дом»*

Огдо Аксёнова, первая долганская поэтесса

...Не достроил Боча чумик – поборол его безмятежный богатырский сон, раскинулся вольготно поверх мягкого мехового одеяльца, ни шумом ветра за колышущейся, как живая, стеной балка не тревожимый ни долетающим с порывами ветра лаем оленегаенок, скрипом наста под копытами да перестуком рогов. Чего тревожиться – родные звуки, привычные, засыпали сладко под эту музыку отец, дед, веками слышали бесчисленные предки. И сегодня от нас зависит, будет ли и внуков-правнуков подрастающего оленевода сопровождать эта родная мелодия жизни, или уже через пару десятков лет шелест шин по асфальту и гудки клаксонов за окнами – этот шум городской только жарким всплеском генетической памяти повзрослевшего Бочи преобразится – и почувдится, поблазнится ему во сне томительным как шорох наста под полозьями нарт и перестук рогов оленьих...

Хабир ХАРИСОВ

г. ДУДИНКА

Фото автора

Андрей РУДАЛЁВ

Освобождение региона от самодура

*Политический детектив в эпоху
коронавирусных баталий*

В самый разгар коронавирусных баталий Архангельская область пережила самый настоящий политический детектив. Чаемое и очевидное уже несколько лет оглушило совершенно неожиданно. Если бы не экстремальная эпидситуация, были бы народные гуляния и салюты.

За несколько минут до второго антикоронавирусного обращения президента Владимира Путина к нации архангельский губернатор Игорь Орлов сделал заявление о своей отставке. Причём, сославшись на данные соцопросов, которые, видимо, подтвердили его удручающе низкий рейтинг «околонуля». Усмешка судьбы или стратегов здесь в том, что внешне именно соцопросы, то есть мнение людей поставило крест на его политкарьере. Раньше по этому поводу Орлов неизменно заявлял: «Плевать хотел на эти рейтинги!». А они всё время свидетельствовали о пребывании на самых нижних строчках, о том, что 96 процентов населения ратует за его уход...

Надо сказать, что Игорь Орлов до последнего планировал идти на выборы, а в Архангельской области они состоятся уже в сентябре. Говорил о двух слагаемых выборного похода: поддержка населения и «добро» президента. Видимо, не случилось. Президент ещё в прошлом году поручил обеспечить учёт мнения населения в вопросе Шиеса. Но особенно никто этого не обеспечивал, создавалась лишь видимость и производилось традиционное очковитительство.

Отставка получилась неожиданная, скорее всего, и для самого Орлова. Ощущение, что губернатора активировали, например, звонком: «Всё, хватит, иди и объявляй».

Вторая усмешка судьбы – уход в непростое время. Понятно, что для федеральной власти смена четырёх губернаторов фоном президентского выступления – это демонстрация решительности и силы в сложные времена. Но в регионе, пребывающем в режиме самоизоляции, губернаторскую отставку многие восприняли за постыдное предательство, бегство в сложный час. Что едва ли верно, всё-таки активировали.

Всё последнее время шёл поиск этого момента

активации. Всё-таки губернатор Игорь Орлов полностью дезавуировал себя, и Шиес стал его моментом истины, как и для губернатора Коми Сергея Гапликова. Возникает вопрос о случайных людях во власти, которые совершенно непонятно по каким заслугам занимают большие посты, не имея для того никаких оснований. Не пройдя необходимый карьерный путь, а лишь взлетев синекурой. В Архангельской области с этим большая беда, настоящее проклятие современной российской истории. Один губернатор был сумасбродным барином с примесью скомороха, другой брал взятки пинцетом, третий – скандал на скандале и коррупционный клубок на клубке, четвёртый осрамился своим высказыванием о «шелупони» и Шиесом, кроме громких слов и обещаний, ничего стоящего за восьмилетку на посту не сделал.

Случайные люди, а ещё и высокомерные, надменные, важно раздувающие щёки и хмурящие брови, и при этом ни во что не ставящие то самое население. Воспринимающие людей за диких аборигенов, помеху на личном пути, особый балласт. Наверное, они полагают, что через такую

поведенческую модель будут соответствовать высокому статусу, кто знает... Это общая беда современных российских элит, под собою не чующих страны, отчужденных от неё. Они ведь выходили из той самой ситуации распада страны, хаоса, когда было важно показать, что все вокруг – быдло, а именно я право имею. Сейчас, конечно, постепенно ситуация изменяется, реальность этих ребят приземляет или отправляет в утиль, всё-таки без этого самого учёта мнения населения в статусе инопланетного гостя никуда.

Лично меня терзает печаль от несбывшихся надежд. В 2015 году, перед вторым губернаторским сроком я единственный раз лично разговаривал с Игорем Орловым в его кабинете и заверил о поддержке. Тогда это было так, это было искренне, но позже всё, к сожалению, изменилось. И вопрос не в том, что Игорь Орлов вдруг разочаровался, просто стало очевидно, что последовательная череда ошибок может привести к серьёзным последствиям для отечественной государственности. Становилось всё более очевидным, что он не тот человек, который сможет переломить здесь ситуацию, и все ожидания таяли на глазах. О причинах рассуждать можно много и долго, у Игоря Орлова всё-таки был необходимый потенциал для чего-то большего, но всё обернулось шиесской авантюрой. Печаль. Почему она произошла – тоже большой вопрос. Не хватило стойкости, неумение разбираться в людях, унтерпришибеевские повадки... Дальше пошло неумолимое падение, и отставка была лишь вопросом времени, хотя, надо сказать, что она сильно затянулась. Архангельская область последнее время пребывала даже не в затычном застое, наблюдалась полная деградация с потерей управления. И это при том, что в регионе на самом деле очень много работы, надо вообще понять его место и значение всего Русского Севера в современной России.

Что такое Архангельская область, если не брать в расчёт огромные территории. Помните, в августе прошлого года в связи со взрывом весь мир узнал топоним Нёнокса – старинное поморское село. Рядом – Северодвинск, где куётся наша суперсовременная российская «кузькина мать». Вычеркни этот город, и можно всей стране белый флаг выкидывать. Есть космодром Плесецк, ставший заменой Байконуру. Северный морской путь, ресурсы Арктики – битва за которые только ещё начинается. Архангельская область – мощнейшая лесная и целлюлозно-бумажная индустрия, а также месторождения алмазов. Это только то, что на поверхности. И при этом население области в количестве чуть более миллиона человек пребывает в затычной тоске, которая уже давно стала символом региона.

Игорь Орлов

За восьмилетку последнего губернатора население области сократилось на 100 тысяч, год назад приняли стратегию развития региона до 2035 года, где также прописали планы сокращения численности на сто тысяч. То есть никто переламывать тенденцию не планировал, мнили себя лишь статистами опустошения и запустения.

Никто и не планировал объяснить, почему, несмотря на такие выгодные исходные данные и мощный потенциал, регион инфицирован каким-то вирусом аутсайдерства. Вместо этого в 2018 году была развёрнута постыдная авантюра на Шиесе, которая буквально воспламенила негодованием весь Русский Север. Точка в этом вопросе не поставлена до сих пор. Все понимают, что вложенные деньги, а также жажда будущей поживы для интересантов этой авантюры многим важнее, чем какие-то там недовольные людишки.

Именно с этого момента, с середины 2018 года, в Архангельской области начался совершенно новый этап. Связан он с самоорганизацией и сплочением гражданского общества. И сейчас этот порыв необходимо направлять в благое и созидательное русло. Жители области проявили себя и доказали своей стойкостью, что они на самом деле – носители света и за них не стыдно. Через это и должно пойти преодоление ощущения никчёмности и заброшенности, которое свойственно почти всей провинциальной России. Ну, и, конечно, новому руководству, в первую очередь, следует перечесть Фёдора Абрамова – его строгиe строки о духе, характере и значении северного человека и земли. Тогда, может быть, станет понятно, что именно через Север страна становилась большой и богатырской. Не возникнет желание продолжать её оптимизировать, урезать, опустошать, а значит делать маленькой и бессмысленной.

г. СЕВЕРОВДИНСК, Архангельская обл.

Наталья БОГАЧЁВА

Где тот архив, откуда я пойду к храму?..

*Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовёт.
Мы вышли в открытое море
В суровый и дальний поход.*

Эти строки гимна морских пехотинцев Северного флота знает почти каждый. Автор их – Николай Букин – один из героических защитников полуострова Рыбачий Мурманской области. Уже в войну Рыбачий называли «землёй героев». Воины Заполярья стали прообразами героев поэмы Константина Симонова «Сын артиллериста». Букин вспоминал, как в войну Симонов выступал перед бойцами Рыбачьего. В землянке на берегу бухты Озерко «он провёл самую северную литературную встречу» с бойцами – молодыми поэтами Заполярья. Вскоре вышел в свет «самый северный сборник фронтовой поэзии – «За честь Родины» тиражом в 200 экземпляров. Здесь были собраны стихи фронтовых поэтов Рыбачьего, в том числе и автора гимна морпехов Н.Букина.

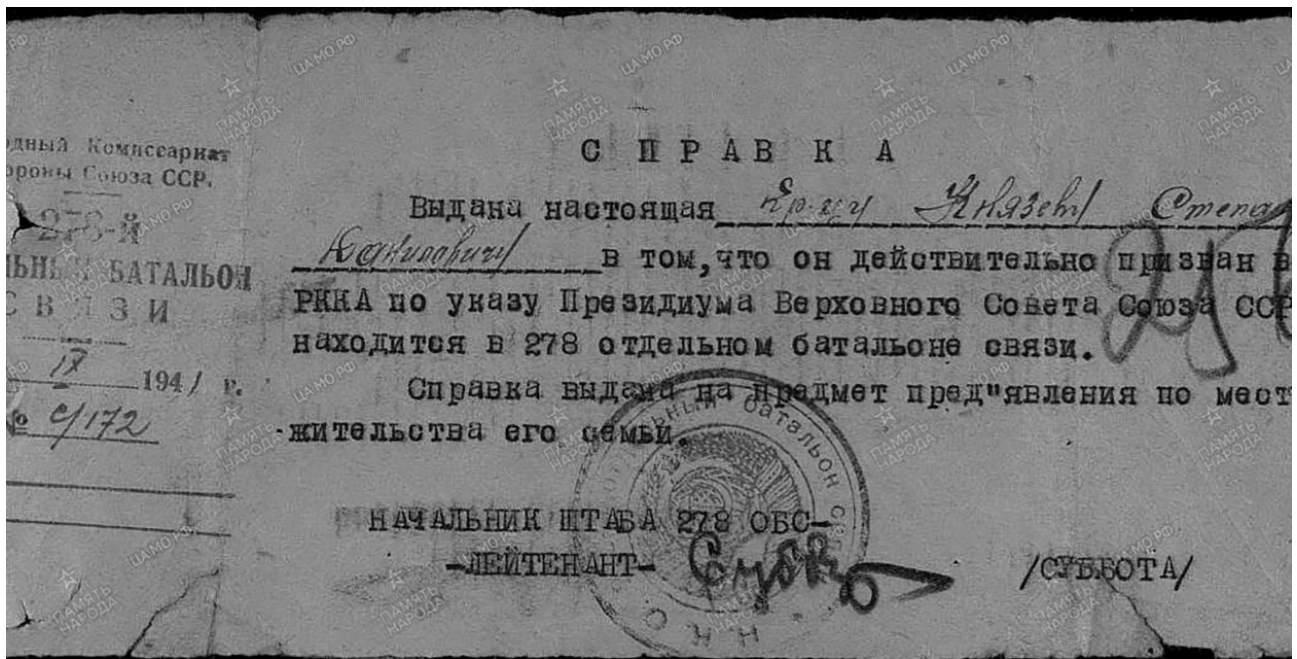
Князев Степан Данилович
(1909 - 03.1945)

Наверняка, с молодым поэтом-артиллеристом был знаком мой двоюродный дедушка – старший сержант 278 батальона связи Степан Данилович Князев. Они вместе защищали Рыбачий. Николай Букин выжил, после войны его пригласили работать в Москву в журнал «Советский моряк». Мой дед Степан Князев, служивший вместе с Букиным, пропал без вести. До сих пор не найдено место, где в последний раз он вспомнил строки однополчанина «прощайте скалистые горы...».

Героическая оборона полуостровов Рыбачий и Средний продолжалась 1273 дня. Три с лишним года воины стояли здесь насмерть. В октябре 1944 года с тяжёлыми боями выбили немцев из Заполярья и погнали дальше. Морские пехотинцы Северного флота освобождали от фашистов побережье и фьорды

Норвегии. Может быть, мой дед лежит где-то в братской могиле на берегу норвежской земли.

Защитники Рыбачьего сопровождали конвои – караваны транспортов, идущие по северным морям из Англии в Советский Союз и обратно. Возможно, мой дед Степан Князев обеспечивал связь на одном из военных кораблей, сопровождавших конвой. Корабль мог быть подбит подводной лодкой и вместе с экипажем ушёл на дно Баренцева или Норвежского моря. А может быть старший сержант Князев в марте 1945 года был задействован на внутренних перевозках и погиб в Карском или Белом море... Возможно, в конце войны вместе с другими морпехами по Севморпути его отправили служить на Тихий океан для участия в Советско-Японской войне 1945 года. А может – он погиб где-то

на Черноморском флоте (североморцев направляли и туда).

По архивным данным послевоенного периода он пропал без вести почти в самом конце войны – в марте 1945 года.

Ещё до войны Степан отслужил срочную службу в пограничных войсках на Дальнем Востоке. Я не видела его ни разу и почти ничего не знаю о нём. И никто не знает. Вот только одна история. По рассказам родных, до войны он служил на Дальнем Востоке. Демобилизовался со срочной службы под Новый год. Домой в деревню на Рязанщине ехал через подмосковную Салтыковку, где жила с семьёй его родная сестра Матрёна. Степан рассказывал в этот вечер, как служил, как обучал армейских собак охранять государственную границу. Потом он вернулся в родную деревню Лукино в Рязанской области. Работал в колхозе. Семьёй так и не обзавёлся. А тут – война!

18 сентября 1941 года начальник штаба 278 отдельного батальона связи лейтенант Суббота выдал красноармейцу Князеву справку за № с/172 о том, «что он действительно призван в РККА по Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР и находится в 278 отдельном батальоне связи. Справка выдана на предмет предъявления по месту жительства его семьи».

Последнее письмо от сына его мама Наталья Васильевна Князева получила в январе 1945 года с адресом полевой почты № 01433. На этом связь прекратилась.

Конечно, она ждала. Ждала всю жизнь, что сын, вот-вот ступит на порог дома и поцелует мать после долгой разлуки.

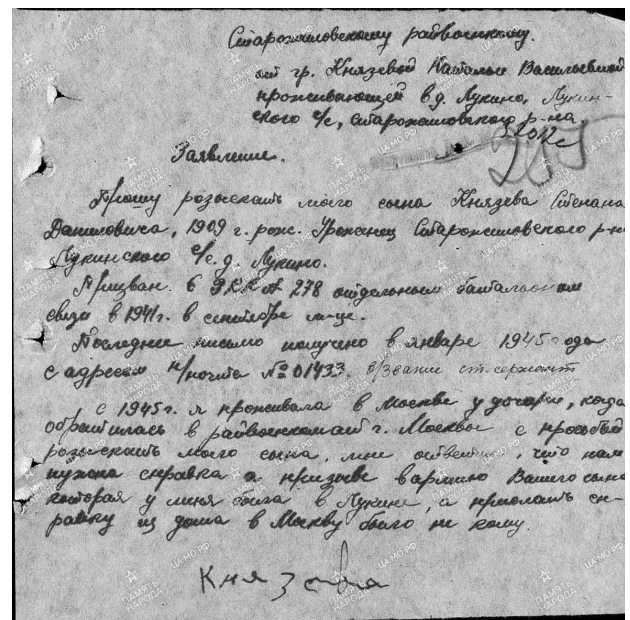
Моя прабабушка так мне и запомнилась.

Слепая старушка в платочке тёмного ситца молча сидела на завалинке возле сарая, сложив на коленях натруженные жилистые, но тёплые и мягкие руки.

Когда-то в 1918 году после крестьянского бунта в Старожиловском районе Рязанской губернии пропал без вести её муж охотник Данил Князев. Через четверть века пропал без вести и сын – Степан. Мужа искать было запрещено, даже фамилию, явно не крестьянскую, старались забыть в те мрачные годы. Никто так и не узнал, где могила его.

Сына вдова искала, писала запросы в военкоматы и ждала. До конца дней своих ждала...

Наталья была не грамотная. Запросы писали её дети. «Прошу разыскать моего сына,

через три года после окончания войны скоропалительно приняли решение считать его «пропавшим без вести»?

Известно, что означала формулировка «пропал без вести» в суровые послевоенные годы? Невинный мог быть объявлен предателем, дезертиром, сбежавшим за границу, скрывшимся, поменявшим документы, имя и адрес. Это означало, что героем его не назовут, о его боевом подвиге не расскажут, мать его, моя прабабушка, вдова, ослепшая от горя, не будет получать от государства пособие за героически погибшего сына, будет до конца дней своих ждать его, тихо утирая слёзы.

Но я верю, что он был героем, отважно сражался, три с лишним года защищал полуостров Рыбачий и героически погиб. Но где и при каких обстоятельствах?!

Поскольку 336 отдельный батальон связи находился в составе Северного флота, я отправилась в филиал ЦАМО – военно-морской архив в Гатчине Ленинградской области.

Несколько дел этого батальона хранятся в разделе «Северный флот», в фонде № 4064. В описи 2, деле 2. Там в нескольких словах обозначен военный путь батальона.

Это подразделение было сформировано 22 июня 1941 года на базе 48 отдельной роты связи в г. Мурманске. Первый командир – капитан Иконников Константин Степанович.

278 ОБС прибыл с 21 Укрепрайона Северного флота (из Кингисеппа) сначала в Мурманск, а потом на полуостров Средний Мурманской области в Западное Озерко. 1 сентября 1941 года – передислокация батальона на полуострова Средний и Рыбачий. Главная задача – обеспечивать связь командование 23 Укрепрайона с частями на полуострове и штабом 14 Армии.

Защита Рыбачьего для 278 ОБС начиналась в составе 23 Укрепленного района 14 Армии Карельского фронта. Этот укрепрайон занимал полосу обороны на полуостровах Рыбачий и Средний – 85 км по фронту и 5 км в глубину. Район был самым северным из всех сил береговой обороны СССР. Находился в действующей Армии с 22 июня 1941 по 23 июня 1942 года. С этого дня на базе 23 УР был создан Северный оборонительный район (СОР), в который вошёл и наш батальон. **В этот же день 278 ОБС был переименован в 336 отдельный батальон связи СОР.** Располагался СОР и наш батальон всё там же – на полуостровах Рыбачий и Средний.

В состав Северного оборонительного района входили около 32 тысяч защитников. Командовал им генерал-лейтенант С.И. Кабанов (в прошлом командир гарнизона Ханко). Главной задачей района была оборона Заполярья. Район был расформирован 5 декабря 1945 года.

Архивные данные говорят о том, что связисты батальона в дни обороны Рыбачьего кроме обеспечения частей и командования связью, участвовали в походах и боях. В 1941 году вели бои на участке Озерко-Куртовая. Радисты в составе разведотрядов отправлялись в походы по тылам противника.

Защитники Заполярья стояли против частей фашистской армии «Норвегия», которые базировались на перешейке полуострова Средний в районе хребта Муста-Тунтури. Почти в каждой директиве Гитлер повторял одну и ту же задачу – захватить полуострова Средний и Рыбачий.

Участвуя в общем деле СОР по укреплению обороны Рыбачьего, связисты вели кабельно-монтажные работы. Они обслуживали средствами связи части Северного оборонительного района, в том числе десант.

С 28 апреля по 10 мая 1942 года наш батальон участвовал в Мурманской наступательной операции, благодаря которой было сорвано готовящееся наступление немцев на Мурманск. Вместе с десантом 12 отдельной бригады морской пехоты связисты высаживаются на мысу Пикшуев в Мотовском заливе. Десант двигался вглубь обороны противника. Липкий снег делал одежду ледяным панцирем. Они штурмовали сопки, брали опорные пункты противника. Им удалось занять плацдарм и отодвинуть немцев. А потом они, полуголодные, замёрзшие держа-

ли оборону, отражая по 10 атак в день. 7 мая после тяжелейших боёв удалось остановить наступление немцев и отбросить их на исходные позиции. В этих боях 5280 защитников Заполярья погибли, были ранены и обморожены. Лишь 13 мая оставшихся в живых сняли с мыса Пикшуев и эвакуировали в тыл.

Однажды в Рыбачий приехала Лидия Русланова. «Валенки, валенки, не подшиты стареньки», – разливался голос певички над просторами Арктики. Об этом факте вспоминал сослуживец нашего дедушки по 278 батальону связи Степан Червонный: «Бойцы приготовили для артистов покушать, всё время разговаривали, шутили». Это были редкие и оттого памятные моменты затишья между бурями боёв за Заполярье.

9 августа 1942 года 278 ОБС переименован в 336 отдельный батальон связи. С 23 августа 1942 года командир батальона – Г.А. Дорохов. 6 октября 1942 года штабная рота передана на высоту 159.

С 1942 года задачей Северного флота кроме обороны Рыбачьего была защита морских сообщений между Англией и Советским Союзом, а также внутренних сообщений по Севморпути. **В обеспечении безопасности конвоев участвовали почти все силы флота, в том числе и связисты.** На плечи связистов в эти суровые дни ложилась задача обеспечения управления подводными лодками, надводными кораблями и авиацией в боевых действиях с целью нарушить вражеские перевозки и защитить свои коммуникации.

В марте-апреле-мае 1943 года связисты 336 батальона ведут ремонт линий связи. Они прокладывают электро-линейную связь на опорных пунктах 348 ОПБ. В июне реконструируют линию связи на подходах к флагманскому командному пункту.

Видимо, очень важной и нужной была эта работа связистов весной 1943 года. 24 июля вышел Приказ командования. Место дислокации – мыс Вестник, ручей Карабельный: «(...) *Нижеперечисленному командно-начальствующему составу, показавшему образцы самоотверженного труда по обеспечению бесперебойной связью командования и частей СОР объявляю благодарность.*»

В январе 1943 года командование приказывает частям, в том числе 336 ОБС держать «оборону полуостровов, не допуская высадки морских, воздушных и сухопутных десантов противника», держать «круговую оборону узла связи на КП СОР», готовить и высаживать десанты в тыл противника. Тогда же был сформирован разведотряд СОР в составе 120 человек под командованием капитана Барченко-Емельянова.

В конце сентября 1943 года войскам Заполярья было приказано освободить эту

территорию от немцев. Оборонительные позиции немцев были развёрнуты на перешейке полуострова Средний по склонам 350-метрового горного хребта Муста-Тантури. Весь хребет был усеян ДОТами и ДЗОТами врага, проволочными заграждениями, минными полями. С вершин хребта немцы вели миномётный обстрел.

С 23 августа 1943 года – 336 ОСБ возглавил Иванов Сергей Алексеевич. В августе-сентябре батальон вёл подготовку к обеспечению связью соединений и частей с командованием Северного оборонительного района Северного флота. Через год планировалось провести главную наступательную операцию под кодовым названием «Вест» и выдворить немцев из Заполярья.

Боевой приказ № 001 штаба 336 ОБС Северного оборонительного района Северного флота от 01.06.1944 года:

«Перед фронтом СОР обороняется противник, группа «Норд». Авиация противника ведёт разведку островов Рыбачий и Средний. Перед батальоном поставлена задача обеспечивать бесперебойной связью командование СОР, подразделения и части Северного оборонительного района, а также оборонять узлы и линии связи.»

В этих местах за всю войну фашисты так и не смогли перейти государственную границу СССР. Отряды разведчиков сводного диверсионного отряда СОР и Северного флота под общим командованием Барченко-Емельянова добывали ценную информацию. Это позволило сорвать планы фашистов по завоеванию советского Заполярья. Вместе с разведчиками в разведку уходили и связисты. В приказах командира 336 батальона связи есть важная информация, свидетельствующая об этом. Летом 1944 года исключаются с котлового довольствия группы по 15, 19, 27, 38 человек. 16 июня уходит в разведку разведотряд лейтенанта Румянцева, «а с ним сержант и рядовой состав 31 человек». С 22 июня исключается с котлового довольствия лейтенант Петров, и с ним 19 человек, лейтенант Кубарев и с ним 24 человека. 27 июня вновь уходит в разведку разведотряд лейтенанта Румянцева в количестве 19 человек.

10 июля исключается с котлового довольствия разведотряд знаменитого капитана Барченко и с ним 67 человек. 26 июля – вновь Барченко и с ним 72 человека отправляются в тыл врага. 21 июля уходит в разведку старшина Гетман и с ним 69 человек. 24 октября исключается с котлового довольствия группа связистов – 18 человек. 7 ноября временно покидают батальон сержант Хомченко и с ним 19 человек, 17 ноября – сержант Любимов и с ним 40 человек. 22

декабря 1944 года снимаются с котлового довольствия 62 человека.

Они готовились к решающей Петсамо-Киркенесской операции под кодовым названием «Вест». Первым её этапом с 9 по 15 октября 1944 года было освобождение Печенгской области и г. Печенга. 9 октября начала действовать морская пехота СОР и Северного флота, в том числе наш 336 отдельный батальон связи. Отряды прибыли в Озерко, а вскоре перешли в наступление, штурмуя высокие и отвесные скалы хребта Муста-Тунтури.

Морские пехотники-разведчики выдвинулись, неся на себе не менее 40 кг – боепитание, снаряды, патроны, гранаты. Шли всю ночь, атака началась в пятом часу утра. Под зенитным огнём противника они бросали гранаты, вступали в рукопашный бой. Не хватало боеприпасов и продовольствия. Но морская пехота СОР смогла прорвать оборону немцев на хребте Муста-Тунтури. Бои шли весь день и всю ночь 11 октября. Утром 12 октября немцы сдались. Так окончился бой на мысе Крестовом.

В ночь на 15 октября войска Карельского фронта и морские части Севфлота форсировали реку Печенга и овладели городом и портом Петсамо (Печенга). Это была важная военноморская база и опорный пункт фашистской группировки на Крайнем Севере.

15 октября Москва салютовала доблестным войскам Карельского фронта, кораблям и частям Севфлота двадцатью залпами из 224 орудий.

В последние дни октября десанты морских пехотинцев высаживались в фиордах Норвегии. 25 октября был освобождён Киркенес.

1 ноября Петсамская (Печенгская) область была полностью освобождена от фашистов. Противник начал выводить свои войска из Норвегии. В этот же день **Москва вновь салютует** доблестным защитникам Заполярья двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий!

Разгром немцев в Заполярье положил начало выводу немецких войск из Норвегии и освобождению её северной территории.

Приказом Сталина за успешное проведение Петсамо-Киркенесской операции **связистам Северного флота**, а это значит – непосредственно нашему 336 отдельному батальону связи – **была объявлена благодарность**.

С 13 декабря 1944 года 336-й отдельный батальон связи передан в подчинение Северного флота.

Парторганизация ставила одну главную задачу личному составу батальона – «разгромить немецкого зверя». Задача была выполнена. Но война ещё не окончилась.

Из архивных материалов мы узнаём, что в

батальоне связи были роты: телеграфно-строительная, эксплуатационная, кабельно-монтажная, радио рота, штабная рота. Начальником инженерной службы батальона служил лейтенант Н.К. Кочев. Зимой 1945 года место дислокации батальона – полуостров Средний.

В фонде № 4064, описи 11741 в деле № 5В хранится приказ командира 336 батальона связи от 5 января 1945 года о том, что «топка печей в ночное время запрещена в землянках, банях». Так мы документально узнаём, что суровой зимой, за Полярным кругом, за 69 параллелью, на вечной мерзлоте в крутые январские морозы бойцы спали в обледеленных землянках.

В папке приказов командира батальона в основном приказы о выбывших в служебную командировку в Мурманск и на главную базу Севфлота – в Полярный, о назначении дежурных по штабу, о снятии с довольствия бойцов в связи с гибелью, или участием в походе, в разведотряде, о зачислении на котловое довольствие по возвращении.

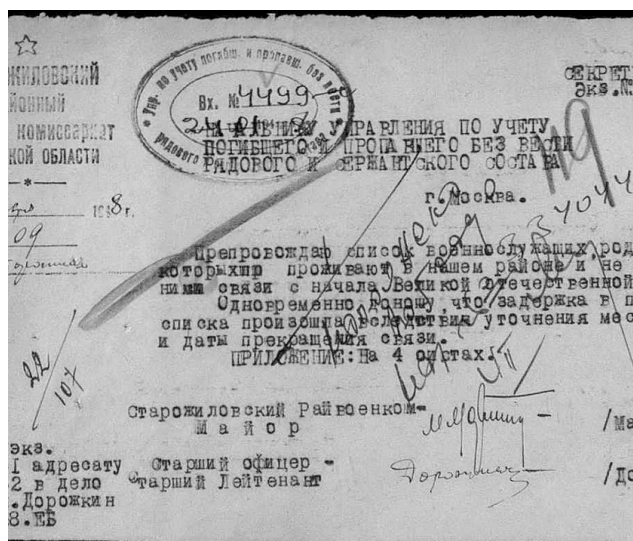
Есть много интересных фактов из жизни батальона. 23 февраля 1945 года комбат поздравляет бойцов с 27 годовщиной РККА-ВМФ. В честь этого состоялся лыжный кросс. Лыжные тренировки проводились в батальоне постоянно. Устраивали массовые вылазки лыжников со 100-процентным охватом личного состава. Все занятия по полевой подготовке проводили на лыжах. Устраивали стрелковые соревнования, шахматные турниры. В марте 1945 команда батальонных лыжников участвовала в лыжных соревнованиях.

Есть в приказах информация об инцидентах. 27 февраля 1945 года комбат издаёт приказ № 20 о печальном случае, когда «при подвеске проводов по линии Петсамо-Киркенес во время перевозки 95 литров спирта похитили 25 литров». Случалось и такое, не боги горшки обжигали.

11 апреля 1945 года, когда наш дедушка уже не числился в списках личного состава батальона, в приказе сообщается о народившемся жеребёнке, «кобылице вороной масти», которую зачислили на фуражное довольствие, 1 июня родился ещё один жеребёнок, 5 июня родилась «кобылица рыжей масти», которую также зачислили в список части на фуражное довольствие. У батальонных лошадей, учитывая их характер и повадки, были свои клички: Топчан, Онега, Нева, Игра, Гроза.

Я внимательно просматривала приказы командира батальона за 1945 год. Группы связистов батальона постоянно снимаются с котлового довольствия. А это значит – или в раз-

Морские пехотинцы Северного флота на палубе катера проекта МО-4

ведку, или в охранение конвоя, или в очередной бой.

Нахожу март 1945 года, 10 число, когда по сведениям ЦАМО пропал без вести Степан Князев. Приказ № 3864 от 10.03.45 года за подписью командира майора Иванова Сергея Алексеевича (стр. 114).

«С 8 марта 1945 года исключить с котлового довольствия по 614 от. команду – 3 человека. С 9 марта – исключить с котлового довольствия по 614 от. команду 56 человек.

Из источников узнаю, что 614 от. – это отдельная штрафная рота.

Куда выдвинулась эта рота, и где сложили голову её бойцы? Возможно, в числе этих 56 человек был и старший сержант Степан Князев.

Связисты требовались в разных подразделениях не только флота, но и армейских частей. Их могли направить налаживать связь вместе с разведотрядом, с десантом, на военный корабль сопровождать конвоем, на подводную лодку, на побережье освобождённой от немцев Норвегии, на побережье Карского моря.

В 1945 году отдельные командиры и подразделения Северного флота были направлены во Владивосток, для защиты Дальнего Востока от японских захватчиков. Сюда ещё раньше был направлен и командующий СОР С.И. Кабанов, а также сослуживец Степана Князева по 336 батальону связи Степан Червонный.

Установить, где погиб старший сержант 336 отдельного батальона связи Северного флота Степан Данилович Князев, пока не удалось.

Среди поисковиков ходит одна фраза: «четверть наших пропавших без вести лежит в наших архивах». Эта страница до сих пор не открыта. Поиск продолжается. Только где доро-

га к тому архиву, из которого я пойду к храму, чтобы поставить свечу за успешный поиск...

В материале использованы архивные материалы:

ЦАМО, г. Подольск, фонд 58, опись 977521, дела 44, 138, 447

Филиал ЦАМО (Военно-морской архив), Гатчина: фонд: 214, опись, 1437, дело 494;

фонд 4064, опись 11741, дело 1, 2, 5В; фонд 4064, опись 027986, д.1 фонд 4064 опись 2 д. 1.

Фонд 4064, опись 118, д.3 интернет-источники:

1. Евгений Петрович Абрамов «Чёрная смерть» Советская морская пехота в бою
<https://www.litmir.me/br/?b=174883&p=1>
https://www.litmir.me/br/?b=174883&p=1#section_1
<https://www.litmir.me/br/?b=174883&p=1>

2. Кабанов С.И. Поле боя – берег
http://militera.lib.ru/memo/russian/kabanov_si2/14.html

3. http://www.teatrskazka.com/Raznoe/Perechni_voisk/Perechen_17_04.html

4. В.С. Корякин . Война в Арктике 1941-1945
<https://odynokiy.livejournal.com/2327664.html>

5. <https://korvet2.ru/desant-na-mys-pikshuev.html>

6. Бескоровайный А.И. «Строки – тоже оружие»
http://militera.lib.ru/memo/russian/beskorovayny_ai/04.html

6. Козлов И.А. Краснознамённый Северный флот
<https://e-libra.su/read/461299-krasnoznamenny-severnyy-flot.html>

7. Самсонов Александр Битва за Заполярье. Вклад советских войск в освобождение Норвегии
<https://topwar.ru/11296-bitva-za-zapolyare-vklad-sovetskih-voysk-v-osvobozhdenii-norvegii.html>

Анна ЧАЙКО

Сердце плачет, что чиновники натворили

У эвенской подвижницы Анны Иннокентьевны Чайко, которую многие на Севере знают как Анну Хардани, необычная судьба. В своё время она поступила на восточный факультет в Ленинградский университет, где стала любимой ученицей у полузапрещённого идеолога евразийской идеи Льва Гумилёва. Потом неразделённая любовь к одному из студентов привела её в Тарту. Там с ней начал заниматься Юрий Лотман. Однако когда любовь прошла, Анна вновь вернулась в Ленинград, где её восстановили на факультете народов Севера в пединституте имени Герцена. А потом четыре престарелых советских вождя ввели в Афганистан наши войска. Туда, «за речку», был направлен и новый Анин возлюбленный. Правда, в военкомате парню несколько раз намекнули: заплати, и будешь служить в Союзе. Но бедный студент средств на взятку не имел.

Позже родителям Аниного возлюбленного сказали, что их сын пропал без вести. Однако спустя годы выяснилось, что произошла трагическая ошибка. Возлюбленный назло всем

выжил, его за проявленный героизм даже представляли к званию Героя Советского Союза, но и дров он успел наломать предостаточно. Вернувшись из Афгана, бывший студент разыскал вымогателя взяток и избил военкома до полусмерти. За этот мордобой ему вlepили срок.

Вновь Аня со своей студенческой любовью встретила уже в Магадане. Тогда-то она и услышала страшные рассказы про плен, узнала о пыт-

ках наших солдат, о том, как моджахеды кастрировали советских бойцов и как армейцев затягивали наркотики. Но это было уже потом. Вскоре после института Анна пришла в Магаданское издательство. Там главной для неё проблемой оказалось отсутствие квалифицированных переводчиков. Многие северяне, видя, как двадцать с лишним лет культура кочевых племён вытеснялась в регионе из всех школьных программ, разувверились в перспективах родного языка. От безысходности Анна сама взялась за переводы русской классики, современной русской художественной литературы и местных авторов. В частности, в 1983 году она перевела повесть Марии Амамич «Не провожайте с тоской улетающих птиц». Кстати, в том же 1983 году Л.Е. Большакова пригласила её в свою экспедицию к эвенкам Северо-Эвенского района, по итогам которой потом вышел сборник «Сказки эвенской земли».

Однако в 1991 году всё вновь рухнуло. Из-за экономических неурядиц издательство редакцию литератур народов Севера ликвидировало. Не успела Анна при советской власти получить в Магадане и жильё. Тем не менее в тридцать шесть лет она отважилась начать всё сначала и уехала на Охотское побережье, в посёлок Тахтоямск преподавать местным ребятишкам русский язык и литературу. В 1995 году наши пути даже чуть не пересеклись: пограничники в один из

августовских дней согласились на вертолёте забросить меня на пару часов в Тахтоямск. Но не повезло. Был самый разгар путины, когда день кормил весь год. В условиях безденежья Анна, не надеясь на помощь властей, вместе со всем посёлком дежурила на нересте, запасалась рыбой на ближайшую зиму.

Позднее туманные перспективы нависли и над самим Тахтоямском. Не дожидаясь закрытия древнейшего посёлка, Анна в 1997 году переехала в Эвенск, возглавив там районную студию телевидения. Но Эвенск вскоре тоже стал угасать. И в 2005 году она переехала поближе к Магадану – в посёлок Ола.

Летом 2008 года я принимал Анну Иннокентьевну и её бывшую коллегу по издательству Надежду Суслову в редакции газеты «Литературная Россия». В минуту откровенности у Сусловой вырвалось признание: она хотела бы сделать фильм об уникальной истории рода своей подруги. Анна Иннокентьевна пообещала прислать свои дневники. Однако почти она эти материалы так и не доверила, решила передать их в апреле 2009 года с улетающими в Москву делегатами очередного съезда народов Севера. Но делегаты, добравшись до столицы, несколько дней не просыхали и все рукописи потеряли. Как делать фильм, оказалось непонятно.

Я попросил Анну Иннокентьевну рассказать о том, как она работала редактором эвенской литературы и что сегодня происходит с эвенским языком.

– Когда вы в начале 80-х годов получили приглашение заняться в Магаданском издательстве выпуском литературы на эвенском языке, с чем вы столкнулись? Существовали ли редакционный портфель или всё пришлось начинать с нуля?

– Национальная редакция появилась в Магаданском издательстве ещё в 1958 году. Но тогда долгое время в издательстве работал только редактор чукотской литературы – вначале это была Лина Григорьевна Тынель, затем – Май Павлович Легков. В перспективный план издания ежегодно ставились также по одному изданию на эвенском и эскимосском языках.

В 1979 году в издательство вернулась Лина Григорьевна Тынель, которая семь лет была как бы президентом Чукотки. А уже через год она пригласила меня внештатным редактором эвенской литературы. Мне было поручено подготовить к переизданию книгу одного из зачинателей эвенской литературы Николая Тарабукина «Моё детство».

С чем я столкнулась, когда готовила к печати переиздание Тарабукина? Тогда нашей основной трудностью было отсутствие специфических знаков для обозначения звуков в языках народов Севера. Но уже в 1983 году областной управполиграфиздат, не без помощи и влияния члена президиума Верховного Совета Тынель, специально для Магаданского издательства выпустил недостающие литеры. Это облегчило нам работу, а самое главное – были рады этому наши земляки.

В начале 80-х годов имелось ещё много читателей, владеющих чукотским, эвенским,

эскимосским, юкагирским языками. Поэтому нам было легко напечатанное апробировать среди населения. Мы даже ездили специально в сёла, в оленеводческие бригады для изучения вопросов, что издавать, где ошибки у нас, как лучше переводить и т.п.

К моему приходу в издательство там уже существовала чёткая сформировавшаяся литературная канва. Был воспитан читатель. Ведь в конце 30-х годов при Дальстрое выходила газета «Оротты правда», издавались брошюры на политическую, санитарную темы. Выходили и книги переводные для детей. Были подготовленные кадры издателей, в частности, Агафья Аруева и братья Иван и Кирик Хабаровы. Правда, с 1963 года до 1980 эвенского редактора не было.

Хочется сказать, что национальная редакция, выпускающая книги на языках коренных малочисленных народов Севера (чукотский, эвенский, эскимосский (на науканском и чаплинском диалектах), юкагирский) была единственной в Советском Союзе и в мире. Об этом даже на заседании в ЮНЕСКО говорили – это нам сам Юрий Рытхэу сказал, а Лине Тынель об этом сообщил министр иностранных дел Андрей Громыко. Мы всегда этим гордились! В год мы издавали по 13–14 книг на чукотском, эвенском, эскимосском и юкагирском языках.

– Поясните, пожалуйста, сформировался ли к тому времени единый литературный эвенский язык? Или эта проблема до сих пор весьма актуальна?

– С 1936 года литературным языком эвенов был установлен ольский диалект, так как он

Этнокультурный летний лагерь «Нёлтэн Хэдекэн»

Открытое занятие с шестилетками в детском саду п. Эвенск Северо-Эвенского района Магаданской области даёт воспитатель первой квалификационной категории детского сада № 50 г. Магадана Зоя Курбанова, 2017.

был понятен большинству носителей других диалектов и говоров. Были отдельные элементы слов, которые при печатании и разговорах уточнялись. Но так сложилось исторически, что с давних времён на Оле, в Тауйске, проходили два раза в год ярмарки, куда съезжались все эвены Дальнего Востока. Здесь решались все политические и хозяйственные вопросы.

– **Одно время эвенский поэт Василий Лебедев выступал за коренные реформы в эвенской грамматике и – шире – во всём эвенском литературном языке. Но проект этого поэта так и не был реализован. Почему? Тут интересно ваше мнение: способствовал ли проект Лебедева консолидации эвенов или, наоборот, работал на разобщение?**

– Да, в 1980 году в Ленинграде даже собирались лингвисты-тунгусоведы по этому вопросу. Вместе с Василием Лебедевым за реформирование эвенского языка выступала и известная исследовательница Клавдия Новикова. Но их проект не нашёл поддержки у значительной части эвенской интеллигенции. В своей основе проект Лебедева содержал якутскую орфографию. Он был направлен

в основном на эвенов Якутии, проживающих на севере, и был понятен лишь эвенкам, жившим среди якутов. Но ведь эвены живут ещё в четырёх субъектах: в Магаданской области, на Камчатке и Чукотке, в Хабаровском крае. И новая орфография была для них не понятна. И потому эвены других территорий высказались отрицательно. Кстати, Василий Лебедев потом сам признал несостоятельность некоторых своих предложений. Он сам как-то обронил, что «новый язык» мог бы разъединить эвенов.

На литературном ольском говоре издавались многие произведения Андрея Кривошапкина, Василия Кейметинова – Баргучана, впервые вышла книга Евдокии Боковой, стихи Николая Тарабукина и Платона Ламутского, а также сказки анадырского эвена Михаила Дьячкова «Весёлый Тунтукаки».

Не так давно вновь поднимался вопрос о том, чтобы реформировать эвенский язык с применением якутского алфавита. Но специалисты в местах проживания эвенов провели опросы. Эвены высказали мнение, что эта реформа оттолкнёт молодое поколение от изучения языка. Сейчас дети изучают свой родной язык как иностранный. Им привычна русская графика, они учатся по классической системе. При принятии новой грамматики и графики все забудут язык, язык эвенов превратится в мёртвый язык.

– **Почему в начале 90-х годов книгоиздание на эвенском языке свернулось практически к нулю? Только ли из-за сложной экономической ситуации в стране, или литература на эвенском языке перестала быть востребованной?**

– В основном на это повлияла сложная экономическая ситуация. Мы целый год не получали зарплаты. Обидно то, что в одночасье всё,

Семён Губичан даёт открытый урок эвенского языка в пятом классе Эвенской средней школы, п. Эвенск, 2017 г.

Анна Громова, учитель эвенского языка, основатель этнокультурного летнего лагеря «Нёлтэн Хэдекэн»

что было наработано годами, оказалось уничтоженным. Москва дала указание закрыть Магаданское издательство. Мы, магиздатовцы, плакали. Не оттого, что не получили свою зарплату и потеряли работу. Было обидно, что наше руководство даже не позаботилось, чтоб сдать в архив рукописи, которые хранились с 1955 года... Рукописи валялись на мусорке. И сейчас сердце плачет, что тогда натворили! А ведь там были уникальные рукописи не только национальных писателей, но и русских подвижников, в частности, Валентина Португалова.

– **Сказываются ли сегодня в общении эвенов между собой особенности разных диалектов?**

– Нет. Есть различия, которые видят только говорящие и знающие язык. Сейчас в Магаданской области, да и в других регионах, молодые эвены не говорят по-эвенски, все общаются на русском языке.

– **Позволю здесь маленькое личное отступление. Летом 1995 года, благодаря пограничникам, я на полдня попал в село Тахтоямск, где вы тогда работали директором школы. К сожалению, вас я тогда на месте не застал. Вы находились на летней рыбалке и впрок на зиму готовили запасы рыбы. Но я встретился тогда с одной из ваших коллег, которая родом была из другого села – Арка. И ваша коллега призналась, что она не совсем понимает особенности речи эвенов Тахтоямска. Поэтому она не знала, как планировать уроки эвенского языка в наступавшем учебном году. Как сегодня в национальных школах учитываются диалектные особенности эвенских групп?**

– Да, помню. Это была учитель эвенского языка Анна Серафимовна Громова. Впоследствии она организовала этнокультурный летний лагерь при начальной школе в селе Гадля «Нёлтэн

Хэдекэн», который работает по сей день. Дети всех национальностей в летний период изучают язык, обычаи, приметы приморских эвенов.

Конечно, учитывают. В школах, где ведутся факультативы эвенского языка (это в Северо-Эвенском, Ольском и Среднеканском районах Магаданской области), ведётся язык той местности, где изучается язык.

– **Одно время развитие эвенской литературы во многом определяли такие писатели, как Платон Ламутский, Василий Лебедев и Андрей Кривошапкин. А кто сегодня продолжает их традиции?**

– Это прежде всего Варвара Белолубская и Семён Губичан. Они пишут стихи для детей и молодого поколения и поют свои песни на родном языке о том, что волнует молодёжь. Есть и другие авторы на местах. Просто я не всех знаю.

– **Нет ли у вас ощущения, что эвенская литература остановилась в своём развитии?**

– Да, конечно, ушло поколение писателей, знавшее совсем другое время. А молодые пока не выросли. Вот и образовался вакуум. Я даже не представляю, о чём будут писать они...

– **И последний вопрос. Как вы оцениваете будущее эвенского языка? Есть ли у него перспективы?**

– В отдельных местах эвенский язык исчезнет из общения. В частности, уже практически исчез арманский диалект эвенского языка. Но эвенский язык будет жить там, где эвены проживают компактно, где сами носители хотят знать родную речь. Там язык будет развиваться. В Якутии, в Хабаровском крае, на Камчатке эвенский язык будет жить.

А вообще всё зависит от людей. Какими мы воспитаем своих детей, таковыми они и станут.

Вопросы задавал Вячеслав ОГРЫЗКО

Трудный путь карельской письменности

До настоящего времени нет единого мнения о сроках исчисления создания карельской письменности. Одни считают с момента издания Святейшим Правительственным Синодом в 1820 году книги «Евангелие от Матфея» на карельском языке. «Евангелие от Матфея» в 1817 году перевели на карельский язык священник села Козлово Вышневолоцкого уезда Григорий Ефимович Введенский и священник села Кава Бежецкого уезда Михаил Алексеевич Золотинский. Книга издана на кириллице.

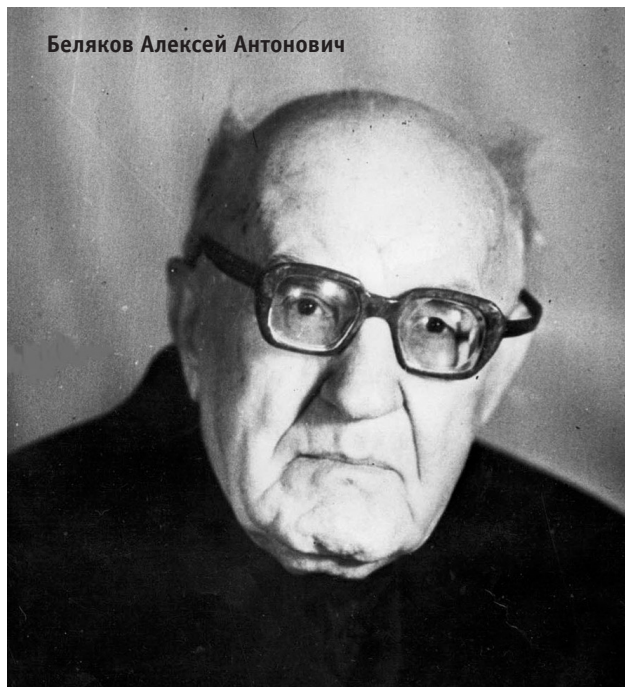
Другие же считают началом рождения карельской письменности 1920-е – 1930-е годы, когда был создан карельский алфавит на латинице, вышли книги на карельском языке. Этот алфавит на латинице применяется при письме до настоящего времени. Я также являюсь сторонником этого утверждения, признанного государственными структурами нашей страны и зарубежными специалистами.

Основоположниками создания карельской письменности на латинице являются редактор карельской литературы Беляков Алексей Антонович и доцент карельского отделения при Тверском пединституте Милорадова Александра Алексеевна. Как все происходило?

В 1928 году в здании Тверского пединститута Тверской губернский отдел народного образования организовал проведение первой конференции учителей карельских школ. В работе конференции участвовали заведующий губернским отделом образования Богданов и около 50 учителей-карел. Возможно, Богданов и был автором писем А.А. Белякову. Чтобы иметь представление о карельской речи, А.А. Белякова попросили выступить на конференции на карельском языке.

С 1929 по 1935 годы большинство образованных районов на территории бывшей Тверской губернии, относились к Московской области. В 1929 году в Тверь приезжала группа финских учителей и студентов во главе с лингвистом Виктором Сало. Во время встречи он предложил выпускнице Тверского пединститута А.А. Милорадовой составить алфавит для тверских карел на латинизированной основе.

1 марта 1930 года Комитет по делам национальностей народного комиссариата просвещения СССР провел совещание по созданию карельской письменности. На совещании было

Беляков Алексей Антонович

решено всю работу среди карел в Московской области поставить на карельском языке, положив в основу карельского литературного языка толмачевский говор, организовать разработку карельской письменности на латинской основе и приступить к обеспечению учебными пособиями на карельском языке школ первой ступени и пунктов ликвидации безграмотности.

Было решено немедленно, в месячный срок, разработать алфавит, это было поручено выполнить Московскому институту этнических культур народов Востока СССР. К 1 сентября 1930 года выпустить букварь с материалами для чтения; разработать к осени 1930 года программу и методическое письмо по преподаванию родного языка в школах 1 ступени; летом 1930 года организовать курсы по переподготовке учителей на родном языке; на страницах «Тверской правды» опубликовать ряд статей, посвященных этой проблеме. Периодически, в виде опыта, печатать уголок на карельском языке; поручить профессору Дмитрию Владимировичу Бубриху, представить краткую записку-обоснование возможности карельской письменности.

В 1930 году сотрудница Научно-исследовательского института языка и письменности народов СССР А.А. Милорадова, выполняя

это решение, вместе с Лыткиным и профессором Н.Ф. Яковлевым составила алфавит для тверских карел на латинизированной основе, чтобы в дальнейшем учить тверских карел грамоте на своем родном языке.

В том же году Милорадова познакомилась с первым секретарем ВКП (б) Карельской АССР Густавом Ровио. Он в разговоре сказал, что карелам надо изучать финский язык, а создание карельского литературного языка есть пустая затея. Он никогда не позволит это сделать в республике. Но Милорадову в тот год в Наркомпросе СССР поддержал по защите карельского языка земляк Алексей Антонович Беляков. Учась в Московском пединституте, он получал стипендию из Карельского Наркомпроса.

Весной 1930 года в Москве были организованы карельские курсы, Милорадова преподавала учителям карельский язык. Летом того же года в городе Твери также были организованы курсы для учителей. Их организовал Московский областной отдел народного образования. Организацию проведения курсов поручили Алексею Антоновичу Белякову. Он пригласил Милорадову читать лекции по карельскому языку.

Милорадова познакомила учителей с составленным ею карельским алфавитом на латинизи-

рованной основе, с предполагаемой орфографией. Курса карельской грамматики до того времени никто не писал, заимствовать было неоткуда. Милорадова заимствовала правила грамматики из финского языка. Ей самой курс финского языка продолжили преподавать Д.В. Бубрих и В.И. Лыткин.

Учителя-курсанты критиковали Милорадову за алфавит. Говорили, что такие же буквы есть в английском, французском и немецком языках. Нужно составить такой алфавит, чтобы ни у одного народа его не было, наподобие грузинского алфавита, отличного от алфавитов всех народов мира.

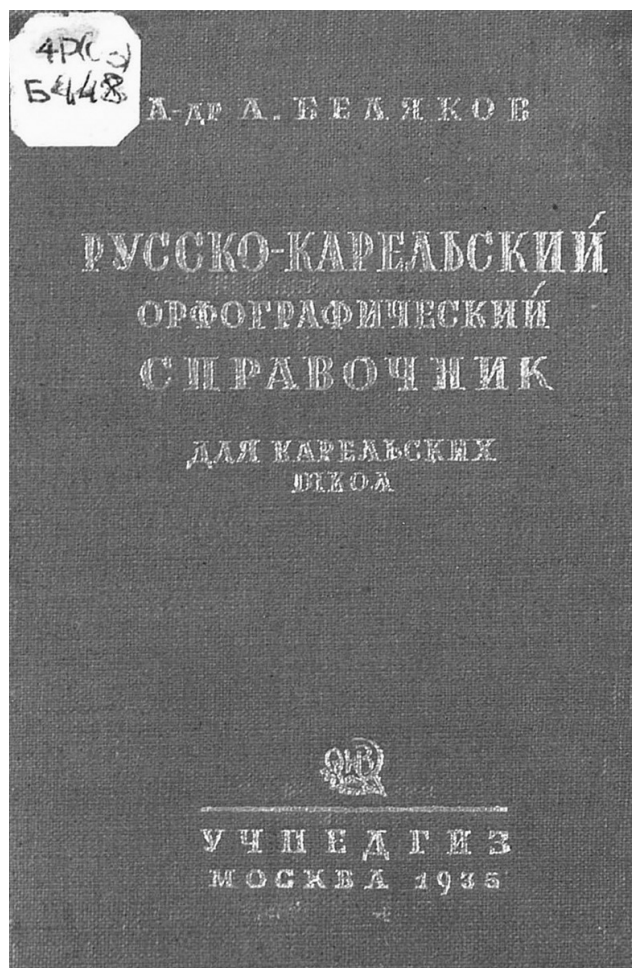
Подготовленные на этих курсах учителя стали основным ядром карелизации и сами на местах проводили курсы для подготовки учительских кадров. Милорадова называет некоторых учителей, прошедших курсы: Беляков Александр Антонович, Крылов Николай Алексеевич, Лебедев Петр Федорович, Тихонов Александр Васильевич, Доброхвалова Анна Михайловна, Виноградова Анна Леонтьевна, Смирнова Анна.

Чтобы начать обучение на карельском языке, нужны были учебники. Издание учебников в 1930 году было поручено карельскому издательству при редакции газеты «Колхозойн Пуолех» («За колхозы»). 1 февраля 1931 года вышел первый номер этой газеты на карельском и русском языках. Первым редактором газеты с февраля по май 1931 года стал Беляков Алексей Антонович. Чтобы читали газету, А.А. Милорадова составляла в ней термины, которые печатали там, в виде словаря.

1 февраля 1931 года было принято считать днем рождения карельской письменности, годовщину этого события широко отмечали в Лихославле в феврале 1932 года с участием артистов Большого театра из Москвы.

В мае 1931 года решением Московского областного комитета ВКП (б) редактором газеты «Колхозойн Пуолех» был назначен Иванов Василий Иванович, а секретарем редакции – Петров Николай Александрович, до этого работавший секретарем редакции Новоторжской районной газеты. В феврале 1932 года редакция газеты «Колхозойн Пуолех» была переведена из Москвы в Лихославль. В апреле 1933 года газету «Колхозойн Пуолех» ликвидировали.

По поручению центральных органов власти в средствах массовой информации началась широкая дискуссия по поводу карельской письменности. В журнале «Революция и национальность» № 2-3 за февраль-март 1931 года опубликована статья Д.В. Бубриха, «Какой язык положить в основу просвещения карел?» Автор статьи писал, что вопрос о культурном развитии тверских карел упирается в вопрос о

языке. Одни предлагают использовать для этой цели литературный финский язык. Другие, в том числе и сами тверские карелы, настаивают на создании карельского языка по примеру многих других национальностей.

Из истории карел известно, что в силу переселения части карел на новые места получились две разные этнические группы вместо одной: тверские карелы, численно преобладающие, и озерные карелы, численно уступающие. Речь тех и других карел стала все больше расходиться. Тверские карелы были в течение трех веков территориально совершенно обособлены от остальных балтийско-беломорских этнических групп.

Нужно отметить, что петрозаводских карел нередко называют «озерными карелами», так как они проживают между Ладожским и Онежским озерами.

«Финский литературный язык для тверского карела непонятен – писал Д.В. Бубрих. Отдельные слова он еще узнает, но ко всему потоку речи у него нет ключа. Дело не ограничивается людьми малокультурными. Финского языка не понимают и весьма культурные тверские карелы. Автор указывал для примера на аспирантку института народов Востока Милорадову-Антонову, тверскую карелку, знатка речи тверских карел, хорошего языковеда, автора тверско-карельского словаря и других работ. В течение нескольких лет финский язык был для нас языком «иностранным».

Для тверских карел нужен свой собственный литературный язык – карельский. В качестве основы этого литературного языка следует взять толмачевский говор, который лучше всего устраивает всю массу тверских карел. Идея карелизации литературного финского языка в интересах тверских карел – это идея весьма сомнительная.

«Ещё раз: для тверских карел нужен свой собственный литературный язык – карельский», – так писал Д.В. Бубрих в самом начале 1931 года.

В этом же журнале «Революция и национальность» опубликована статья А. Качанова «Вопрос о карельском языке для карел Московской области», в которой автор указывал, что в Московской области живут до 150 тысяч карел (в Карелии тогда проживало 98 тысяч карел – А.Г.).

В связи с тем, что в марте-апреле 1931 года вопрос о языке тверских карел будет слушаться в президиуме Совета национальностей, автор статьи излагает свои соображения о языке для карел Московской области.

«В карельской речи много русских слов, как результат русификации говора карел. Встает вопрос, на каких основах должны создаваться карельская национальная письменность и карельская литература?

Ответ здесь один – нет смысла тратить силы на создание особого карельского языка, так как все

равно слова, понятные для одного района, окажутся непонятными и новыми для карел другого района.

Язык карел обладает весьма бедным запасом слов. Правильнее воспользоваться родственным культурным, литературным финским языком.

Поэтому в основу письменности надо взять готовый латинизированный финский алфавит с добавлением некоторых шипящих звуков, употребляемых в карельских наречиях.

На основе этого алфавита составить азбуку и книжку для первоначального чтения, с использованием в первую очередь запаса единых слов карельских наречий. Следующей ступенью будет постепенное употребление запаса слов финского языка и использование его в целом как литературного языка.

Создание нового литературного карельского языка потребует длительного времени, оно будет стоить тяжелых трудов, в то время как разрешение задачи может быть облегчено использованием результатов культурной работы, предложенной родственным племенем – финнами.

Второй вопрос – необходимо ли развитие карельской грамоты в Карельской республике, когда карельское население Московской области имеет уже на карельском языке свой букварь и свою газету?

Нам кажется, – пишет автор, – что да, необходимо. В Карельской республике начальные формы грамоты – букварь, книгу для чтения в школах и на пунктах ликбеза в районах с карельским населением необходимо дать на карельском языке. Введение в этих районах начального обучения на родном языке значительно облегчит работу и усвоение своей грамоты. Ребенку, да и взрослому не придется тратить силы на понимание и запоминание в большинстве новых и непонятных названий, как это приходится делать при изучении финского языка. Но отсюда не вытекают какие-либо изменения в отношении финского языка, который должен и будет развиваться в дальнейшем. Автор считает, что линия в языке, как для карельского населения Московской области, так и для карельского населения в Карельской республике должна быть одинакова.

Необходима единая линия: и здесь и там в основу необходимо взять карельский язык и в последующем его развивать и обогащать за счет финского языка».

25 апреля 1931 года в Москве состоялось заседание Президиума Совета национальностей ЦИК СССР, на котором обсуждался вопрос о карельском языке. С докладом на заседании выступил первый секретарь партийной организации Карельской Республики Густав Ровио,

финн по национальности. Он заявил, что нигде, кроме Москвы, он не слышал о необходимости создания карельского языка.

Язык тверских карел немного отличается от языка средней Карелии. Г. Ровио заявил, что у него имеется первая книга букваря для тверских карел и четыре номера газеты «За колхозы», которая издается на горе-карельском языке. Оснований для создания карельского литературного языка, по мнению Г. Ровио, нет, и вообще это дело безнадежное. «Или мы постепенно сделаем язык русским, или будем заимствовать столько слов из финского языка, что язык станет финским».

Представителю Карелии возражал представитель тверских карел Беляков Алексей Антонович, в то время редактор карельской литературы при Центроиздате, заявив, что карелам необходимо быстрее развивать свою культуру, письменность. Им нужно иметь единый общий язык с карелами Карельской республики.

«К настоящему времени составлен букварь, имеется 500 отобранных слов. У нас найдется достаточное количество слов для изложения мыслей на карельском языке».

Позиция А.А. Белякова получила поддержку председательствующего А. Тоджиева, который сказал, что карелы Московской области уже приняли этот язык, ведут на нем свое делопроизводство, издают книги, учебники, литературу на общественные темы. Проведение карелизации в Московской области есть осуждение линии карельского правительства.

«Я говорил на эту тему с М.И. Калининым. Он сказал, что этот вопрос поднимают представители самого народа, народ себя осознал и понимает, что у него есть язык, понимает, что необходимо создать национальную культуру, поэтому этой вопрос начинает остро стоять перед ним», – продолжил Тоджиев.

Но после совещания Г. Ровио пошел к И.В. Сталину, и все осталось по-прежнему, Карелия продолжила финизацию, а тверские карелы продолжили разрабатывать дальше свою карельскую письменность.

В конце 1931 года профессор Тверского пединститута А.Н. Вершинский выступил с докладом о положении дел в карельской национальной школе. Он сообщил о катастрофическом положении с учительскими кадрами в районах с карельским населением. Например, в Максатихинском районе из 193 учителей только 34 карела. С трудом идет вербовка на курсы учителей молодежи, окончившей школу 1 ступени, то есть семилетку, и имеющей возраст старше 16 лет.

В Максатихинском районе на 7 мая 1931 года вместо 80 человек завербовано всего 15. Никто не явился на курсы в Лихославльском районе.

Надо ставить вопрос о мобилизации учителей-карел из других районов.

В Лихославльском районе на 1 октября 1931 года 22 карельских школы с количеством детей 3851 человек. 7 смешанных школ – 1070 учеников и 16 русских школ – 1796 учеников, всего 45 школ – 5717 учеников.

В Рамешковском районе 5 карельских школ – 366 учеников и 9 русских – 562 ученика.

В Максатихинском районе 97 школ. Учителей со стажем на конференции Буденовского сельсовета было всего два человека, остальные, молодежь из Бежецкого педтехникума. В школах имеется 85 карельских классов-комплектов (при условии, что школы были четырехлетки, практически карельскими были 22 школы – А.Г.).

В Толмачевском районе 94% населения карелы, все 38 сельсоветов карельские, поэтому все 35 школ карельские и числом учащихся 4016 человек. В школах работают 83 учителя, из них 50 карел.

Таким образом, на 1 октября 1931 года в четырех карельских районах будущего национального округа, по сведениям А.Н. Вершинского, была 191 школа, в том числе 84 карельских. Те учителя, которые окончили двухгодичную школу второй ступени, могли быть учителями в школах первой ступени.

24 февраля 1932 года, была проведена карельская авторская конференция. В ее работе принимали участие: профессор Тверского пединститута А.Н. Вершинский, профессор из Ленинграда Д.В. Бубрих. Тверские карелы – П.П. Смирнов, В.С. Смирнов, из Карелии – Степанов Федор Андрианович, Евсеев Виктор Яковлевич, а также Дубов Василий Степанович, уроженец деревни Песогоры Максатихинского района, научный сотрудник-этнограф Академии наук СССР, впоследствии арестованный в 1934 году. А.Н. Вершинский в то время заведовал кабинетом местного края при Калининском пединституте.

На другой день, 25 февраля 1932 года, состоялось совещание карельских работников по вопросу: «Итоги и перспективы издания карельской литературы». С докладом выступил редактор Карельского издательства А.А.Беляков. В своем докладе А.А. Беляков отметил, что выделение четырех карельских районов и организация карельских сельсоветов как национально-административных единиц являются элементами государственности для тверских карел. К тому времени открыто карельское отделение в Тверском пединституте, организована карельская секция в Ленинградском историко-лингвистическом институте, открыты два карельских техникума: в Лихославле и Вышнем Волочке.

Занятие во всех карельских школах 1 ступени уже переведены на родной язык. Карельский сектор при Центральном издательстве народов СССР издал для двух классов начальной школы учебники объемом всего 27,5 печатных листов. Это не могло удовлетворить запросы на карельскую литературу. Литература выходит с большим опозданием, некоторые учебники выходят только летом 1932 года.

Отказ типографии Центроиздата печатать карельскую литературу, волокита Мосполиграфа с постройкой карельской типографии в Лихославле не дали возможности выпустить в 1931 году ни одной книги на карельском языке. Переведенное из Москвы в Лихославль карельское издательство было ликвидировано в июне 1933 года.

При составлении грамматики карельского языка Д.В. Бубрих основывался на грамматике финского языка. На совещании карельского актива в Лихославле в 1932 году грамматика была подвергнута резкой критике и отвергнута. Эта научная грамматика, над которой Д.В. Бубрих и А.А. Беляков работали в 1931-32 гг., так и не вышла в свет. В 1934-35 гг. Д.В. Бубрих и А.А. Беляков совместно написали грамматику по карельскому языку для 3-4 классов карельской начальной школы, которая вышла в двух изданиях.

Таким образом, учебники для начала изучения карельского языка были подготовлены в 1931 году. Однако типография задержала издание этих учебников, поэтому занятия в школах на карельском языке начались с 1932-33 учебного года.

В 1932 году Московский комитет партии решил проводить карелизацию лишь в первых двух классах начальных школ. Эта временная мера продолжалась до 1939 года, вплоть до ликвидации Карельского национального округа.

Дети, обучаемые карельскому языку в первых двух классах, потом переходили на русский язык. Этот переход для школ был очень трудным. В третьем классе на уроках карельские дети говорили на смешанном языке, в русскую речь то и дело вставляли карельские слова.

В третьем классе начальной школы мышление детей еще не переключилось с карельского языка на русский. Им было трудно подбирать слова, поэтому на усвоение материала у них уходило очень много времени.

В 1935 году в Петрозаводске отмечали годовщину «Калевалы». Председатель Совнаркома Карелии Эдвард Александрович Гюллинг попросил А.А. Милорадову убеждать и доказывать в Наркомпросе СССР необходимость финского языка в Карелии, который всех там устраивает. Предлагал среди тверских карел хотя бы в

старших классах изучать финский язык. Милорадова поддержала Э. Гюллинга и в Москве доказывала, что Карелии нужен финский язык, что в условиях неграмотной республики перевод на карельский язык вызовет нежелательные осложнения.

Благодаря общим усилиям активистов создания карельской письменности А.А. Милорадовой, А.А. Белякова, П.П. Смирнова и других к 1937 году были подготовлены и изданы около сотни необходимых книг на карельском языке с применением латинизированного алфавита.

В 1935-1936 учебном году карельский язык преподавался в 181 школе на территории 12 районов, в них обучались 13914 учеников-карел. Преподавание карельского языка и карельской литературы в первом и во втором классах продолжалось вплоть до ликвидации Карельского национального округа в 1939 году.

Учителя-карелы и работники отделов народного образования в основном имели среднее специальное среднее или семилетнее образование.

Все условия для обучения карельскому языку на латинизированной основе в школе, училище, университете были созданы. Желание учить родной язык у карел было. Однако волевым решением государства этой возможности обучения карелы были лишены.

Время латинизации языков очень быстро кончилось. Высшие органы власти в СССР с осени 1933 года начали обсуждать вопрос о переводе письменностей советских народов на кириллицу.

Перевод его на кириллицу в 1937-38 гг. на практике привел к приостановке использования письменного карельского языка сроком на 60 лет. Постановлением Президиума ВЦИК СССР от 8 сентября 1937 года карельская письменность была переведена на кириллицу. Вопрос о переводе карельской письменности с латиницы на русский алфавит на заседании президиума поставил его председатель М.И. Калинин. К ноябрю 1939 года народы РСФСР, пользовавшиеся латинским алфавитом, перешли на русский алфавит, народов было около 40.

Однако устная форма функционирования карельского языка никогда не прекращалась и не прекращена до настоящего времени. При письме же тверские карелы по-прежнему используют алфавит на латинице, разработанный А.А. Милорадовой в 1930 году. Любая новая попытка перевода карельской письменности с латиницы на кириллицу приведет к его полному исчезновению.

Анатолий ГОЛОВКИН

г. ТВЕРЬ

Алина ЧАДАЕВА

ДРЕВО ДУШ

В древнем нанайском сказании о добром духе Хадо перечисление его деяний начинается с главного: «Сделал он большое-большое, толстое, высокое дерево, вершина до облаков доходила...»

Небесное Мировое Дерево, известное почти всем народам планеты, в нанайских представлениях имеет свой оттенок, выраженный в названии Омиа-мони – Дерево душ (ещё не рождённых детей). Его зримый, вышитый, портрет можно увидеть на свадебных халатах нанайских невест. Оно не имеет признаков вида. Это – Дерево всех деревьев – всеобщее. Становится ясно, что и сама девушка, облачившаяся в ритуальные свадебные одежды, мыслилась древом жизни, древом ещё не рождённых детей.

Принципиально та же мысль воплощена и в старинных северо-русских вышивках, где Дерево Жизни как бы прорастает сквозь фигуру богини-Праматери.

Некоторые нанайские сказки словно отражают реальность этого символа, совмещая действием девушку с деревом. Именно так происходит в сказке «Белая берёза» («Чагдян чалбан», сказительница Дачи Удинкан), вероятно, очень древней по происхождению, ибо в ней участвуют персонажи предания об изначальном сотворении Древа Душ и вслед за ним, как бы вопреки ему – Симбиромони – шаманское дерево.

Главная героиня сказки – девочка-фудикэн – наделена одним качеством: она поёт, и пение её родственно весне, пробуждающей животворящие силы природы. «Льётся песня, как речка журчит. Вместе с песней, и птицы начинают петь, и травы колыхаться-шелестеть...» Первый аккорд сказки ассоциативно сближает девочку и природу.

Понятно, почему не по вкусу пришлось пение девочки смертоносному Чёрному Змею – Сахаридбдьян. И превращает он поющую в бездушный камень. Добрый дух Хадо, узнав о злодеянии, возвращает фудикэн к жизни, но – в облике берёзы.

Два портрета обрамляют сказку, зеркально повторяя друг друга, словно прорастая один в другой. В первом – у девочки «волосы на ветру,

как берёзовые ветви, играют-переливаются». В финальном – «У белой берёзы ветви на ветру играют-переливаются, словно волосы длинные».

Сказка как бы приуготовляет, репетирует слияние женского начала с древесным.

Такое же совмещение, превращение девушки в дерево – происходит и в сказке «Ивушка». Отметим, что в обеих сказках означен вид дерева: берёза, ива. Иву нани относят к священному дереву, ибо многолистка она, и в каждой развилке веточки предположительно обитал образ птенца – души будущего ребёнка.

Много священных деревьев в Приамурской тайге. Один род ульчей называет себя «Дятала» – по виду дерева с розовой древесиной. Я не знаю его дендрологического названия, но присутствовала на церемонии, когда пожилой ульч совершал поклонение своему «предку», каким считали это дерево его соплеменники. Человек подошёл к дереву, встал на колени, поклонился, сказал, подняв руки к дятала: «Вот я пришёл к тебе, дедушка, попросить об удаче в охоте...» И долго ещё разговаривал – молился на своём языке. Потом острым ножом срезал осторожно тонкий слой коры, раз взмахнул, два – и появился на стволе лик, повторяющий лики на сакральных фигурках деревянных сэвэнов.

Вероятно, дерево это почиталось у ульчей священным – пиоха.

Приведу отрывки из нескольких сказок, в которых задействовано священное дерево.

...Вот однажды девушка-пудин с младшим братишкой спасалась от старшей сестры, которая была сумасшедшей и их преследовала. «Шла пудин с ношей день и ночь. Тяжело, устала она. Дело было зимой, голодные оба... Тогда выбрала пудин большое-большое дерево, собрала сушняк, костёр развела, стала бода (рисовый отвар) в железном ковшике, что с собой захватила, варить. Сварила. Наелись. Уснули оба. Во сне слышит треск пудин. Это, оказывается, дерево раздвоилось, вышел из него старик-пиоха, весь светится. «В злого духа, – говорит, – сестра твоя превратилась. Жалко мне твоего маленького братишку, заберу его к

себе, а ты сама спасайся». Проснулась пудин – нет брата. А дерево такое же целое, как вечером было, стоит».

По сюжету сказки, вернулся младший брат на землю, могучим муханом-богатырём стал: его ведь сам пиоха воспитал. (Сказка «Как Пиоха воспитал мухана»)

В нанайских сказках священные деревья часто бывают спаяны с темой рождения и воспитания необычного ребёнка, мухана-богатыря. Непорочным, сверхъестественным способом зачала младенца красавица-пудин в сказке «Три ласточки» – «Илан чифяку».

«Упал на голову пудин ласточкин помёт. Забеременела она, а откуда это – не знает. Пришёл срок, пошла она к амиктан – священному дереву в тайгу, большому, высокому. Внизу в стволе этого дерева – большое дупло. Вроде как комната. Вошла туда пудин, соломку, что по дороге собирала, на пол дупла постелила. Возле входа в дупло огонь зажгла – злых духов отгонять.

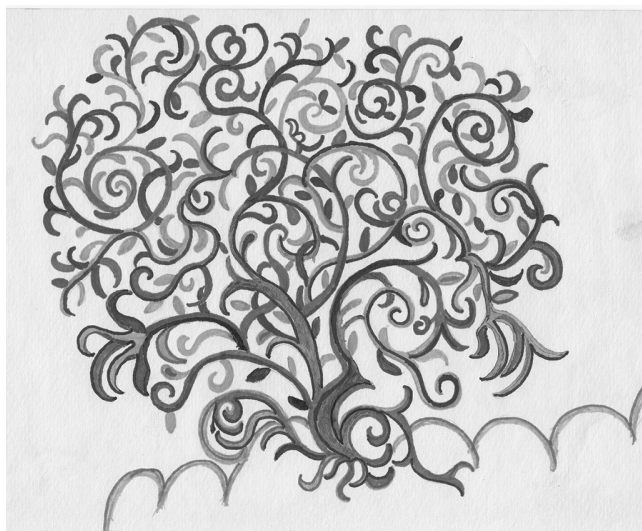
Родила она мальчика невиданной красоты: светлые волосы у него, зубы, как жемчуг речной, большой палец крепкий, как кость – из лука лучше стрелять.

Залезла пудин на верхние ветки священного дерева, оставила там ребёнка. Вверх, туда, где солнечные лучи и лучи луны живут, небесной пудин закричала:

– Возьми себе моего сына, расти его, выходи потом за него замуж, он муханом – богатырём будет!

И так и было».

Рисунок Анны Онинка к сказке «Илан чифяку». Юноша – воспитанник Пиоха – обручается с небесной пудин. Их приветствуют родители мэргэна-юноши.

Священное Дерево здесь мыслится, как дорога в Верхний мир – для избранных, чьё зачатие и необычная судьба приурочиваются и вершатся силами Неба.

Сюжет на рисунке защищён деревьями – оберегами, а также изображением бабочки-меонги, чтобы никто не посягал на счастье молодой пары и благополучный финал сказки.

Дерево здесь мыслится, как дорога в Верхний мир – для избранных, чьё зачатие и необычная судьба приурочиваются и вершатся силами Неба.

Если же продолжить линию символического совмещения: женщина – дерево, которую мы начали проследивать в сказках «Белая берёза» и «Ивушка», то намечена она и в сказке «Три ласточки». Чрево женщины вписывается в чрево-дупло дерева, и оно становится как бы причастным к акту рождения ребёнка, напоминая о Дереве душ – Омиа-мони.

А теперь подробнее остановимся на сказке «Ивушка».

ФОТОХА – ИВУШКА

(Записано от Дачи Удинкан)

Когда-то где-то давно жил один юноша – мэргэн с женой, далеко-далеко от людей. Кругом непроходимая тайга была. Очень хотели детей иметь эти муж и жена, а нет и нет. Уже стали стареть, уже беспокоятся: «После нашей смерти неужели и следа от нас не останется?»

Вот жена почувствовала: под сердцем что-то шевельнулось, сама не поверила, долго не говорила мужу. Сильнее стало дитя шевелиться. Жена думает: «Это эндур-бог нас услышал».

Муж вернулся с охоты, сердитый, мрачный.

Жена, как всегда, обед собирает. Он ест нехотя.

– Ты поешь, отдохни, я тебе чего-то расскажу, – говорит мужу.

«Что женщина знает?» – думает муж.

А в старину говорили: женщина всегда вдвое больше мужа знает.

Муж удивляется: чему жена радуется? Детей нету в доме – и радости в доме нет. Солнце, и то как будто меньше светит. Муж поел, лёг. Жена села в изголовье.

– Мапа, знаешь, у нас, наконец, может, радостный день будет.

Муж сразу догадался, о чём она будет говорить.

Вот живут они теперь весело. Муж всё время на охоту ходит. Без него жена родила ему девочку, такую светлую, такую красивую. Мать у неё лицом хоть и не больно пригожая, зато ласковая, работающая и мастерица. Сколько муж пушнины принесёт, она и кусочка кожи зря не бросит. Из маленьких кусочков делает большую вещь.

Не знаю, когда у них в доме кэкэчэн-служанка появилась. Откуда взялась – никому не известно. Всё в доме делает, пищу готовит, от младенца ни на шаг не отходит. Всё качает её, песни поёт. Девочка слушает да уснёт, слушает да уснёт, во сне улыбается. А мать уже приданое дочери готовит: несколько такто-амбаров красивой одеждой заполнила.

Водный мэргэн и фудин. Между ними – волны водяные

Однажды ни с того, ни с сего заболела у девочки мать. Так сильно заболела. Ждёт, скорей бы муж с охоты вернулся. Вечером пришёл мэргэн.

Она только и успела сказать: «Мапа, береги нашу дочь» – и умерла. Муж не понимает, что за напасть такая, интересно, утром ни на что не жаловалась.

Похоронил он жену, девочка совсем осиротела. И кэкэчэн как нарочно – исчезла. Сколько жила – мэргэн ни разу её лица не видел, не помнит, какая она была. Дочке уж лет пять-

Фудин и мэргэн во владеньях водного мэргэна

Золотая и серебряная пряди волос на голове фудин

шесть было, маленькая. Что делать? Нельзя ведь на охоту не ходить. Отец её одну оставляет. Вернётся – дочка причёсана, лицо умыто, и дома всё так чисто, будто кто прибирает. Увидит отец девочку – и всё горе своё забывает. Уйдёт на охоту – опять о жене тоскует. Так время и шло, и не заметил мэргэн, когда выросла фудикэн – девочка.

Недалеко от их дома было озеро. Фудикэн любила к нему ходить. А озеро, хоть какой сильный ветер бушует, гладкое и чистое стоит, как маслом налитое. Вот сядет возле озера, опустит в воду косу, тихое течение откуда-то появляется, волосы её как будто расчёсывает, гладит, моет. Хорошо у озера фудикэн, сидит, песни поёт.

Один раз пришёл к ним какой-то юноша, красивый, статный, коса за спиной – толстая, в руке дёбго – острога. Приглянулась мэргэну красавица. Отец радуется:

– Ты откуда, мэргэн, появился? У нас тут поблизости людей нету.

– По свету ходил, забрёл к вам.

Могучий охотник этот мэргэн. Из тайги придёт – много пушнины принесёт, положит у ног фудин.

Вот раз осталась фудин одна дома, слышит: где-то кто-то зовёт её голосом, точно таким же, как у неё. И её песню любимую поёт. Не по себе стало девушке, на сердце нехорошо. С непокрытой головой никогда не выходила она на улицу и лицо закрывала, а тут простоволосая выскочила.

Пошла она к озеру, опустила в воду косу. Течение появилось, стало ей волосы гладить... Фудин песню запела. И как запела – пошли вокруг неё круги по воде, волны покатались, вода выше, выше подниматься стала, и вышел из воды, до пояса поднялся мужчина и стоит. Коса толстая, где у неё конец – не видно даже. Красивее был этот мэргэн, чем жених фудин.

Спрашивает: Знаешь, кто я? Помнишь, кэкэчэн тебе песни пела, баюкала тебя? Это я тебя растил, развлекал. И не думай за кого-нибудь другого замуж выйти. Ты – моя невеста, хочу, чтобы ты моей женой стала. Пойдём, я тебе мои владенья покажу.

– Я под водой не могу ходить, – отвечает фудин. – Я ведь земной человек.

– Ты об этом не беспокойся, – говорит мэргэн. И правда. Прямо на глазах фудин расступилась вода, будто кто одеяло откинул. Вниз мраморная лестница ведёт, чем глубже – тем красивее. Спускается по ней девушка. Рыбы ей кланяются. Фудин себя не узнаёт: на голове корона у ней, платье всё сверкает.

– Ну, как, нравятся тебе мои владенья? – спрашивает мэргэн.

– Не знаю, что-то холодно мне здесь.

Идут, идут, а кругом золото валяется, как простые камешки, и серебро, и драгоценные камни, и жемчуг. Большое селение – иргэн

Битва мэргэна с Мукка-Аджняни

показалось. Там люди – не люди: полурыбы, получеловеки, все фудин кланяются, все её приветствуют. А ей неуютно так, холодно, просит она мэргэна:

– Отпусти меня домой, я хоть с отцом повидаюсь. Честный человек никогда обманом не женится.

Тут видит фудин: поперёк дороги появились два ручья. По одному золото течёт, по другому – серебро. Одна её коса упала в золотой ручей, другая – в серебряный. Она этого не заметила.

Вот вышли они на то место, откуда в озеро вошли.

– Смотри, фудин, не забывай меня, а то что-нибудь недоброе случится.

– Не забуду. Да только холодно мне у тебя.

– Ничего, – отвечает мэргэн, – привыкнешь.

Пришла фудин домой. Никого в доме нет, отец с женихом на охоту ушли. Заметила

Фудин сидит у озера на сломанном кусте ивы

вдруг: косы за ней волочатся, одна золотая, другая серебряная.

О-о! Вдруг жених заметит? Уложила она косы в шёлковый мешочек-укульчи, хорошенько его завязала.

Вернулись охотники. Жених улёгся возле фудин, стал ей голову гладить. Развязался мешочек, упал, и рассыпались косы – золотая и серебряная. Жених даже глаза рукой закрыл.

– Откуда это у тебя, фудин? На сердце у меня что-то тревожно стало.

– Мэргэн, у меня второй жених появился. Так, видно, мне на роду написано. Ты откажись от меня, так лучше будет для нас обоих.

Он ответил:

– Если я руку в кулак сожму, уж никогда его не разожму.

Ничего не сказал больше, взял своё дёбго-острогу и пошёл к озеру.

Никогда таким не было озеро: волны, как валуны, ходят. Мэргэн голосом фудин зовёт:

– Мукка Аджняни, Водяной царь! Я по тебе соскучилась. Выходи!

Откуда-то издалека раздаётся:

– Ты не хитри, ты – мой соперник, пришёл со мной биться.

– Нет, я – ива-фотоха. Выходи!

– Я не трус, выйду, если тебе надо. – Поднялся из воды, сначала до шеи, потом до груди.

Мэргэн подзадоривает:

– Выше, выше поднимись, до пояса.

Выше поднялся Мукка-Аджняни, не побоялся. «Я знаю, – сказал, зачем тебе это надо». Мэргэн кинул в него дёбго-острогу, и следом сам на соперника прыгнул...

Фудин чувствует: недоброе что-то творится на озере. Выскочила из дома, побежала. Непокойно озеро, и, вместо воды, кровь в нём. Плачет фудин:

Ни водяного, ни земного жениха не видно, под водой битва идёт.

Сидит девушка, ждёт, сколько времени прошло – не знает. Стала своё детство вспоминать, служанку ласковую, стала свои песни петь... Потихоньку успокоилась в озере вода, чистая, прозрачная сделалась.

Заглянула в воду девушка, своё отражение увидела: корявая, сучковатая ива – фотоха стоит.

Не столько дереву, пусть и избранному, поклонялись древние народы, сколько запечатлennому в них духу – посреднику между людьми и хозяином Неба – Эндури или Санги-мапа. Дерево оттого и считалось священным, что дух-

посредник Фиоха (кур-урмийский диалект) или Пиоха (средне-амурский) избрал его своим вместилищем и жил, невидимый людям, внутри него.

Даже место возле священного дерева нельзя было осквернять.

Обратим внимание на некоторые детали в рисунках Анны Онинка к этой сказке. На четвёртом рисунке фудин сидит (спиной к зрителю) на низком, почти лежащем кусте ивы. Да ещё к тому же сломанном. И нет на нём никаких птенцов. И означает это, что не быть девушке ни женой, ни матерью. А станет она бесплодной ивою, что подтверждает и пятый рисунок, на котором изображено дерево ивы, красивое, цветущее, но тоже – без птенцов.

Ещё один значимый «персонаж» сказки – волосы героини. Несколько раз повторяется в тексте, что течение в озере как бы расчёсывало её длинные косы. А, по нанайским представлениям, только жених, которому девушка дала согласие на брак, имел право прикасаться к волосам невесты и расчёсывать их. Вероятно, сказка приоткрывает предпочтение девушки земному жениху – водного.

Деталь, чрезвычайно важная, ибо волосы у

всех народов мира мыслились как «антенна», связанная с космосом. Есть этому и научно обоснованные объяснения. Считается, что волосы, подобно нервным окончаниям, воспринимают всю информацию из окружающей среды и космоса, но и сами способны излучать электромагнитную энергию во внешний мир.

На Руси в старину волосы называли «космами»: не от связи ли этого понятия с «космосом»?

Как и у нанайцев, русские девушки заплетали волосы в одну косу. Это означало, что девушка свободна и ищет себе пару. Длинные волосы, считалось, наполняли энергией жизни её тело, душу, дух. В праве мужчины расчёсывать волосы невесты (у русских – жены) предполагалось согласие девушки (женщины) высвободить свою жизненную энергию и делиться ею с избранником.

Длинные волосы считались оберегом от злых духов для их обладательницы. Ритуал и нанайцев, и славян предписывал замужней женщине расплетать косу на две и укладывать их вокруг головы с той же целью – оберега.

Сегодня это правило, к сожалению, забыто, как и понимание сакральной роли волос в жизни девушки – женщины. Повсеместна мода – ходить с распущенными «космами». Но ведь «электромагнитная энергия» от волос может нести в себе и негативные свойства. Не потому ли в православных храмах сохранился запрет: девушка, женщина не имеет права входить в церковь с непокрытой головой.

Вспоминаю эпизод из моей «дальневосточной жизни». В конце 70-х годов я возила только что вышедшую книгу нанайских сказок под общим названием «Храбрый Азмун» по разным нанайским селениям. Иллюстратором сказок был талантливый и этнографически образованный художник Геннадий Павлишин. Я показывала сборник, прежде всего, нанайцам старшего поколения: ЧТО они скажут об этнографической достоверности рисунков. Отзывы были восторженными. Но почти у всех вызвала недоумение одна важная деталь. Так, Дачи Удинкан, например, сетовала, что нанайские женщины изображены с непокрытой головой и распущенными волосами. В то же посещение её в селении Улика-Национальная я записала от неё сведения об отношении к волосам женщины.

«Когда женщины шьют одежду охотнику, то завязывают голову платком, чтобы волосы не попали на его одежду».

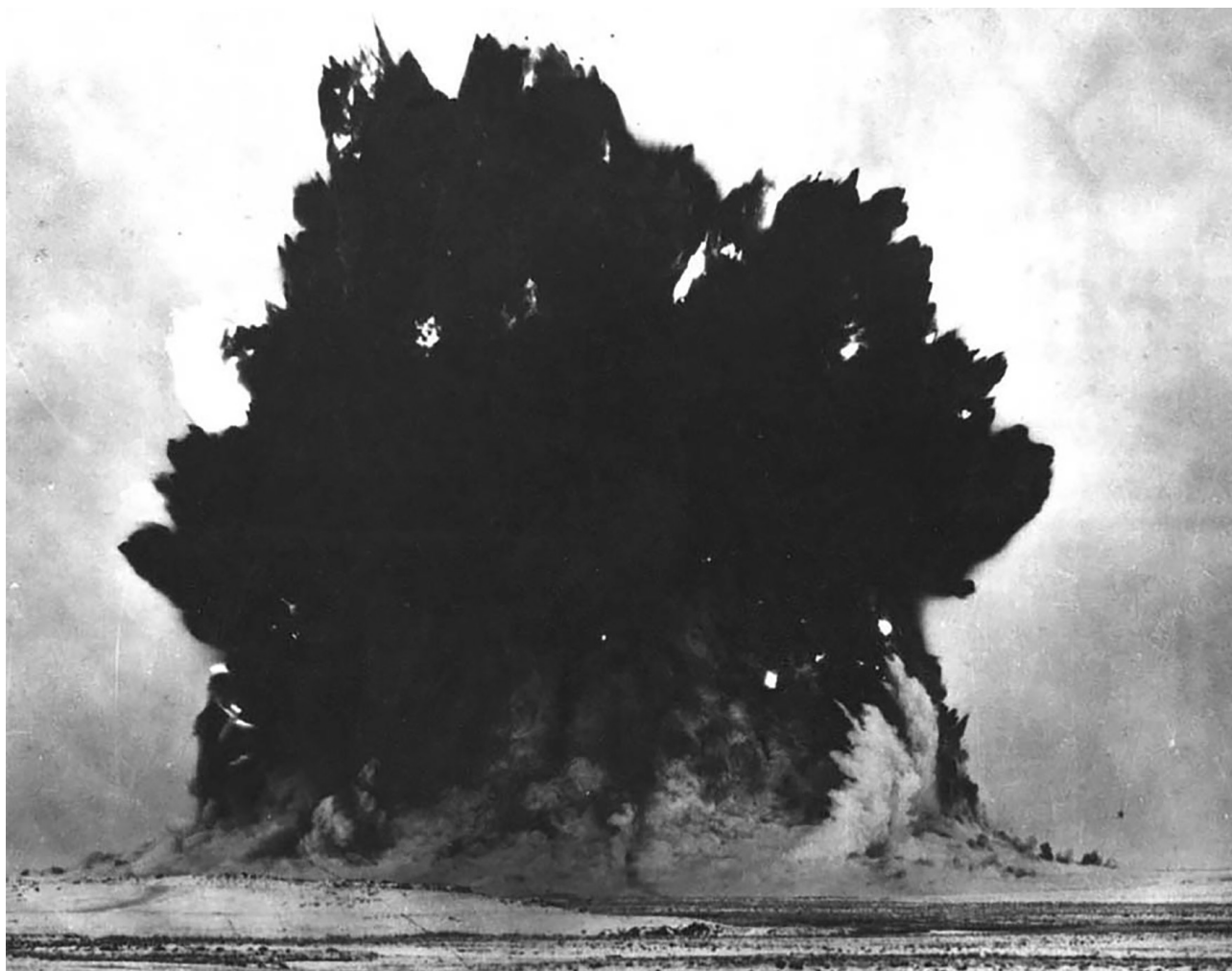
Если ласточка подберёт волос женщины и вклеит его в своё гнездо, – эта женщина заболеет неизлечимой болезнью».

Теперь, возможно, станет понятнее, почему в сказке «Ивушка» и в иллюстрациях к ней Анны Онинка столь большое символически-реальное значение придаётся роли волос героини – фудин.

Владимир ГУБАРЕВ

И ПОТЕКУТ РЕКИ ВСПЯТЬ...

К истории скандального проекта

Память хранит всё до мельчайших подробностей.

Тот белый гигантский гриб, вставший у горизонта среди облаков...

Улыбку «Бороды» – Курчатова...

Мёртвую степь, раскинувшуюся по обе стороны...

Хищный взгляд Лаврентия Бериин...

Ночи без сна...

Сплюснутые алюминиевые шарики...

Валерьянку Щёлкина...

И, конечно же, разговор со Славским, который изменил его судьбу, сорвав с проверенного и надёжного пути.

Что теперь впереди?

Казалось, что красивое, щедрое и необычное будущее, но всё было не так...

А пока – вездеход и тропа по красному полю, которая должна была привести к заветной цели...

Каспий мелел. Измерения учёных показывали, что уровень воды уменьшается на несколько сантиметров в год, берега моря потихоньку оголяются. Если так будет продолжаться, то через несколько десятков лет море превратится в болото. Или начнёт высыхать.

Так же, как и Аральское.

Опять фантазии Курчатова?

У него память феноменальная! Об этом мне говорили все, кто хотя бы единожды встречался с Жучихиным. Виктор Иванович помнил каждую деталь эпохальных событий, любил рассказывать о них, тем более что был не только свидетелем, но и участником множества из них. Об этом свидетельствовал парадный пиджак, увешанный орденами и лауреатскими медалями. При очередной нашей беседе он рассказал о встрече с Курчатовым в сентябре 1951 года. Она случилась вскоре после испытаний первой «нашей» атомной бомбы. Предыдущая была копией американской, а новая была настолько модернизирована, что по праву считалась уже «своей». Результатами испытаний Игорь Васильевич был очень доволен, а потому позволил себе при встрече с коллегами говорить непринуждённо, игриво и мечтательно.

– Ребята, видите какая силища, создаваемая атомом, расходуется зря. Ведь в военных целях она когда-нибудь вряд ли будет применена. А над её применением в мирных целях следует задуматься всерьёз. Ведь сколько проблем существует в народном хозяйстве, которые с помощью ядерных взрывов с большим эффектом можно решить. Взять хотя бы создание водоёмов, рытьё каналов для переброски водных ресурсов северных рек в южные сельскохозяйственные районы страны, вскрытие рудных пластов в горных месторождениях. Да мало ли сколько задач можно решить, воспользовавшись такой огромной силой, как атомный взрыв...

Потом Курчатов почему-то начал говорить о Каспии, мол, обнажаются берега, море мелеет. А дальше – хуже, потому что планируется построить каскад гидроэлектростанций на Волге и орошать окрестные земли, которые гибнут от засух – для этого даже новое министерство планируют создать.

«В общем, с водой беда!» – заключил Игорь Васильевич.

А потом он вновь вернулся к «своим делам» – созданию новых образцов оружия, к сложному положению в мире и к нашему отставанию от американцев, которые стремительно наращивают свою ядерную мощь.

Он не упомянул, что правительство приняло ряд постановлений об использовании ядерной энергии. В основном в них речь шла о военных делах, но упоминалось и о строительстве атомной электростанции и об использовании реакторов на флоте.

Кстати, Курчатов обратил внимание на идеи американцев использовать ядерные взрывы в мирных целях. Однако он понимал, что сей-

час для советских учёных – это далеко не первостепенная задача, да и не было ясно, что делать с радиацией. Она – гигантская составляющая атомного взрыва, и избавиться от неё невозможно. Пока...

А уровень воды в Каспии продолжал снижаться...

Атом для мира

Странно слышать эти слова из уст президента США. Его предшественник отдал приказ о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, а теперь ему – Дуайту Эйзенхауэру – приходится произносить звонкую фразу: «Эти величайшие разрушительные силы могут быть превращены в огромную выгоду в интересах всего человечества».

Президент не стал объяснять, что его выступление – это реакция на испытания в СССР нового оружия, термоядерного. И его ответ – мир, а не гонка вооружений.

Что скрывать, именно американские специалисты начали программу использования мирных ядерных взрывов. Они её начали, а потом... закрыли! И на то были весьма веские основания.

Однако американский президент ещё это не мог предвидеть, а потому он провозгласил на всю планету: «Атом для мира»! Это случилось 8 декабря 1953 года.

Чем же могли ответить мы?

Первой атомной электростанцией! Принять вызов по мирному использованию ядерных взрывов мы не могли – отставание в военной области надо было ликвидировать как можно быстрее. Этим и занимались наши учёные.

А в США начались масштабные исследования по программе «Плаушер». Казалось, что у мирных ядерных взрывов большое будущее. Проекты рождались самые необычные – от двигателей для звездолётов до строительства нового канала между Тихим и Атлантическим океанами, от получения новых материалов до новых подземных газовых и нефтяных хранилищ.

Директор Международного центра по экологической безопасности, один из создателей «изделий» в Уральском ядерном центре Альберт Васильев пишет:

«В рамках программы «Плаушер» в 1961-1973 гг. было произведено всего 12 взрывов (из них 8 – на полигоне в Неваде) и, начиная с 1957 г. 16 испытаний зарядов, из них 9 – для разработки «сверхчистых» зарядов. Однако всё возрастающее неприятие общественностью возможности радиоактивного загрязнения, неудачный выбор первых объек-

тов для практического применения и отказ после заключения договора в 1963 г. от всех взрывов, при которых происходит выброс в атмосферу радионуклидов, привёл к закрытию программы в 1977 г...

Разработчики ядерных зарядов из КБ-11 и НИИ-1011 Ю.Б. Харитон, Ю.А. Трутнев, Ю.Н. Бабаев, К.И. Щёлкин, Е.И. Забабахин уже в 1950-х – начале 1960-х годов предлагали, основываясь на опыте создания боевых зарядов, различные варианты мирных применений. И не только для взрывов на выброс, но и для наработки делящихся материалов для ядерной энергетики и выработки электроэнергии».

А уровень Каспийского моря неуклонно понижался...

Молодости надо доверять

Есть на нашей планете люди, с которыми каждая встреча – праздник. Праздник для ума и души. И если такое случается, можно считать, что тебе крупно повезло в жизни, потому что такое случается не с каждым...

Евгений Николаевич Аврорин и Борис Васильевич Литвинов принадлежат как раз к таким людям. Я благодарен судьбе, что она подарила мне возможность беседовать с ними, встречаться, обсуждать те проблемы, которые волнуют каждого из нас и всё человечество. А иногда доводилось посидеть вместе за столом, поднять чарку за жён и детей, ощутить тепло домашнего очага.

Много десятилетий Аврорин и Литвинов шли вместе. Их судьбы переплелись, подчас даже невозможно (да и не нужно!) их разделить. Для меня они – «Академики Снежинска» – стали примером служения науке, Отчизне, будущему.

Всегда остаётся некой загадкой повороты судьбы человека. Что в ней главное: улыбка фортуны, случай, талант или нечто иное, что нам понять не дано, а возможно, и не следует узнавать, иначе пропадёт то таинственное, что сопровождает нас до самой старости и что понять не удаётся, когда оглядываешься на прошлое... И остаётся только удивляться: как такое могло случиться?

В судьбах Евгения Аврорина и Бориса Литвинова я пытался найти тот «ключик», который открыл им обоим дорогу к атомным вершинам, которые им суждено было занять. Отбросим в сторону ясные и очевидные понятия, – такие как талант, огромная работоспособность, нестандартность мышления, – это всё очевидные качества, без которых в физике и шагу не сделаешь. Но ведь этими

качествами обладали и другие. Почему же судьба выбрала именно их?

Я не случайно ставлю Аврорина и Литвинова вместе на «линию старта», потому что они начинали в одно и то же время и в одном месте. И так, в Арзамасе-16 появляются молодые специалисты...

Вспоминает Евгений Аврорин:

– Я удивляюсь нашим тогдашним руководителям! Сразу по приезду в Арзамас-16 мне был выделен довольно серьёзный участок работы над термоядерным оружием, и какое-то время я действовал даже самостоятельно, а потом уже вместе с Юрием Николаевичем Баевым. Фактически вдвоём мы вели довольно крупный раздел, теперь-то я понимаю, что он ключевой – на нём держалась концепция оружия... Хотя в то время так не понималось, меньшее значение уделялось этой проблеме, может быть, и правильно. Как всегда, можно искать либо тонкие решения, либо идти на большие запасы. При первом испытании был выбран второй путь – своеобразная перестраховка. Но, тем не менее, действительно, молодой специалист, который и полгода не проработал, принимает участие в испытаниях. Я уже докладывал государственной комиссии, а там были такие корифеи, как Келдыш, Гинзбург – я уже не говорю о наших... Мне кажется, в то время я был самым молодым теоретиком. Впрочем, точно не знаю. И так, нам, молодым, поручали очень сложные задания. Пожалуй, сейчас я не доверил бы молодому специалисту такое...

– А как судьба забросила в Арзамас-16? – спрашиваю я.

– Мы всё-таки дисциплинированные люди. Меня просто послали на «Объект». Не очень активно, но я попытался протестовать – точнее пришёл к своему научному руководителю, он был сотрудником Тамма, сказал ему, что не хотелось бы уезжать, тем более что мне предлагали аспирантуру... Но он сразу мне ответил, мол, со «Средней Машей» (так называли легендарный Средмаш) не спорят. Так я оказался в Арзамасе-16. Кстати, через несколько месяцев встретился с Игорем Евгеньевичем Таммом, он уже уехал в Москву и был у нас в командировке. И он меня спросил: «Довольны ли вы, что сюда попали?» Я ответил: «В общем, доволен». «Ну и отлично, что «в общем»», – улыбнулся Тамм. А мне было, действительно, очень интересно. Прекрасная атмосфера, очень интересные люди – первым всё-таки следует назвать Зельдовича. Сахаров был более замкнут, меньше общался с молодёжью,

Е.Н.Аврорин и Б.В.Литвинов

хотя принимал участие в семинарах, обсуждениях. Я работал в «секторе Сахарова», но больше общался с Зельдовичем, он мне нравился. Работа хорошо пошла, а это очень важно для молодого человека...

А теперь слово Борису Литвинову:

– В 1952 году в числе пяти человек был направлен на прохождение дипломной практики и выполнение дипломной работы на почтовый ящик № 875. Это был сейчас всемирно известный Арзамас-16. Я выполнил здесь дипломную работу, и государственная комиссия, которую возглавлял академик Харитон, присудила всем нам звания инженеров-физиков по специальности «проектирование и эксплуатация физических приборов и установок». Все пятеро вошли в этот необычный мир «плотненько» – у каждого судьба сложилась нормально. В 54-м году, через год после диплома, начальник газодинамического отдела Боболев высказал одну идею. Она казалась невероятной, но, тем не менее, он предложил мне над ней поработать. Кстати, тогда я уже руководил группой – в ней было два лаборанта, одному шестнадцать лет, другому – семнадцать, и только что кончивший техникум Женя Горбунов. Вот такая команда была под моим началом. В моём распоряжении уже был каземат для взрывных работ. В каземате находилось сложнейшее оборудование. То есть я говорю об атмосфере, царившей в Арзамасе-16 в те годы, и о доверии к молодым... Мы начали

проводить серии взрывных опытов, работали вполне самостоятельно. Группа довольно быстро разрослась до пятнадцати – двадцати, появились у нас даже женщины... В общем, мне поручили посмотреть, насколько предложенная Боболевым идея абсурдна, но оказалось, что это не так. В результате появилось новое направление. Чтобы довести его до ума, нужно было привлечь теоретиков, конструкторов, что я и сделал. Фактически работал неформальный коллектив, который создавал «изделие» для полигонных испытаний. У меня не было никаких прав, я никого не спрашивал, как-то все считали, что существует коллектив под руководством Литвинова, и он занимается интересными идеями. Долгое время был простым руководителем группы, потом заместителем начальника отделения по научно-исследовательским работам. Наверное, именно это и послужило основанием для назначения на должность Главного конструктора...

Судьбы научного руководителя Федерального ядерного центра академика Е.Н. Аврорина и главного конструктора академика Б.В. Литвинова свидетельствуют: молодости надо доверять, и тогда взлёт человека становится взлётом той области науки и техники, где он работает. Но только Великий Учитель способен точно определить степень таланта своего ученика. Литвинову и Аврорину повезло: их талант увидели многие

Учителя, которых «Атомный проект» собрал в Арзамасе-16. Пожалуй, в истории нашей науки это был первый случай, когда столько гениальных и очень талантливых людей работали вместе. Вполне естественно, они заботились о будущем, о тех людях, которым предстояло продолжить начатое ими дело достойно. Аврорин и Литвинов оказались в их числе.

О человеке можно судить по тому, как он рассказывает о своём доме. Так гласит восточная мудрость.

Снежинск стал для Аврорина и Литвинова той «малой Родиной», которая почитается так же, как и вся Отчизна, как и города, где они родились.

– Я всегда был убеждён, что наукой можно заниматься только в таких небольших городах, как Пущино, Черногоровка, Обнинск, Дубна, Протвино... И во всём мире так, потому что такие города, как Москва, слишком велики – там наукой заниматься очень обременительно. Когда человек тратит полтора часа, чтобы добраться до работы, а потом столько же обратно – о какой науке можно вести речь?! Помните главное условие, которое высказывал Яков Борисович Зельдович? Он говорил, что и на работу, и обратно нужно идти с удовольствием. А где же оно, если полтора часа проводите в метро или автобусе? В 60-м году основатель Челябинска-70 Кирилл Иванович Щёлкин решил, что состояние его здоровья не позволяет ему быть научным руководителем института, а потому он перешёл на работу в Академию наук. Научным руководителем был назначен Евгений Иванович Забабахин, а главным конструктором Щёлкин предложил назначить меня. Но по-настоящему Главным конструктором я стал лишь лет через пять...

– Низкий поклон нашим отцам-основателям – Кириллу Ивановичу Щёлкину и Дмитрию Ефимовичу Васильеву. Щёлкин был блестящим учёным, именно он был последним, кто работал с первой атомной бомбой при её испытании. К созданию центра на Урале он уже был трижды Героем Социалистического труда. Этот факт уже сам за себя говорит. Очень важно, что именно Щёлкин разработал программу развития нашего института, его стратегию. Он хотел, чтобы институт был комплексным, чтобы в нём развивались разные направления. Щёлкин привлекал на Урал молодых учёных, и это придавало динамику в нашей работе. А Васильев был прекрасный организатор. Так что они дополняли друг друга. К сожалению, Щёлкин вскоре заболел и покинул наш институт, а Васильев

умер. Однако они заложили столь прочный фундамент в основу ВНИИТФа, что мы до сих пор ощущаем их влияние – реализуем их идеи, развиваем их. И, конечно же, великая заслуга Щёлкина в том, что с первых дней он привлёк к работе Евгения Ивановича Забабахина – великого учёного и замечательного человека. Четверть века он был научным руководителем, и все успехи нашего центра связаны с его именем. Мы приехали сюда молодыми, и это были блестящие, красивые, одухотворённые годы, потому что вокруг были замечательные люди...

А берега Каспия продолжали оголяться... Неужели и ему уготована судьба Арала?!

Тайга, «красные» поляны и болота

Надо перебросить воду северных рек в Волгу, которая стремительно мелеет. Уже обнажились нерестилища в устье, упал напор на агрегаты ГЭС, не стало хватать воды для орошения полей.

Прогнозы учёных не радовали: многие из них считали, что уже через пару десятков лет даже пароходы не смогут пройти по реке – так она обмелеет.

Как всегда, будущее пугало.

Жучихин со своей группой выехал в район будущего канала. Ему предстояло «пройти» по всей его трассе, оценить обстановку и, самое главное, убедиться, что спецтехника с ядерными «изделиями» способна пройти по этому району. В то самое место, где было предложено проектировщиками провести экспериментальный взрыв. Площадка и вправду была необычной: здесь соединялись скальные породы, песчаные грунты и болота, то есть те грунты, что характерны для всей трассы.

Три породы – значит, три взрыва. Если всё получится, то дальше работать будет проще. Впрочем, никто из «издельщиков» не сомневался в успехе...

Виктор Иванович вёл подробные записи:

«Первое причаливание, как и планировалось, у хутора Васюково. Здесь проживал сосланный на пожизненное поселение за военное преступление с 1940 года некто Сергей Николаевич Добряков (от слова «добрый», как он нам представился) да группа геологов, ведущая разведку на трассе. Трасса канала в этом месте проходила в полутора километрах восточнее. Путь до неё по сплошному болоту мы успешно преодолели с помощью предоставленного нам вездехода...»

Вездеход шёл по «красной поляне» – болото было столь плотно покрыто клюквой. Гусеницы оставляли чёрный след, и оттого поляна превращалась в какого-то покалеченного животного, похожего на тех, что видел Жучихин в далёком 49-м году на ядерном полигоне.

«При рассмотрении на месте результатов геологических исследований, которые проводили буровые бригады, и обследования местности, нами были выбраны три точки на трассе для проведения в зимнее время группового экспериментального взрыва... Примерно в пяти километрах на восток от этой площадки, на дальней лесосеке расположился посёлок около 20 дворов (мы его отчётливо наблюдали при облёте трассы), а как нам разъяснили работающие здесь геологи – это посёлок расконвоированных, но ещё не отбывших срок наказания зеков-лесорубов, в основном, семейных. Стало быть, при прогнозировании радиационной обстановки после ядерного взрыва и разработке мероприятий по безопасности это надо иметь в виду. Далее, вплоть до посёлка Якша, на северном конце трассы и насколько хватает увидеть глазом с самолёта на восток и запад – сплошная безлюдная тайга – условия для проведения ядерных взрывов весьма благоприятные».

Экспедиция Жучихина, наконец-то, выбралась на берег Печоры и добрались до посёлка Якша. Здесь жили рыбаки, егеря и лесорубы. Но первых, кого они встретили, были лоси. Они привычно бродили по посёлку.

Оказывается, здесь находится лосиный питомник. Его директор рассказал гостям (он всем это рассказывал!) историю о том, как Никита Сергеевич Хрущёв распорядился отобрать лучших племенных лосей (аж, десять штук!) и отправить их в подарок Иосифу Броз Тито. Это был своеобразный знак примирения с ним! Директор питомника попытался доказывать, что этого делать нельзя, мол, лоси в Югославии не выживут – там климат другой. Но кто его послушает!? Лосей отвезли. Хрущёв подарил их Тито, примирение глав государств состоялось...

– Я вернулся сюда, а лоси там вскоре погибли, – заключил директор. А потом добавил вдруг, – а с вами такого не будет?

У Якши должен начаться канал, по которому северные воды потекут на юг...

Отсюда группа Жучихина «пошла» по будущей трассе.

«Мы очутились в девственной тайге: вековые сосны, покачивая вершинами, стояли красиво, горделиво, как будто за ними был заботливый уход, как в заповеднике. Между

соснами – сплошной мховый ковёр приятного коричневого цвета.

Какая благодать – тишина, воздух настоящей хвоей, мягкий хвойный ковёр под ногами и тихий плеск рыбы в Вишерке. Девственная природа, неужели она будет затоплена? И мы будем непосредственными участниками этого варварства. Противоречивые чувства одолели вмиг всеми – не сговариваясь, почти каждый высказывал одно и то же».

А из Каспия продолжали поступать сообщения, что уровень воды понижается...

Надо доказывать делом!

Горит в камине огонь, потрескивают поленья, а потому беседа идёт неторопливо, подчас перескакивая с одной темы на другую. Но я не пытаюсь как-то «исправлять» её, боясь упустить главное.

Мы находимся на «21-й площадке», на берегу озера, в 15-ти километрах от Снежинска. Именно отсюда, «из глуши», как говорят старожилы, и начинался Уральский атомный центр.

– Вы говорите: «глухомань, глухомань»... Но что-то не верится. Два часа на машине от Екатеринбурга и здесь...

Е. Аврорин: – Сорок лет назад – до Свердловска шесть часов на автобусе. По старой Демидовской дороге – с ухабами и булыжниками...

Б. Литвинов: – В двадцатых годах этими местами интересовались геологи. Надо было разобраться с Вишнёвой горой, ясно, что здесь могли быть разные приятные сюрпризы в виде месторождений. И геологи начали сюда добираться. Не из Екатеринбурга, а из Каслей. Казалось бы, совсем рядом, а дорога тогда занимала четыре недели! В мае начинали экспедицию и лишь в июне добирались до места, проходя всего лишь двадцать вёрст...

– А как вы доехали?

Б.Л. – Мне было просто. Здесь уже был «Объект». Самолётом до Свердловска, а там меня уже встретила машина – всё-таки Главный конструктор «Объекта» приехал! Кстати, та Демидовская дорога сохранилась. Ещё сейчас по ней можно проехать, но только летом. Ну а я приехал сюда в 61-м году, здесь была вполне цивилизованная обстановка.

– Вы сказали – «Объект»? Какое впечатление он произвёл на вас?

Е.А. – Всё начиналось на «21-й площадке». Сюда приехала очень небольшая группа. Часть людей на «Объект» взяли из

Лаборатории «Б», правда, это была совсем небольшая группа. Приехали математики и физики-теоретики и немножко физиков-экспериментаторов. Вначале работали в одном здании – я так называю «Первый корпус». Сейчас его сломали и убрали. А жили во втором корпусе и в коттеджах, что находились вокруг. Однако «Объект» был не только здесь, но и в «Приволжской конторе», то есть Арзамасе-16. Там была выделена группа конструкторов и газодинамиков, они работали пока там.

Б.Л. – Работали там, но отрабатывали «изделия» по программе института. Здесь считали, а там реализовывали уральские разработки.

Е.А. – Были, конечно, сложности. Ведь приходилось при подготовке опыта ездить в «Приволжскую контору» и там работать с конструкторами. Кстати, там было и производство...

– А зачем создавать второй институт? Мало было одного?

Е.А. – Я специально этим интересовался. Спрашивал и у Забабахина, и у Харитона, которые стояли у истоков, мол, зачем? Они говорили, что было несколько причин. Первое: считалось, что Арзамас слишком близко от границы и надо создать резервный атомный центр на случай, если Арзамас уничтожат. Во время Отечественной войны, как известно, у крупных предприятий были дублёры. Военная психология была в то время прочна... И второе: у организаторов второго центра было уже тогда понимание, что необходима конкуренция, соревнование, и это будет очень полезно для дела. Забабахин говорил, что Щёлкин тогда уже предвидел и положительные, и отрицательные стороны. Он считал, что будет и соперничество и, грубо говоря, «подсизивание».

– Произошло это?

– Конечно.

– Примеры, пожалуйста!

– Они есть, к сожалению...

Б.Л. – Их нельзя приводить, потому что нас тут же обвинят в необъективности.

Е.А. – Мы считаем, что их было больше со стороны Арзамаса, а они, естественно, от нас... Мне кажется, что больше было всё-таки нормального соперничества, соревнования. Но случаи необъективности были. Может быть, и мы грешили, не знаю...

Б.Л. – Сложная история была с созданием блоков для морских ракет. Задача была явно наша – мы работали с Макеевым. Заряды для ударных подводных лодок... Появилось сообщение, что американцы сделали блок весом 96 килограммов с энергоснабжением под 70 килотонн. И мы занялись этой проблемой. Почему именно нам поручили? Дело в том, что мы здорово продвинулись в создании малогабаритных «изделий». Шли нормально. Первое испытание у нас было на 22 килотонны, потом больше. Причём мы всё время оставались в одном весе. Конкретно говорить не буду, так как это пока не подлежит разглашению... И вдруг узнаём, что в Арзамасе-15 прорыв. Прорыв мощный, такой, что мы сильно призадумались... Аналогичные идеи были и у нас, но силёнок их реализовать не было. А они попробовали, и у них получилось лучше. Приезжает к Макееву делегация из Арзамаса-16, почти вся «верхушка». И я поехал с ними. Арзамасцы хвалятся начали, говорят, мол, Литвинову надо отзывать своё «изделие» с полигона – не нужно испытаний, ничего не получится... Разговор закончился, начали выходить из кабинета, но Макеев просит меня задержаться. «Не переживай, – говорит он, – на тебе лица нет... Я не люблю, когда бахвалятся. Работайте». Вернулся я в институт, думаем, и предлагаем идею арзамасцев использовать в своём «изделии», как бы добавить её к нашим разработкам. Идут переговоры, совещания... Ну а потом испытания нашего «изделия». Результаты почти равные с нашими конкурентами. В общем, в конце концов «забрали» мы идею у арзамасцев и сделали для Макеева ядерный блок. Он до сих пор на вооружении. Что это? Можно по-разному называть произошедшее, но я как главный конструктор считаю это нормальной работой. Дело-то у нас общее.

Е.А. – Если говорить о наших взаимоотношениях с Арзамасом, то они, конечно, уникальные. Каждая работа проверялась или там или здесь. Экспертиза была обязательной. И это ни разу не нарушалось. Экспертиза была пристрастной, жёсткой, но польза от этого была колоссальной. И не только для конкретной работы – постоянно шёл взаимный обмен, друг друга мы «питали» идеями. Какой может быть способ обмена? Отчёты? Но там не может быть всё описано, не всё отражено... Можно присутствовать на испытаниях. Но там не всё увидишь... А экспертиза – это великолепный способ обмена информацией. Люди добиваются до тонкостей, и все обязаны предоставить все материалы. И это очень полезно.

Б.Л. – Забабахин говорил: «Надо доказывать делом!» Великое правило, которому мы следуем...

Уровень Каспия продолжал понижаться...

Неудача на «Четвёртой площадке»

Всем стало ясно, что заряд надо дорабатывать, а, следовательно, на год отложить главный эксперимент.

Однако руководство министерства категорически требовало провести работу в сроки, установленные правительством, не нарушать.

А, может быть, рискнуть? Всё-таки два предыдущих опыта на Семипалатинском полигоне были успешными...

Да, если бы речь шла об оружии, то эксперимент отложили бы обязательно, а тут – «мирный заряд». Значит, риск оправдан!

Альберт Васильев и его коллеги из Уральского ядерного центра вспоминают:

«В то время разрабатывались проекты строительства грандиозных гидротехнических сооружений: новых трасс Панамского канала, Каттарский гидротехнический комплекс в Египте, канал через перешеек Кра в Таиланде, канал, связывающие реки Ориноко и Рио-Негро в Венесуэле, проект по переброске северных рек в Волгу, создание водоёмов в засушливых степях Казахстана и другие. Использование мощных ядерных взрывов сулило большую экономическую эффективность».

Создавалось впечатление, что и в этой области СССР опережает США. У нас было проведено на Семипалатинском полигоне два успешных испытания. Во-первых, «Чаган» – искусственное озеро. И, во-вторых, взрыв в скважине 1003, когда удалось создать не только водоём, но и сразу же канал, по которому можно было заполнять его талыми водами. Были испытаны и довольно «чистые» заряды, которые были созданы в Уральском центре.

Да, третье испытание было неудачным, но, может быть, это случайность?!

Впрочем, «бомбоделы» (а среди них и Жучихин) хорошо знали, что «случайностей» в их деле не бывает...

Виктор Иванович так описывает это испытание:

«Прогредел оглушительный силы взрыв. Огромный купол грунта поднялся над тем местом, где была скважина. Затем из середины купола вырвался огромных размеров фонтан, который, разворачиваясь веером, начал осыпаться на землю, а из его середины взвился чёрно-белый газовый столб, образуя на большой высоте огромное облако. В это облако и было произведено несколько ракетных залпов с установок, расположенных

недалеко от командного пункта. Головки этих ракет произведут забор газовых проб, затем опустят на парашютах и будут подобраны, а пробы подвергнутся радиохимическому анализу, по результатам которого будет получена информация о работе заряда».

...Осмотр показал, что ожидаемой воронки не получилось. Вокруг эпицентра образовалось сильное поднятие грунта в виде вала высотой 20 м и диаметром 100 м. Внутри вала – провальное отверстие диаметром 20–30 м. Образование напоминало вершину вулкана...

Значит, для эксперимента на трассе канала нужно заряд дорабатывать, и снова испытать на полигоне. Но для этого времени не хватало. На носу новый 1971 год, а до марта месяца эксперимент нужно провести, иначе предстоит ждать ещё год».

Уровень Каспия, как сообщили специалисты Института мелиорации и водных проблем, начал понижаться быстрее, чем они рассчитывали...

Чем вы гордитесь?

Этот вопрос можно задать любому учёному, и он ответит сразу же, будто всю жизнь готовился именно к этому вопросу.

Не стали исключением и Литвинов с Аврориным. Они отвечали мне вместе.

– Конечно же, я горжусь тем мирным зарядом, который мы делали вместе с Аврориным. По всем параметрам он выдерживает самые строгие оценки – и по эффективности, и по областям применения, и по экономичности. Пожалуй, никто в мире не может сказать такого о своём «изделии», и естественно, я этим не могу не гордиться. И есть ещё один боевой заряд, в создании которого нам удалось преодолеть невероятные трудности, но такая работа была вознаграждена. Заряд на очень высоком уровне, он просто – хорош! Это как винтовка Мосина – я всегда привожу её в пример. Идеал для разработчика военной техники – винтовка Мосина. Так вот, как ни странно это звучит, но наш заряд – это «винтовка Мосина» в ядерном вооружении... Чувствуете, как сказал! Всё ясно, а никакой тайны не выдал!

Но я не удержался и напомнил конструкторам, что винтовка Мосина слишком долго была на вооружении нашей армии, и, в конце концов, ей пришлось уступить место автомату Калашникова.

Литвинов среагировал моментально:

– А я разве возражаю?! Я пожму руку и пер-

вым поздравляю того, кто сумеет сделать «автомат Калашникова» в нашей области! Но мы «стреляем» одиночными патронами, а не очередями...

Мы ещё некоторое время шутили по этому поводу, но от своего сравнения «изделия» с винтовкой Мосина Литвинов так и не отказался. Уж больно оно ему нравилось... Да и Аврорин сразу же пришёл на выручку коллеге:

– Борис Васильевич, конечно же, прав, но, тем не менее, на первое место я поставил бы физические опыты...

– Вы имеете в виду то, чем надо гордиться?

– Конечно. Но хочу подчеркнуть: в нашем деле нельзя говорить «это моё», потому что все работы были общими. А потому я упомяну о тех работах, в которых принимал участие. И первой, повторяю, назову физические опыты – в них огромное поле для изобретательности... Это использование ядерного взрыва для проведения физических исследований. Энергия взрыва уникальна, так как она позволяет достичь таких условий, которые создать в лаборатории невозможно, это приближение к астрофизическим условиям. Результаты таких опытов уникальны, данные служат очень-очень долго. К примеру, в 57-м году был у нас проведён опыт на Новой Земле. Мы возвращались к нему спустя тридцать лет, спустя сорок лет... В начале 60-х годов мы провели опыт по условиям термоядерного горения. Когда и при каких условиях может осуществиться чистая термоядерная реакция – такова была задача. Очень интересный опыт! Была осуществлена термоядерная реакция на дейтерии с тритием, и в то же время шло горение чистого трития. Кстати, как результат этих физических опытов и появились те мирные и военные «изделия», о которых говорил Борис Васильевич.

Думаю, настало время упомянуть о той «сверхзадаче», которую пытаются вместе со своими коллегами решить академики Снежинска. Речь идёт о термоядерной энергетике будущего, которая коренным образом отличается от «токамаков». Они, как известно, должны работать на тритии, а его совсем недостаточно для получения «энергетического изобилия». И когда физики утверждают, что «они будут использовать воду океанов», то они вольно или невольно вводят общественность в заблуждение: им нужен тритий, который содержится в океанской воде, но использовать его как топливо не так-то просто... Учёные Снежинска предлагают энергетику на дейтерии и небольшом

количестве делящегося вещества как «запала» для начала работы такой станции. Конечно же, наиболее опасен именно этот запал, так как он несёт с собой радиацию. Но тут-то и настало время вспомнить о «чистом мирном ядерном заряде», созданном под руководством Аврорина и Литвинова в Снежинске. Для энергетики будущего он становится незаменимым, и эта новая его профессия постепенно затмевает прежнее его использование в промышленных взрывах. Так уж устроена наша психика, мы исследуем прошлое с главной целью: понять, что именно из него можно использовать в будущем?

Разговор об использовании ядерных взрывов в мирных целях, конечно же, мог состояться только с учёными и конструкторами Снежинска – ведь именно здесь в самые жестокие годы «Холодной войны» разрабатывались не только боевые ядерные блоки, но и мирные профессии ядерного взрыва. Академики Литвинов и Аврорин имеют к этим работам самое непосредственное отношение. А потому им слово...

Аврорин: – *Идея промышленных ядерных взрывов увлекла сразу. Это ведь мощное технологическое средство, а потому появилось много разных проектов. Причём по тем критериям радиационной безопасности, которые были приняты, такие работы вполне приемлемы. Может быть, не всё было известно, не в полной мере учитывались отдалённые последствия таких взрывов, однако сама идея, бесспорно, увлекала. Кстати, и возникла она практически сразу после создания атомной бомбы. По зарядам «на выброс» шла конкуренция между Арзамасом-16 и Челябинском-70. А в результате был создан совместный заряд, но он так и не был испытан... Ну а что касается «глубинных» зарядов, то тут мы вырвались вперёд, так как у нас был большой опыт создания миниатюрных боевых зарядов. К примеру, для сейсмического зондирования Земли надо было создать такое «изделие», чтобы его можно было опустить в обычную скважину. Да и оно должно было быть сравнительно дешёвым и лёгким, чтобы к месту работ его можно было доставить на вертолёт или аэросанях. Такую задачу мы выполнили. Это были абсолютно безопасные и эффективные работы. Технология у нас довольно хорошо отработана, она надёжна. Однако вопрос о промышленном использовании ядерных взрывов сегодня остаётся открытым. Я считаю, что в ближайшее время не нужно возвращаться к взрывам на выброс. Наверное, вообще этого не следует делать, хотя они*

давали бы наибольший экономический эффект. Но дело в том, что в таких случаях полностью избежать радиоактивности нельзя: какая-то её доля выходит на поверхность. Будем говорить о камуфлетных взрывах. На первом месте, конечно, сейсмондирование. В Европейской части России и в Сибири оно проведено. Однако не успели осуществить проект по Южной Сибири, но его нужно делать вместе с китайцами. И такое предложение мы выдвигали... Второе – это шахты. Горняки говорили нам, что иного способа борьбы с «подземными ударами» нет. Снятие горного давления необходимо, иначе много людей погибает в шахтах. Первые такие работы провели, и они полностью подтвердили теоретические расчёты. Ядерный взрыв встряхивает горные породы, тем самым снимаются напряжения в них, и что наиболее важно – газ, который концентрируется в полостях, выходит. А шахтёры гибнут как раз при неожиданном выходе его... И мы, и горняки убеждены, что пока существует лишь один метод, который может гарантировать безопасность при подземных работах, – это промышленные ядерные взрывы... Существует множество «экзотических» проектов в этой области. Кстати, об одном из них в нашей среде шли весьма интенсивные разговоры. Это получение алмазов с помощью ядерных взрывов. Этой идеей очень увлекался Евгений Иванович Забабахин. В начале 60-х годов были получены алмазы при проведении обычных взрывов. Но кристаллики были маленькие, так как при таких взрывах давление можно создать лишь на короткое время. Предполагалось, что при ядерном взрыве кристаллы будут значительно крупнее. Некоторые эксперименты были поставлены, но, к сожалению, они так и не были завершены...

Литвинов: – Игорь Васильевич Курчатov размышлял о будущем много, он старался предвидеть развитие событий. В том числе он думал о мирном использовании ядерных взрывов. Идею промышленного их использования поддерживал и развивал Евгений Иванович Забабахин, её сторонником был и наш министр Ефим Павлович Славский. Не буду скрывать, я тоже всячески поддерживал эту программу работ, развивал её, считал, что мы идём в правильном направлении. Дело в том, что в своё время и порох был изобретён для убийства, но потом широко использовался для благих целей. У ядерного взрыва есть огромная область и научных применений, а почему промышлен-

ность, народное хозяйство должно быть в стороне? Поэтому такая программа начала у нас развиваться с середины 60-х годов. Один из толчков – это переход нефтяной промышленности на большие глубины. И сразу же пошли аварии. Уртабулак и Памук – примеры тому. В первом образовался мощный газовый фонтан, во втором – нефтяной. Укротить их можно было только с помощью ядерных взрывов, другие методы не оправдали себя. Следующие эксперименты прошли в Туркмении. Потом серия взрывов на выработанных месторождениях нефти. Результаты были обнадеживающими, и мы уже начали думать о том, как работать по более широкой программе. Появилось несколько оригинальных идей, и они начали постепенно осуществляться...

А уровень воды на Каспии продолжал снижаться...

Цена шутки в парикмахерской

Теперь их встречали неприветливо, мягко говоря. А точнее – почти враждебно.

Популярный журнал опубликовал статью о переброске северных рек на юг. В ней говорилось об использовании ядерных взрывов при строительстве. Это не могло не взволновать жителей посёлков, что располагались вдоль трассы будущего канала.

Литерный поезд прибыл в Соликамск. Здесь формировалась колонна, в центре которой спецмашины, в которых в особых «комфортабельных» условиях находились ядерные заряды. Понятно, что у них была особая группа охраны. «Изделия» нуждались в подогреве (шёл январь 1971 года), а потому колонна останавливалась через каждые два – три часа. Аэродромный обогреватель струёй тёплого воздуха размораживал кузов автомобиля, внутри которого находились контейнеры с зарядами, и колонна трогалась дальше к очередной остановке.

До экспериментальной площадки надо было пройти 250 километров.

Снег был очень глубоким. Случалось, мощные вездеходы застревали в нём, и специальный тягач вытаскивал их на твердь. Случались и поломки, но в колонне были умельцы, которые справлялись с любыми отказами техники.

Во всех посёлках, через которых шла колонна, встречали протестующие жители. Мол, атомщики приехали – будут всё здесь взрывать!

В посёлке Головное – настоящий бунт. В парикмахерской один из приезжих пошутил:

«Не волнуйтесь! Вы же вольнонаёмные, а мы будем взрывать только эков...»

Сказанная глупость моментально разлетелась по округе. Возникла реальная опасность, что на колонну может быть нападение, и тогда полковник КГБ, который сопровождал атомщиков, решил всё рассказать людям.

В доме культуры прошла встреча специалистов с населением. На ней были и заключённые. Кстати, среди них оказалось несколько человек, которые неплохо разбирались в физике.

В.И. Жучихин вспоминал:

«Им во всех подробностях рассказано было, как будет проходить работа, что может представлять опасность, и при каких обстоятельствах, какие мероприятия нами разработаны для обеспечения полной безопасности не только для людей, но для самой природы. Мы им пообещали, что будем держать всё население в курсе наших дел. Тут же объяснили, что взрыв будет допустим только при направлении ветра – с запада на восток. Посёлок Головное находится южнее места взрыва на 25 км, значит, для него никакой опасности вообще не предвидится, так что опасения все напрасны... Эки попросили, чтобы результаты дозиметрической проверки им показали – они сами хотели бы убедиться, посмотрев своими глазами на показания приборов. Их заверили, что всё будет выполнено, как они хотят. Эки нас заверили, что мы можем работать спокойно, пожелали нам успеха и сказали, что разъяснительную работу среди всего населения Головного они берут на себя и выдержат языки тем, кто будет распространять нелепые слухи. И с этого момента в посёлке было полное спокойствие...»

А шутник был выявлен и отправлен в Москву, где был уволен из института, правда, «по собственному желанию».

Новая информация пришла из Астрахани. Местная газета написала, что рыбаки сетуют: резко сократились уловы, так как «рыба уходит из-за мелководья»...

Взрыв!

Госкомиссия заседала после ужина. Слушали только доклад синоптика. К сожалению, он вновь был неутешительным – ветер дул с юга.

Так проходил день за днём.

Уже было получено «добро» от министра, все службы готовы к эксперименту, но погода по-прежнему была ясной и морозной.

Участники экспедиции уже начали волно-

ваться: весна наступала быстро, а потому техника могла застрять среди этих болот до следующего года.

Наконец, синоптики сообщили, что 27 марта будут подходящие для взрыва условия – слабая облачность, ветер нужного направления и температура около минус 15 градусов.

И вновь слово В.И. Жучихину:

«Начался отсчёт последних минут и секунд. Наконец – последние секунды: 9,8...3, 1,0. Там, где были заложены в скважины три термоядерных заряда, начали медленно подниматься ввысь чёрные струи огромных размеров, которые затем сомкнулись в широкий чёрный факел.

В экспериментах на Чагане и площадке №4 полигона наблюдалась одна и та же картина: сначала происходило вспучивание земной поверхности, затем прорыв этого слоя огромных размеров пылегазовым факелом, затем отделение газового облака от поднятого грунта и осаждение грунта на поверхность.

Здесь же традиционного вспучивания не было. Наблюдалась картина струйного выброса грунта. И когда всё, что было поднято силой взрыва, улеглось, а облако серого цвета с коричневыми разводами поднялось ввысь, отделившись от чёрной пыли, мы увидели гладь огромного озера.

Над местом взрыва проглянуло солнце и в его лучах мы увидели самолёты-истребители. Они по нескольку раз пронзали взрывное облако и скрылись за горизонтом...

Итоги работы были обсуждены на последнем заседании Государственной комиссии. Характерно, что дозиметрические обследования в следе радиоактивного облака показали хорошее совпадение с прогнозом. Мощность дозы излучения в следе в первые часы после взрыва не превышала сотни миллирентген в час. Через неделю она уже составляла десятки микрорентген в час, то есть в пределах ПДД».

Так как уровень Каспия продолжал снижаться, работы на канале было решено продолжать...

Все стояли на ушах

– Слухи пошли, что вы занимались и поворотом северных рек, и каналы решили копать с помощью ядерных взрывов, и заряд этот разработан теоретиком Аврориным и конструктором Литвиновым?

Литвинов: – Тогда Каспийское море мелело с катастрофической скоростью. Сейчас оно

Озеро Чаган

катастрофически быстро поднимается. Однако в то время наука не могла (да и сейчас тоже!) прогнозировать поведение Каспия – оказывается это очень «хитрый» водоём... Но тогда уровень Каспия падал, и существовала реальная опасность, что каскад водохранилищ и гидроэлектростанций выйдет из строя. А потому идея о переброске рек была сильной. Кстати, истоки её уходят в начало века, уже тогда задумывались над таким проектом. Но как прорыть небольшой перешеек между истоками Печоры и Камы? И тогда к нам обратились с предложением сделать это с помощью нескольких взрывов. Там есть участки каменистые, и было ясно, что здесь можно применять ядерные взрывы. Но есть участки очень заболоченные. Если будет взрыв, что произойдёт? Это было непонятно. Поэтому и были предусмотрены экспериментальные взрывы на местности. До самого проекта было ещё очень далеко, а нам важно понять и исследовать все последствия работы. После долгих споров выбрали этот заболоченный участок... Была неудача. Хотя уплотнение стен и прошло – они стоят до сих пор, но расчётного канала не получилось. В принципе: можно ли копать каналы с помощью ядерных взрывов? Да, можно. И даже экологически чисто, есть уже методы, как избавляться от радиоактивной грязи. Но встает экономическая целесообразность и подлинная необходимость в таких работах. Однако нам об этом судить трудно.

Аврорин: – Сам взрыв на канале был неудачным. Идея о переброске, мягко говоря, спорна. Были весьма серьёзные проекты по переброске рек, экологические последствия изучались. Правда, они просматривались в иных условиях, чем сейчас. В частности, тогда не было радиофобии, и всё рассматривалось с точки зрения тех критериев, которые существовали тогда. Сейчас ситуация резко изменилась, а потому подобные проекты несвоевременны. Вернётся ли к ним Россия, вернётся ли человечество к подобным проектам – я не знаю... Но может случиться и так, что Россия не сможет обеспечить себя продовольствием – всё-таки у нас климат не такой, как в Америке, и не исключено, что придётся осваивать засушливые тёплые области на юге. И тогда переброс воды с Севера вновь станет актуальным. Скажу одно: технически это сделать можно... Мы ушли далеко вперёд, и подобные работы можем проводить намного чище, то есть мы можем гарантировать, что серьёзная активность в природную среду не попадёт. Существовало всегда «проблема трития». Если от другой активности можно как-то избавиться, с помощью фильтров, например, то с тритием всё намного сложнее – водород, как известно, в составе воды... Но сейчас в основном благодаря работам нашего института создан заряд, при использовании которого остаточного трития очень немного. Это термоядерный заряд, у которого мало и осколков деления, и

остаточного трития... Этим зарядом я очень горжусь. Конечно, его можно совершенствовать, но и существующий достаточно чистый.

– А как вы поняли, что неудачен эксперимент по каналу?

– У нас были измерения мощности... И мы увидели «свиной» на поверхности земли.

– Что это такое?

– Неровная выемка. Гидротехники называли её «свиноем». Беспорядочный навал на краях, малая глубина выемки. Это внешний эффект. А по своим данным мы сразу же поняли, что мощность была значительно ниже, чем мы рассчитывали.

Литвинов: – Это было неожиданно, потому что заряд был испытан, проверен. «Все стояли на ушах», чтобы найти истинную причину ошибки. Вскоре Евгений Николаевич её нашёл...

Аврорин: – Я должен был её найти до взрыва, а не после!

Неожиданный финал

А тут ещё Каспий показал свой необузданный нрав. К великому удивлению специалистов Минводхоза уровень моря и Волги начал стремительно подниматься. Причём настолько быстро, что воду пришлось в аварийном режиме сбрасывать из переполненных водохранилищ, что вызвало затопление подвалов в городах, расположенных по берегам реки. Коллективная жалоба от жителей Волгограда дошла даже до Генерального секретаря.

Впрочем, на судьбе проекта переброски рек с севера на юг это пока никак не сказалось. 26 апреля 1974 года министр Е.П. Славский подписал приказ о проведении повторного эксперимента на трассе будущего канала. Три ядерных взрыва должны состояться в первом квартале 1976 года. Их проведение было поручено той же группе специалистов, которая работала пять лет назад.

Виктору Ивановичу Жучихину предстояло оценить, что изменилось здесь за минувшие годы. Он рассказывал:

«В августе 1975 года состоялась рекогносцировочная поездка. В разгар лета тайга выглядела куда привлекательней, чем весной. Первое, что нам не терпелось увидеть – это результаты нашего первого эксперимента. И нашему взору представилось красивейшее зрелище. В чаше огромных размеров блестела прозрачная вода, из травяных зарослей, буйно растущих по берегу, выпархивали утки, которых здесь оказалось очень много. С восточной сторо-

ны озера стояла стеной тайга, отражение в водной глади которой представляло чарующую картину. Островка, который мы видели в первый день после взрыва, не было. Водная гладь простиралась вдоль трассы на глаз километра на полтора, в ширину – метров 400-500. Водоём опоясывал земляной вал, возвышающийся над акваторией на два-три метра, местами на нём кучками группировались молоденькие берёзки и сосенки. О том, что здесь когда-то бушевал ядерный взрыв, ничто не напоминало. Мирная таёжная идиллия».

К рукотворному озеру примыкала большая поляна – площадка для будущего взрыва уже была подготовлена: лес был вырублен.

28 января 1976 года первый литерный поезд пришёл в Соликамск со всеми необходимыми материалами и оборудованием.

4 февраля колонна автомобилей начала свой путь на место эксперимента.

16 февраля пришёл эшелон со спецзарядами. Они были перегружены в МАЗы, которые сразу же направились по известному маршруту. Уже на следующий день колонна пришла к скважинам.

Начались проверки всех систем. Несколько раз в скважины опускались макеты. Вся аппаратура работала нормально. Государственная комиссия подтвердила полную готовность к испытаниям. Об этом было доложено в Москву.

Как и положено, оттуда ждали «добро» на заключительный этап работ.

«Москва» молчала.

День проходит, другой, третий – «добро» не получено...

Наконец, 26 февраля пришёл приказ: работы остановить до «особого указания».

Неделя проходит... «Москва» молчит...

Вторая неделя...

Третья...

«Указаний» всё нет.

20 марта, в субботу, приходит шифrogramма от министра. Славский приказывает: «Все работы прекратить, всем экспедициям возвратиться домой».

Через неделю на площадке, подготовленной к взрыву, уже не было ни техники, ни людей.

28 марта 1976 года специальный поезд увёл «изделия» в только ему известном направлении, а участники экспедиции отправились в Москву пассажирским «Соликамск-Москва».

Этот день принято считать последним в истории строительства Печоро-Колвинского канала.

Олег ХИМАНЫЧ, морской историк

«Качается вагон, стучат колёса глухо...»

О паровозе на проспекте, «дежурке» и «грибных» поездах Севера. Люблю железную дорогу! И эта глубокая симпатия у меня давняя. Отец родился в Журавке, чья станция ещё с 1871 года укоренилась на Юго-Восточной магистрали Москва – Воронеж – Ростов. По загруженности и частоте прохождения поездов она едва ли уступает знаменитому Транссибу. И по сию пору, то есть около полутора веков, тяжеловесные грузовые составы и стремительные пассажирские экспрессы круглые сутки сотрясают деревенские уделы, близкие к насыпям со стальными рельсами.

Как исполнилось мне четыре, так каждый год моё лето было там, в Журавке. Знойным летом деревня жила не только ароматами южнорусской равнины, но и запахом креозота – смеси дёгтя и каменного угля, которой тогда пропитывались ещё деревянные шпалы. И, как итог, годам к десяти приближение магистральных или маневровых гружёных или порожних паровозов мною легко распознавалось на слух, причём не только по перестуку колёс, но и по звуку ритмичных выдохов пара и дыма из паровозных труб. Тендер, главная и золотниковая тяга, ползун, кривошип, сцепное дышло, бегунок-тележка – всё это из моих наглядных уроков на железной дороге. И разумеется, знал я, что «ФД» – это «Феликс Дзержинский», самый мощный тягач товарных составов, а «ИС», сияющий зелёным корпусом и громящий огромными колёсами, – это «Иосиф Сталин», водитель курьерских поездов. А мой дядька Василий много лет водил снаряжённый на маневровые работы паровоз типа «СО» – «Серго Орджоникидзе»... И конечно, знал я эстрадный гимн советских железных дорог конца пятидесятых – песню «Поезда» в исполнении Гелены Великановой, весьма звонкой дамы, большинству сограждан более известной заезженными донельзя «Ландышами»...

Первые магистральные тепловозы, восьми-

осные угольные думпкары, изотермические вагоны-секции, бетонные шпалы и цельнолитые стометровые рельсы – всё это я впервые увидел на Юго-Восточной дороге. Как и первый в своей жизни именной фирменный экспресс – скорый поезд Москва – Ростов с названием «Тихий Дон». Вагоны его в синекрасной раскраске по тому времени выглядели едва ли не революционно. И долго затем ходила по всем станциям ЮВЖД легенда, что здравствовавший в ту пору Михаил Шолохов якобы лично вложил в постройку экспресса со своей Нобелевской премией...

«Теремки» Севера

А вот наша Северная железная дорога по тем давним моим критериям Юго-Восточной явно проигрывала: не тот грузовой масштаб, не те скорости, не то разнообразие локомотивного парка, а элитные «ИС» и «ФД» вообще исключались полностью! Если и было на что поглазеть с любопытством, то, пожалуй, на паровозы серии Л – «лебедашки» или «элки», массово шедшие на магистрали с Коломенского и Людиновского заводов. Главной же тягловой силой были довоенные и послевоенные серии: «Эр», «Эм», «Эу»... Главные станции Архангельской области на

Так выглядел вокзал станции Исакогорка Северной железной дороги до 1917 года

Здание вокзала типа «теремок» сегодня сохранилось лишь на узловой станции Обозерская Северной железной дороги

московском направлении: Коноша, Няндомы, Плесецкая, Обозерская, чаще именуемая Обозеркой. В окружении мрачноватых лесов и унылых болот, сплошь деревянные, они если и обращали на себя взоры пассажиров, то строениями вокзалов в стиле «а ля теремок» (поговаривали, якобы здесь реализовали свою творческую фантазию маститые зодчие братья Веснины и полярный художник Александр Борисов. – *Прим. О.Х.*). На небольших станциях тоже стояли типовые, но уже одноэтажные строения, и почти на всех из них пролегал короткий отрезок дощатого тротуара, который вёл от самых дверей дежурного помещения к такому же короткому и дощатому подобию перрона. На нём непременно маячил станционный смотритель с жёлтым флажком – встречал и провожал пассажирский поезд. Не было и столпотворения, как на больших вокзалах, лишь пара-другая пассажиров, спешащих к вагону на посадку или, напротив, только что сошедших с подножки, оташка дежурного, вскрик паровоза, и всё – поехали дальше. Вскоре мелькал знакомый знак «Граница станции», и поезд снова вторгался в пространство между стен высокой и тёмной тайги. И совсем не утомляло ехать всё дальше и дальше, и удивляло безлюдье архангельских пространств, большие расстояния перегонов и множество станций с языческими названиями, в которых частила буква Ш: Ивакша, Лепша, Шожма, Шалакуша, Шелекса, Вандыш...

За окном бесконечно бежали, лишь порой спотыкаясь, чёрные столбы телеграфных линий, проскакивали разъезды с одинокими светофорами, большие и малые мосты, дренажные рвы и колодцы, сиротливые столбики пустых переездов, редкие будки обходчиков. Даже если поезд тормозил между товарняка-

ми, и тогда было на что поглядеть, ведь на вагонах, цистернах, платформах обязательно значились их номер, масса и грузоподъёмность. И по белым трафаретным строчкам читал я наименования их железной дороги и станции приписки, сверял свои познания в географии и часто снова удивлялся – из какого далёка катился вагон.

Пока за окнами поезда окончательно не загустевала тьма, прилипал я к стеклу – всё было интересно и познавательно. Даже ночью, проснувшись при слабом свете потолочных ламп, под плавное покачивание вагона слушал я короткие, но громкие гулы и перестуки встречных поездов, а когда замедлялся наш ход и колёса на стыках разом сбивались с привычного шага, понимал – вот-вот большая станция. И не ошибался – уже вскоре за окном тускло отсвечивали бессчётные ряды рельсов, воспалённо мигали синие, красные, жёлтые огоньки стрелок, звенели звонки шлагбаумов, покрикивал диспетчерский репродуктор на маневровых путях и с громким лязгом и скрипами дёргались вагоны...

С клеймом USA. Chicago

В близком соседстве с Северодвинском много лет полнокровно процветала узловая Исакогорка. Почти всегда в облачках паровозных дымов, она, казалось, вся пропиталась запахом всё того же креозота, который источали шпалы, а также ароматами тайги, исходившими от платформ и вагонов, гружённых лесом. Последнее, впрочем, здорово роднило станцию с причалами архангельских заводов и бирж, где каждый день швартовались пароходы. Между прочим, свой узловой

статус станция приобрела с началом строительства Молотовска, когда к посёлку судостроителей потянули стальную ветку.

Что помнится? Строение деревянного вокзала с окнами, заметно осевшими к земле, каменный куб пункта раздачи кипятка, водонапорная башня, а за нею в двух или трёх тупиках скопление путейской техники: дрезины, кран, снегоочистители, платформы с тягачами, рельсоукладчик, там же и красные вагоны с цистернами пожарного поезда...

Много скромнее выглядел наш, по железнодорожному счёту, скромный Северодвинск с типовым одноэтажным, как мне казалось, понурым вокзалом, тремя линиями путей, втиснутыми в пространство между забором Севдормаша и бесчисленными складами-деревяшками. Лет до пятнадцати не ведал я, что есть у города ещё и товарная станция, а также и то, что именно железная дорога изначально связывала Северодвинск с остальной страной. В годы первостроительства посёлок Судострой поддерживал речное сообщение по устьевым протокам (корыткам) Никольского рукава, но уже вскоре грузооборотное первенство перешло к стальной ветке на Исакогорку. И так до конца семидесятых, когда сначала шоссе на Архангельск, а затем и федеральная трасса на Вологду принялись отбирать грузы и пассажиров у железнодорожников.

К моему огорчению, профессиональной летописи о стальной трассе Обозерская – Исакогорка – Молотовск нет по сию пору. Мои коллеги-историки тему не оценили, хотя в ней немало любопытного... Оказывается, пришествие железной дороги из Вологды губернский Архангельск отмечал пьяной гульбой и фейерверками несколько дней кряду... На открытие вокзала в Исакогорке, прихватив дочерей, приезжал сам легендарный меценат Савва Мамонтов... В войну

английские танки, выгруженные из трюмов на Бакарице, отогревали своим паром исакогорские локомотивы... И кстати, сам я в 90-х на съёмках фильма вблизи Лайской случайно наткнулся на штабель старых демонтированных рельсов с литым клеймом USA. Chicago, – возможно, привезённых в наши края по ленд-лизу... По всей России пригородные поезда обычно именуют электричкой, а в Северодвинске издавна – дежуркой. Почему? Да потому, что, когда тянули ветку на Исакогорку, землекопov и строителей вёз на разъезды и станции так называемый дежурный поезд...

Паровоз на проспекте

Сегодня в городе мало кто знает, что в своё время стальные пути проходили и по самой территории Северодвинска. В начале пятидесятых многие могли лицезреть пыхтящий паровоз-«овечку» на... проспекте Ленина. На будущей площади Победы тогда располагалось одно из управлений стройки, а также работал небольшой растворный заводик. Сюда же на двусных платформах подвозили материалы.

Вообще, старожилы рассказывали мне, что раньше, когда Арктической улицы (будущий проспект Ленина. – *Прим. О.Х.*) ещё не существовало, рельсы строителей резали город сразу в нескольких микрорайонах. Я же помню, как в шестидесятых, уже после возведения здания универсама «Радуга», оставался короткий, но действующий обрубок железной дороги на стыке улиц Первомайской и Седова, где сейчас людской поток течёт под «аркой» трассы магистрального водовода. Иногда здесь, в случайно образовавшемся тупичке, карлик-мотовоз толкал пару-тройку вагонов, и хулиганистая пацанва из ближай-

Северодвинск 1952 года. Железная дорога проходила прямо по будущему проспекту Ленина

Паровозы типа «О» или как их называли – «овечки» шустро водили скромные пассажирские составы

Старое здание железнодорожного вокзала в Северодвинске, начало 60-х

Вошедшие в историю Северодвинска «грибные дежурки» народ брал штурмом

ших дворов ловила момент, чтобы покататься на тормозных площадках или на подножках.

Железная дорога на Ягры появилась со строительством здесь завода №893 (ЦС «Звёздочка») и нового моста через Никольскую протоку.

– Мост запомнился тем, как его строили, – рассказывал мой знакомый Виктор Иванович Малыгин. – 1951 или даже 1952 год. Грандиознее всего выглядело сооружение дамб. Камень на них возили круглые сутки. Потом, когда грунт утрамбовывали, облицовывали его другим камнем и бетонными плитами.

– Многие вспоминают дежурку на остров Ягры...

– Действительно, по новому мосту через Никольский рукав ходила заводская дежурка, – продолжил Виктор Иванович, – два-три пассажирских вагона, паровоз с «укороченным» топливным тендером. Жилья на Яграх в самые первые годы не строили, а рабочие проживали в основном в городе. Утром на «Звёздочку» они добирались не только на заводских автобусах, но и на поезде. Он отправлялся от площадки между ТЭЦ-1 и КСКМ, примерно там, где сегодня поворот с Архангельского шоссе на Ягры и бывший пост ГАИ. Народ поутру соберётся, паровоз или свистнет, или гуднёт, ну и трогается на Ягры. Минут пятнадцать-двадцать ехали. Мне отец рассказывал – некоторые даже успевали «козла забить». А если кто опоздал, так лови машину-попутку, а то и бегом, по шпалам...

В лес за лесом и по грибы...

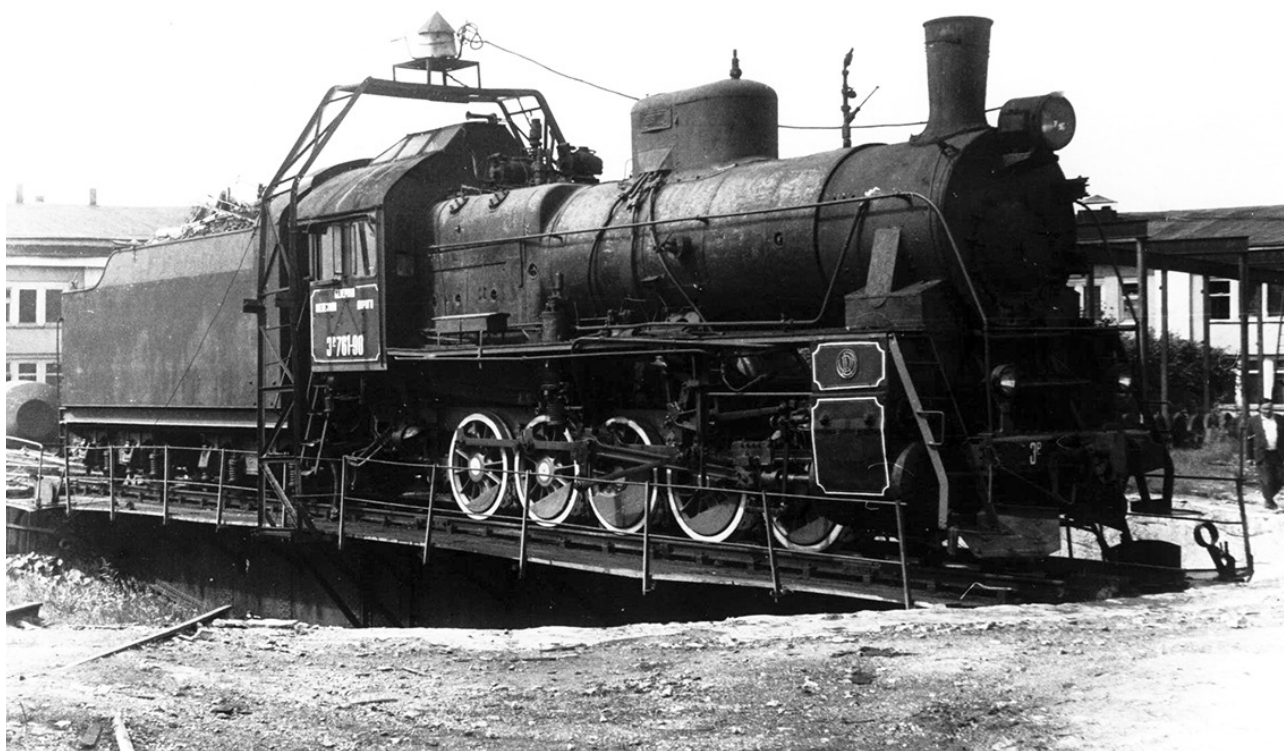
Между тем широкой колеёй железнодорожный Северодвинск не ограничивался. От

города в тайгу много лет вела и, к слову, по сей день остаётся в пригодном для эксплуатации состоянии узкоколейка на Белое озеро, в посёлок лесозаготовителей. Я застал её, когда на ней шустро шли паровозы, умилавшие не только своей миниатюрностью, но и тем, что работали на дровах, – из них в тендере складывали поленницу. Второе: дров в лесу хватало и порой вместо прогнивших «штатных» шпал путейцы ничтоже сумняшеся укладывали брёвна из деревьев, спилённых чуть ли не на обочине узкоколейки. А случалось, с удивлением наблюдал я сцены, когда сошедшие с рельсов вагончики сами пассажиры привычно ставили на место с помощью шестов, ваг и прочих рычагов, заготовленных в непосредственной близости от места аварии.

Узкоколейки, которыми в России не так уж и давно располагал едва ли не всякий леспромхоз, нынче редкость. И так, если верить ЮНЕСКО, не только в России – по всему миру. Не удивительно, что время от времени витают идеи привести их в примерное благообразие и сохранять как музейно-туристические комплексы. Хорошо, если одним из них станет наша узкоколейка от Водогона на Белое озеро.

Но снова о широкой колее. Пик движения на станции Северодвинск относится к шестидесятым – семидесятым. Тут и ежедневный поезд на Москву, и прицепные вагоны до Ленинграда, в Архангельск трижды в сутки ходила дежурка, причём составом из 8-10 вагонов, для туристов и отдыхающих вводились так называемые «поезда здоровья» до станции Лайская – вспомним из них хотя бы «Снежинку»...

Но больше всего помнятся «грибные» пое-

Паровоз типа «Эр» путейцы станции Исакогорка сохраняли в рабочем состоянии даже в 90-е годы

зда. Мне они напоминали сцены из фильмов о Гражданской войне: народ с корзинами и кузовами плотно набивался не только внутрь вагонов, но и повисал на подножках, тормозных площадках и даже деловито рассаживался на крышах. Согнать людей оттуда не удавалось ни работникам станции, ни нарядам милиции. Так, с риском для жизни, вдыхая лесную свежесть и паровозный дым, ехала общественность Северодвинска на сбор вождельных грузей и подберёзовиков.

Северодвинск сегодня располагает и своей внутренней сетью железных дорог. В первую очередь речь о транспортных (железнодорожных) цехах двух наших главных верфей. Была в своё время и транспортная контора в коллективе северодвинской стройки. Она поставляла на объекты щебень, песок и прочие материалы. Кстати, немногие сегодня знают о достаточно крупной товарной станции нашего города и станции Бетонная, также расположенной в пределах Северодвинска, уточним – в тылах КСКМ. Проложены стальные ветки и к складам ТЭЦ, и на нефтебазу, к другим предприятиям.

Однако на городском вокзале и перроне Северодвинска уже нет прежних оживлений. Да и не может быть при столь скромном расписании

поездов. Правда, понятие «дежурка» сохранилось благодаря трём-четырёх вагонам, бегающим на Нёноксу. А в сторону Исакогорки их прежний маршрут нынче обрезан до станции Лайская...

Знакомая мне по детству Журавка на ЮВЖД недавно стала станцией стратегического значения: от неё теперь устремляется на юг новая скоростная ветка, которая огибает украинский «аппендикс», ранее вторгавшийся в уделы Воронежской области. Моя последняя встреча с паровозами детства состоялась в июне 2000-го. В ближайшем пригороде Нижнего Новгорода волжские путейцы обустроили музей локомотивов. Со мной туда отправился и сын, как раз в том возрасте, в каком я влюбился в железную дорогу. Быть может, не случайно судьба в тот день улыбнулась так, чтобы мне оглянуться в своё детство и посмотреть на себя со стороны.

г. СЕВЕРОВИНСК,
Архангельская обл.

Все фото из архива Олега Химаныча

Юрий КАНЕВ

Великий северянин

Старое кладбище

*Неутомимо плыть ручьями строк,
В приливы глав вступать нетерпеливо
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива!*
Н. Гумилёв

Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры – старейшее в Санкт-Петербурге. Коленопреклонённые ангелы, вазы, надгробия, черепа – полированный гранит, почерневший от времени мрамор, позеленевшая бронза, потускневшая позолота. В этой земле лежат князья и графы, генералы и камергеры, архитекторы и академики. Известный историк искусства Н.Н. Врангель писал в начале XX в: «Как будто здесь собрались после смерти все те, кто когда-то составляли тесный кружок придворного общества. На маленьком пространстве Лазаревского кладбища погребена целая эпоха, целый мир отживших идей, почти всё придворное общество Елизаветы, Екатерины и Павла». На могиле купца Семёна Дмитриева плывёт каменный кораблик-ковчег, а кавалергардский ротмистр Алексей Охотников (по старинной легенде любовник императрицы Елизаветы Алексеевны) покоится под сломленным дубом. Под массивным надгробием из белого каррарского мрамора

почивает вечным сном великий помор – академик Михайло Ломоносов.

Рядом крест мраморный, тёмно-серый, почти чёрный, установленный на небольшой голгофе из гранита. На полированной поверхности крупно: «Да будет воля Твоя!». Ниже и мельче: «Статский советник и кавалеръ Михаилъ Константиновичъ Сидоровъ». На уровне тактильности ощущаешь чёткие грани букв, глубоко врезанных в холодную каменную твердь. Ниже и мельче – «16 марта 1823 - 12 июля 1887». Дата рождения и смерти, а между ними коротенькое тире – вся жизнь. Креста этого давным-давно нет, да и могила эта не сохранилась.

Кто он такой – этот Сидоров? Почему его надгробие оказалось рядом с могилами знаменитых и сановитых, знатных и прославленных? В большинстве справочников про Сидорова обычно сообщают: «золотопромышленник, благотворитель», чуть реже добавляют «общественный деятель», ещё реже «исследователь Севера», иногда – «писатель, учёный, геолог, географ, зоолог». Но на первом месте всё-таки стоит «золотопромышленник». Хотя есть одно забавное исключение. В знаменитом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона статью о Сидорове почему-то поручили написать известному русскому биологу Владимиру Шимкевичу, который упомянул лишь

Град Архангельск. Вторая пол. XIX века

Древнее Лазаревское кладбище - черепа, кресты, почерневший от времени мрамор. Июнь 2016. Фото автора.

Могила Ломоносова. 1913

одну ипостась: «Зоолог-практик... Напечатал сочинения, имеющие отношение к прикладной зоологии и географии в России. Главнейшие из них: в «Трудах Вольноэкономч. общ.» – «О китовом промысле и звериных промыслах в Северном океане и на Новой Земле»; в «Трудах Технич. общ.» – «О ловле трески и сельдей в Норвегии», «О ловле тюленей», «О морских котиках», «О вредных последствиях от боя китов на рыбную ловлю в северных водах».

Кто-то верно назвал Сидорова «Ломоносов в практике» – невозможно не заметить сходство их судеб, определённую синхронность их жизненного пути. Оба поморы, коренные северяне, оба физически и нравственно сильные личности, обоим всю жизнь приходилось доказывать, что они – лучшие. Оба верили в Россию и русский народ, и с большим подозрением относились к иностранцам, на словах радеющим об интересах нашего Отечества. Обоим пришлось рано покинуть семью – Ломоносов в 19 лет отправился в Москву, Сидоров 22-х лет бежал в Сибирь. Михаил Васильевич прошёл университеты в Германии, а Михаил Константинович – на Енисее, с тазом для промывки золотоносной породы. К 33 годам оба достигли многого – Ломоносов стал профессором, Сидоров – миллионером. Один основал Московский университет, второй содействовал открытию первого сибирского университета. До конца жизни оба вели просветительскую деятельность, боролись

за освоение Севера и Сибири. И чина по Табели о рангах достигли одинакового – V класса, или статского советника. И ещё более символично – оказались похороненными рядом.

Самоучка и самородок Сидоров всю жизнь немного стыдился, что весь его образовательный ценз – четыре класса гимназии. В этом отношении ему далеко до Ломоносова, который сам наш первый университет. Незадолго до смерти в небольшой автобиографии Михаил Константинович сообщал известному историку Семевскому: «М.г. Михаил Иванович, вы очень польстили меня особенным вашим вниманием, желая поместить меня в числе учёных и писателей и проч., между тем, я, как мало учёный, причислять себя к таким лицам не могу и права не имею». Пишет эти строки человек, подготовивший несколько серьёзных исследований, десятки интересных статей, докладов и брошюр.

Толща времени, как лупа, имеет двояковыпуклый характер – мелкие фигуры превращает в микроскопические, крупные – в ещё более значительные. Сидоровский масштаб громаден – от Лапландии до Якутии. При жизни Михаила Константиновича именовали красиво – ревнитель Севера, апостол Севера, защитник интересов Севера. Весь свой капитал, всё своё здоровье, весь свой талант он вложил без остатка в наши северные территории. Российское купечество разительно отличалось от своих западных собратьев. Рокфеллеры и Ротшильды, Морганы и Круппы сколачивали капиталы центик к центику, пфенниг к пфеннигу, строили синдикаты, тресты и корпорации, любовно растили торгово-промышленные империи из поколения в поколение. Русские купцы исходили из того – Бог дал богатство, поэтому тратить их нужно с толком, на благо народное: Третьяков собирал картинную галерею, Бахрушин создавал музей, а Сидоров – созидал Север. К сожалению, его сил и золота хватило не на многое, но даже то, что он сделал – поражает.

«Желая рассказать историю чьей-нибудь жизни, мы описываем её события. Мы думаем, что это и есть жизнь. Но это только оболочка. Жизнь – это то, что происходит внутри нас», – написал эти мудрые слова кто-то из великих. Автор не собирается выворачивать наизнанку жизнь своего героя, но показать его жизнь изнутри попробует. Читатель увидит картины давно ушедших эпох Николая I, Александра II, Александра III, прикоснётся к шершавой ткани Истории, увидит портреты забытых и полузабытых деятелей тех далёких времён. Это очень важно – почувствовать Время, его вкус, ощутить его нерв, нащупать пульс, услышать гул голосов давно ушедших людей.

Когда-то над дверями своей знаменитой избы на реке Ухта Михаил Константинович написал

Сидоров Михаил Константинович. Из фондов ККМ.

Архангельск. 1872 год.

горькую строку – «И имя наше забвенно будет, и никто не вспомнит дел наших!». Вспомним, первогильдеец Сидоров. Расскажем о Вас и делах Ваших.

Под крылом Архангела

В России всё молчит, ибо благоденствует.
Император Николай I

*В России жить трудно всем:
император здесь привычен к усталости
не меньше последнего из крепостных.*
Маркиз де Кюстин. 1839

«Англичане говорят, что со стороны реки Архангельск довольно похож на Ливерпуль», – писал М.Ф. Истомин в 1840-е годы. На соломбальской верфи поднимались крутые борта многопушечных линкоров и фрегатов, и беломорский ветер-бродяга рвал на стенах синие андреевские кресты. Город, открытый всем ветрам, ворота на Север, в Арктику. От его берегов уходили на норд-ост, за обледенелый горизонт, к легендарной Новой Земле, экспедиции под командой молодых отважных офицеров в серебряных штурманских эполетах – Иванова, Пахтусова, Цивольки, Моисеева, Рагозина. Лейтенант Павел Нахимов писал в 1826 году, находясь на строительстве линкора «Азов»: «По мне, Архангельск – славный

город. Без сутолоки, без шибящих в нос пряных запахов и томительной пестроты южных портов, он словно мерцает спокойной мудростью мореходства. На Двине, огромной, работающей, проникаешься старинной радостью, с какой люди располагались у рек. И потом – эта близость великих лесов, как близость великой тайны, не пугающей, нет, приманчивой, зовущей, суровой, но и благодатной». Интересный всё-таки был человек – Павел Степанович Нахимов.

Купеческий род Сидоровых появился в Архангельске во второй половине XVIII века. Они являлись выходцами из купцов городка Лальск Вологодской губернии. Этот городок был основан в XVI веке новгородцами, бежавшими сюда от преследований царя Ивана Грозного. Наверно, от них унаследовал наш герой горячую кровь и буйный нрав, бродяжий и свободолюбивый дух, желание к переменам мест. Родоначальник архангельских Сидоровых Мефодий (ум. 1800?), лальский мещанин, имел сыновей Александра и Ксенофонта и дочь Марию, вышедшую замуж за архангельского купца 3-й гильдии Никифора Баженина – «последнего Баженина». Факт интересный – знаменитый богач Баженин, потомок славных корабелов и купцов, сподвижников Петра Великого позарился на скромную мещаночку Сидорову.

Александр Мефодьевич (1775 – 1837?) вписался с сыновьями в купцы 3-й гильдии только в 1815 году. Человек был уважаемый в городе: имел дом, купленный у купца Якова Никонова, в 1817 году объявил за собой капитал 8040 рублей, служил торговым маклером при морском порте. В течение трёх лет (1814-1817) занимал должность ратмана (выборного судьи) Архангельского городского магистрата. В 1825 году по предложению губернатора вошёл в состав комиссии из пяти наиболее влиятельных купцов, созданной для благоустройства города. Он пользовался

большим почтением в Архангельске. Осип Богуслав позднее писал: «Я любил и уважал его за прямодушие и природный ум, помогавший лавировать ему между Сциллой и Харибдой, то есть: между старым течением русских коммерческих интересов с интересами архангельских немцев». Состоял он в браке с 44-летней Матрёной Калиновной Пругавиной, вдовой архангельского купца и дочерью купца Калины Шубного. Нажили они троих детей – сыновей Константина (21 года) и Ксанфия (20 лет) да дочь Евпраксию. Родственные узы связывали Сидоровых со старинными купеческими фамилиями Бажениных, Митрополовых и Шубных.

Мальчик родился в пятницу 16 (28) марта 1823 года в этом удивительном городе на берегу Северной Двины – под сенью крыльев Архангела Михаила, поэтому и нарекли его этим сильным именем руководителя всего небесного воинства. Памятен был горожанам великий помор и первый русский академик Михайло Ломоносов. Михаил Константинович Сидоров появился на свет светлым весенним днём и был первенцем. Его родная улица – Полицейская (ныне улица Свободы). Воскресенская церковь – храм купеческий, старинный, выстроенный у самых стен древнего Гостиного двора. Его прихожанами был весь обширный сидоровский клан. Батюшка Андрей, приходской священник Воскресенской церкви записал: «16 марта 1823 г. у купецкого сына Константина Сидорова родился сын Михаил». Крещён младенец 19 (31) марта 1823 г. священником Андреем Митрофановым, диаконом Иоанном Денежниковым и дьячком Романом Михайловым. Восприемниками (крестными) являлись дед Александр Сидоров и вдова вологодского купца Митрополова Параскева – бабка по матери. Знать, большая была радость в семье – наследник, парень, мужик родился!

О родителях его известно немного. Отец, Константин Александрович Сидоров родился в 1796 году, и являлся купцом сначала третьей, а затем второй гильдии. Именно в 1823 году он объявил капитал в 20 000 рублей и числился уже купцом 2-й гильдии. Мать, Елена Николаевна Митрополова родилась в 1800 году в Вологде. Род первогильдейских северных купцов Митрополовых широко известен, они владели лесопилками, солеварнями, полотняными фабриками, торговали хлебом, строили корабли. В 1802 году братья Николай и Стефан Митрополовы замыкали десятку самых богатых архангельских негоциантов, ворочая сотнями тысяч рублей. Стефан Иванович Митрополов неоднократно исполнял обязанности городского головы Вологды. Николай Иванович Митрополов (1756-1803), дед нашего героя, постоянно жил в Архангельске, занимаясь поставками леса для Соломбальской верфи и на экс-

порт. Когда Елене Николаевне было 27 лет, муж скончался. Как указано в документе: «1 октября 1827 г. купец Константин Сидоров умер параличом». Что за болезнь унесла 31-летнего мужчину – Бог весть – возможно, употребил горячительного без меры? После его смерти молодая вдова добровольно отреклась от всех мирских радостей. Она подавала нуждающимся щедрую милостыню, принимала в доме странников, за которыми старательно ухаживала. Часто совершала паломничества по святым местам России. Таким образом, Елена Николаевна побывала во множестве обителей – от Киево-Печерской Лавры до Соловков. Горячим желанием её было покинуть мир навсегда, уйдя в какой-либо женский монастырь. Но на её руках оставались дети – сын Михаил и дочь Варвара. Как мать, она считала себя ответственной за их будущее. Поэтому, как бы ни хотелось ей порвать с мирской жизнью немедленно, долгие годы, пока подрастали её дети, Елене Николаевне приходилось превозмогать своё желание стать монахиней. Отца Михаилу заменил дед Александр.

Как отмечал его первый биограф А.А. Жилинский, Миша был живой, любознательный ребёнок, готовый слушать сказки и рассказы об отважных русских мореплавателях, ходивших на Грумант-Шпицберген, Матку-Новую Землю, Колгуев и Вайгач. Матушка вспоминала, что «Мишенька был очень резвый шалун». Вполне вероятно, говорили в семье и о Печоре – великой северной реке. Дело в том, что ещё в 1804 году брат его деда купец 1-й гильдии Стефан Митрополов подавал в правительство записку об освоении богатств Печоры. Название заветной этой реки крепко запало в память.

Детство его проходило в торговом, купеческом, многоязычном городе: могучий силуэт Троицкого собора с зелёными куполами, осыпанными золотыми звёздами, Гостиный двор, словно срисованный со страниц русской сказки, массивное здание губернского присутствия, стройная кирха святой Екатерины, Александровский сад, окольцованный кованой решёткой с декоративными башенками и знаменитым прудом, в котором летом плавали грациозные чёрные лебеди. Набережная с зарослями шиповника, отчего в пору цветения она благоухала алыми розами. Яркое, живописное описание старого Архангельска оставил талантливый писатель Борис Шергин: «Улицы в Архангельском городе широки, долги и прямые. На берегу и у торгового звена много каменного строения, а по улицам по концам город весь бревенчатый. У нас не любят жить в камне. В основном доме воздух лёгкий и вольный. Строят в два этажа, с вышками, в три, в пять, в семь, в девять окон по фасаду. Дома ещё недавно пёстро расписывали красками – зеленью, ультрамарином, белилами.

Многие улицы вымощены брёвнами, а возле домов обегают по всему городу из конца в конец тесовые широкие мостки для пешей ходьбы». В губернском центре в 1832 году появился первый памятник, из бронзы, работы великого Мартоса – знаменитому земляку Ломоносову.

С раннего детства Михайло запомнил двинскую ширь, пропахшую рыбой, кожами, лесом и смолой, забитую поморскими, голландскими, норвежскими и британскими судами. Лес мачт заполнял горизонт. Они приходили откуда-то издалека, через распахнутые ворота в Ледовитый океан, везли колониальные товары, сахар, вина, ткани, краски. В черте города имелось четырнадцать пристаней и буянов – Маляхинская, Оперная, Соборная, Рыбная, Поморская, Смольный, Пеньковый, Лыняной, Хлебный и другие. Разноязыкий гвалт наполнял набережную, из кабачков и трактиров выходили широкоплечие поморы, меднорожие голландские матросы, крепкие, просоленные ветрами всех меридианов и широт загорелые британские шкиперы.

В сентябре каждый год кипела Воздвиженская ярмарка. Вся Двина была забита лодьями, раншинами, каюками, барками и полубарками, шняками и карбасами. Все они везли рыбу разных сортов и видов: треска, палтусина, семга, сельдь, сига. «Лодья-то эта первосолку, рыбу-тресочку с Мурмана привозила. Едал ли, твоя милость, свежую-то?...Больно ведь хороша она, свежая-то: сахарна, братец ты мой, словом сказать!...», – рассказывали местные гурманы-трескоеды. На прилавках грудился всякий нужный товар: шерстяные чулки, перчатки, кожаные бахилы, красные праздничные рубахи, овчинные полушубки, деревянная посуда. А какого только люду не толкалось тогда в Архангельске. Рослые богатыри-поморы в красных бахилах из нерпичьей кожи, маленькие, как гномы, ушастые лопари, мезенцы-сажееды, шенкурские ваганы кособрюхие с деревянными ложками, заткнутыми за ленточки поярковых шляп, матигоры-чернотропы, куростровцы-гончары. Всякий высматривал себе нужный товар, приценивался, торговался.

Двенадцати лет Миша отправился в первый класс Архангельской мужской гимназии. Вероятно, до этого года два его готовили к поступлению дома: чтение, письмо, арифметика, закон Божий. Обычно этим занимались священнослужители. Учились в гимназии дети из обеспеченных семей, ведь за обучение вносилась солидная плата. Перед поступлением требовалось сдать экзамены по чтению, арифметике, чистописанию и знанию главных молитв. Великий князь Константин Николаевич посетил это учебное заведение 31 мая 1844 года и точно подметил в письме венценосному отцу: «Но гимназия не так хороша, очень бедна средствами, а хочет встать на высокую ногу. Самые мальчики

едва не оборванные, и это заведение совсем не оставляет такого хорошего впечатления....» . Учились тогда почти целый день, по тридцать часов в неделю – с восьми до двенадцати, и с четырнадцати до шестнадцати. Лишь в среду и в субботу занятия проводились по сокращённому графику – с восьми до одиннадцати. Учили гимназистов много: русская словесность и закон Божий, математика и экономика, философия и история, география и рисование, а языков изучали целых три – латынь, французский и немецкий. Строго преследовалось «употребление драгоценного времени на шалости». За серьёзные проступки, нарушение дисциплины, неуспеваемость практиковались телесные наказания – 5-10 ударов розог по филейным частям. Учились тогда семь лет: поступали в 11-12 лет и завершали образование в 18-19 лет!

Первые три учебных года гимназист Михаил Сидоров радовал родственников. 2 января 1836 года Совет гимназии в числе других учеников «за отличное прилежание, благонравие и общие успехи по всем предметам изъявил особенную благодарность» ученику 1-го класса Сидорову. В апреле 1836 года его имя в числе немногих лучших учеников выставлено в рамочке и установлено на стене класса. По итогам учебного года Михаила за отличные успехи наградили «Естественной историей» и «Детским журналом». Следующие два учебных года (2-й и 3-й классы) Сидоров являлся гордостью гимназии, его имя неизменно находилось «в рамочке» на красной доске. В сентябре 1837 года он снова отмечен гимназическим начальством и награждён за успехи книгой. Тогда же для поощрения лучших учеников завели Золотую книгу – переплетённую в зелёный сафьян, с золотым обрезом. Одновременно открыли и Чёрную книгу для нарушителей дисциплины. Всем казалось, что имя Мишеньки Сидорова несомненно должно оказаться на странице с золотым обрезом – в июне 1838 года ему единственному в классе выдали похвальный лист. Но в следующем учебном году мальчика как будто подменили – из отличника и гордости класса он превратился в отчаянного двоечника и бездельника. Сказывался, вероятно, возраст – в 16 лет юноша не желал подчиняться дисциплине и требованиям преподавателей. В феврале 1839 года педагогический совет постановил: «Внушить ученикам 4-го класса Белю, Тарасову и Сидорову, чтобы они без всякого замедления усилили своё прилежание по всем предметам». В конце учебного года имя Сидорова занесли в числе нескольких лентяев на чёрную доску, «дабы они устыдились своего нерадения». Но в 5-й класс Михаила всё-таки перевели.

Из 5-го класса гимназии его выгнали за рукоприкладство. Он сам вспоминал об этом так:

«...Оставил гимназию в 1842 году более потому, что учитель французского языка Оттон Казимирович Гутковский называл учеников из податного состояния – русской тварью». Дело дошло до губернатора, и Оттон Гутковский был уволен с 18 марта 1841 года «по распоряжению начальства». Можно предположить, что этот учитель лишился места из-за конфликта именно с 17-летним Михаилом, публично давшим ему пощёчину. Правда, и строптивый пятиклассник Сидоров вылетел с треском, имея «волчий билет» в зубах. Более ему учиться нигде и никогда не пришлось. Так впервые он проявил свой сильный и неукротимый характер, обострённое чувство собственного достоинства.

«Я не моряк, но полюбил море ещё в 1841 году. В лето того года я отправился из Архангельска в Соловецкий монастырь на судне. Буря унесла нас к берегам Новой Земли. И мы вместо суток плавали около месяца. На судне познакомился я с матросом, который своими рассказами о пребывании его на Новой Земле под командою штурманского офицера С.А. Моисеева, о двух зимовках там в 1837 и 1838 годах до того очаровал меня, что я с того времени полюбил море и хотел сделаться полезным в открытии пути морем в Сибирь и обратно», – вспоминал он о паломничестве на Соловки. Именно там произошёл удивительный случай. Будучи на богомолье в Соловецкой обители, Елена Сидорова пришла «для благословения и назидания» к жившему там прозорливому старцу Науму. Явившись к монаху, благочестивая купчиха поклонилась ему до земли. «Богу должно кланяться, а не карельцу», – сказал ей отец Наум, который по национальности являлся карелом. Затем, к великому изумлению Елены Николаевны, он вручил ей несколько колосьев, сказав при этом: «Возьми и побереги пока, а после, когда нужно будет, сей, и от плода их корми своих дочерей». Удивлённая словами старца Наума, вышла Елена Николаевна из его кельи, унося с собой его странное благословение. Она не могла уразуметь, о каких «дочерях» он сказал ей. Ведь дочь у неё была только одна. А выходить замуж вторично она не собиралась. Предсказание старца сбылось через два десятка лет.

Туго в те годы пришлось Михаилу Сидорову. Сначала он помогал деду, биржевому маклеру, но и тот вскоре разорился и умер. Ещё в 1837 году банкротом стал и дядя Ксанфий, прогоревший на лесных операциях. Началась служба в конторах, принадлежащих иностранцам, иногда даже без жалования. Пора было определяться с жизненными путями. В мае 1843 года купеческий сын Сидоров держал экзамен на звание учителя русского языка по открывшейся вакансии в Кемском уездном училище, но преимущество было отдано надзирателю гимназии

Плотникову, а Сидорова решено «иметь в виду кандидатом на звание надзирателя за вольно-приходящими учениками». В мае 1844 года Михаил обратился в Санкт-Петербургский учебный округ с просьбой об определении его вторым надзирателем при Архангельской гимназии, но снова получил отказ. На помощь пришёл директор училищ Архангельской губернии Илья Никольский, убедивший Михаила сдать экзамены на звание домашнего учителя. 1 февраля 1845 г. мещанин Михаил Сидоров обратился к нему с официальным прошением о сдаче экзамена на звание домашнего учителя. 5 марта 1845 года Сидоров явился в гимназию на сдачу экзамена. Его ожидали директор статский советник Илья Алексеевич Никольский, инспектор гимназии надворный советник Попов и ещё семь преподавателей, многие из которых учили Михаила до его изгнания из стен учебного заведения – все в тёмно-синих вицмундирах министерства народного просвещения с золочёными пуговицами. «При этом испытании упомянутый Сидоров отвечал на все вопросы, как по русскому языку, так и по всеобщей и отечественной истории, по всеобщей российской географии и арифметике настолько ясно и удовлетворительно, но и показал в оных предметах очень хорошие успехи. Сверх того был испытан по Хронологии, в которой тоже показал очень хорошие успехи» – отмечалось в журнале педагогических советов.

30 мая 1845 года он получил соответствующий диплом № 1573, подписанный ректором Санкт-Петербургского императорского университета. С этого дня Сидоров был исключён из податного сословия и теперь числился по Министерству народного просвещения. После этого можно было начинать чиновничью карьеру, карабкаться по табельной лестнице и, может быть, к пятидесяти годам выслужить чин какого-нибудь надворного советника, и, как тогда говорили – орден в петлицу да гемморой в поясницу. Но вместо этого 11 июня 1845 года молодой педагог приступил к обучению своего племянника – 12-летнего Ивана – сына архангельского купца Дионисия Митрополова. Но уже через полтора месяца, 26 июля, Сидоров направил рапорт Никольскому с просьбой о дозволении отпустить его в Красноярск, где он намеревался обучать детей в частных домах. К этому времени он получил письмо купца 2-й гильдии Михаила Латкина, отправленное 30 июня 1845 года, в котором тот приглашал дальнего родственника в Красноярск для обучения сына Ивана (восьми лет) и дочери Веры (семи лет). Михаил Николаевич коротко сообщал: «Заслуги Ваши будут вполне

оценены, и вы приобретёте здесь более, нежели в Архангельске». Наверно, его утормил родной город с его тишиной и патриархальными нравами. Не зря через полвека известный журналист Василий Немирович-Данченко написал про град на Северной Двине: «Вся эта площадь, весь этот город показались мне душной комнатой, пропахшей постным маслом и клопами, затхлыми покоем с аппетитно взбитой периной, мягкими подушками, кучами назойливых мух, графином квасу на столе...». Паруса судьбы надувал свежий ветер – пора было покидать родное гнездо.

Кроме того, имелась ещё одна веская причина – конфликт с самим военным губернатором. Купеческое начало, унаследованное от нескольких поколений предков, победило. На протяжении жизненного пути Михаилу Сидорову пришлось встречать множество чиновников – министров, генерал-адъютантов, губернаторов, вице-губернаторов, полицмейстеров и приставов. Россия эпохи Николая I и его сына Александра II – время военных людей. Человек, не служивший и не понюхавший пороху, имел мало шансов пробиться «на верха», получить генеральский чин. Сначала следовало потянуть кадетскую, затем юнкерскую и офицерскую лямку в гвардии, в армии либо на флоте, отличиться в какой-нибудь войне (благо Империя в XIX веке воевала много и часто), и лишь потом стоило мечтать о карьере на гражданском поприще. Армия привносила жёсткую дисциплину, слепое чиновничество, службизм, губила всяческую инициативу. Сколько их будет потом, этих генералов-скалозубов – чванливых, своенравных, ограниченных, вшитых золотом мундирах, при крестах, лентах и звёздах, в густых эполетах и пышных аксельбантах.

В то время банковская система крепостной России не могла предоставить таких же возможностей в выдаче кредитов российским предпринимателям, как зарубежные банки своим купцам. Надеюсь теперь на способности «прыткого» Сидорова, коммерции советник Василий Алексеевич Попов подал ходатайство в министерство внутренних дел об открытии коммерческого банка в Архангельске. Ходатайство было передано губернатору Архангельска маркизу де Траверсе. Он собрал всех местных купцов, промышленников и вынудил их подписаться под резолюцией, из которой следовало, что подписавшиеся архангелогородцы не желают иметь частного банка за его ненадобностью, а потому ходатайство Попова считают делом ненужным и бесполезным. Но маркиз

не знал пока ещё, что есть Михаил Сидоров, и у него своё мнение по этой резолюции. Некоторое время погодя «объявился какой-то Сидоров» с заявлением от почти четырёхсот тех самых граждан города, что подписали маркизову резолюцию. В этом документе говорилось обратное: что банк русским купцам нужен позарез и что резолюцию ту они подписали из боязни губернаторского гнева. Сидоров увёз документ в Петербург и отдал коммерции советнику Попову, а тот передал её министру внутренних дел графу Перовскому, который предложил маркизу учредить банк немедленно. Взбешённый де Траверсе отдал приказ схватить и упечь в каталажку Сидорова – «этого бунтовщика и возмутителя спокойствия». Он приказал полицмейстеру Александру Шепетковскому арестовать смутьяна, но курьер чудесным образом Сидорова не нагнал...

Дело могло закончиться для зачинщика плохо. Маркиз «Где трава растёт» (как называли его поморы) мог отправить строптивца в Сибирь, или чего доброго, отдать «под красную шапку» (т.е. в солдаты), ведь к купеческому сословию Михаил уже не относился. И тогда родня решилась-таки отправить 22-летнего парня в ... Сибирь – на поиски счастья. Звеня кандалами, туда брели декабристы и польские бунтари, уголовные и политические преступники. Но умные люди знали: Сибирь – «золотой сундук», «золотое дно», прибавляя: «Страшна Сибирь слухом, а люди лучше нашего живут». В Архангельске осталась мать, и весь сидоровский клан – дядя Ксанфий, кузены Кандид и Аполлон, кузины Екатерина, Елизавета, Зинаида. Град Архангела Михаила, возрадивший его, Михаил покидал навсегда. Он будет приезжать на родину, но уже как гость.

Тысячи вёрст со скрипом наматывались на колесные ободья – позади остались десятки безвестных почтовых станций и станков, заштатные, уездные и губернские города N. Верстовые полосатые столбы отмечали сначала десятки, потом сотни, а затем тысячи вёрст, отделивших Михаила от родного дома. За Екатеринбургом началась Сибирь. «Сибирь есть страна холодная и длинная. Еду, еду, а конца и края не видать», – написал позднее А.П. Чехов. Наверно, Михайло Сидоров с этими строчками бы согласился. Прыгая на ухабах в почтовой кибитке, он повторял как заклинание про себя бессмертное ломоносовское: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном...».

г. НАРЬЯН-МАР

Никита КУЗНЕЦОВ
кандидат исторических наук

Судьба капитана Хлебникова

В этом году исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося полярного капитана Ю.К. Хлебникова (1900 – 1976). Он внес значительный вклад в историю арктического мореплавания и, в силу этого, о нём писали, его имя увековечено на карте Арктики и на борту ледокола. Но полной биографии этого замечательного человека и моряка до сих пор создано не было. Это связано, прежде всего, с тем, что ряд её страниц в советское время казался «неудобным» для историков и журналистов, да и не все документы были доступны. Сегодня, на страницах «Мира Севера», мы постараемся восполнить этот пробел.

Благодарности

Предлагаемая вниманию читателей работа – плод многолетних архивных изысканий. Но она не состоялась бы без помощи многих замечательных людей, которых автор благодарит от всей души. Прежде всего, это дочь Ю.К. Хлебникова – Татьяна Юрьевна Демидова (Хлебникова), щедро поделившаяся с автором материалами семейного архива и воспоминаниями. Не отказал в помощи и Музей истории АО «Мурманское морское пароходство» – добрым словом хотелось бы вспомнить В.И. Карепову, историка и краеведа, более 40 лет являвшуюся бессменной хранительницей музея и И.Р. Брянкину – начальника пресс-службы ОАО «ММП» в 2012 – 2019 гг. Память о Ю.К. Хлебникове увековечена в основанном в 1971 г. историком и краеведом Г.П. Поповым (1928 – 2019) Музее Арктического морского института им. В.И. Воронина (г. Архангельск), заведующий которым С.В. Терентьев, а также моряк и историк флота И.В. Паролов (г. Архангельск) немало помогли автору. Своими архивными находками поделились петербургские коллеги – кандидаты исторических наук М.А. Емелина и П.А. Филин. С уникальными документами по истории Онежской флотилии, в составе которой Ю.К. Хлебников служил в 1919 г., автор смог познакомиться, благодаря помощи главного хра-

Военный топограф К.М. Хлебников –
отец Ю.К. Хлебникова

нителя Российского Фонда Культуры О.К. Земляковой и известного историка Русского Зарубежья, кандидата исторических наук, поэта и барда, ведущего научного сотрудника отдела по развитию и связям с общественностью ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына» В.В. Леонидова. Документы периода военной службы отца Ю.К. Хлебникова – К.М. Хлебникова – удалось выявить и увидеть благодаря помощи старого товарища автора – М.С. Нешкина, заместителя начальника отдела информационного обеспечения Российского государственного военно-исторического архива.

Юрий Константинович Хлебников родился 28 января 1900 г. в Варшаве, в семье поручика

Корпуса военных топографов Константина Михайловича Хлебникова (9 января 1872 - 1942) и купеческой дочери Марии Николаевны (урожденной Самойловой; 1882 (?) – 1942). Помимо сына Юрия в семье была старшая дочь Наталия (в замужестве Арнштейн; 22 сентября 1898 - 1983). К.М. и М.Н. Хлебниковы умерли во время Блокады Ленинграда. Отец Ю.К. Хлебникова происходил из мещан Курской губернии. Он окончил Курское землемерное училище, а затем Военно-топографическое училище (по 2-му разряду).

О своем детстве и отрочестве Ю.К. Хлебников рассказал в автобиографии. «Отец мой, военный топограф, работал в то время на топографической съемке в Царстве Польском... [...] Вскоре отец был переведен на съемку в Манчжурию и всей семьей [мы] переехали на жительство в г. Хабаровск. По рассказам родителей (мне было от роду две недели) в Хабаровске прожили мы около восьми лет. Отец тяжело заболел и после лечения был переведен в Петербург для работы на съемке в Финляндии и Петербургской губернии. Вся семья переселилась в Петербург. Каждое лето всей семьей уезжали к месту работы отца на все лето. Я был устроен на подготовительную учебу в частное заведение для подготовки к экзаменам для поступления в кадетский корпус. Семья жила только на небольшое отцовское жалование и меня решили отдать в корпус на казенное содержание, как сына офицера. [...] В 1911 г. отец, по его личной просьбе, был переведен в Военно-гидрографическое управление [так в тексте, правильно – Главное гидрографическое управление – Н.К.] в чине подполковника. Работал он на гидрографических работах по съемке и промеру в Або-Аландских и Финских шхерах. Семья по-прежнему каждое лето выезжала к месту работы отца. Здесь я впервые столкнулся с морем и загорелся желанием посвятить ему свою жизнь». В 1911 г. Ю. Хлебников поступил во 2-й кадетский корпус Императора Петра Великого, находившийся

в Санкт-Петербурге, где, по его собственным словам, он учился очень хорошо.

9 сентября 1916 г., после окончания 2-го кадетского корпуса, Юрий Хлебников был зачислен в Морской Его Императорского Величества Наследника Цесаревича Корпус (такое название носило это учебное заведение в 1914 – 1916 гг.). Летом следующего, 1917-го года, после начала развала вооружённых сил и страны, вызванного революционными событиями февраля, стало очевидным, что обеспечить кадетам и гардемаринам плавательную практику в должном объёме не удастся. Поэтому начальством Морского училища (так Морской корпус стал называться с 1916 г.) было принято решение о назначении гардемарinov и старших кадет на корабли действующего флота. Рвались принять участие в боях и кадеты младших рот. «Всюду юноши старались попасть на самые опасные места и первыми откликнулись на вызовы охотников для участия в различных боевых операциях, сопряжённых с большим риском» - писал участник тех событий Г.Б. Александровский. Попал, по собственной просьбе, на боевой корабль и Ю.К. Хлебников. С мая по август 1917 г. он служил сигнальщиком-дальномерщиком на эсминце «Десна» 2-го дивизиона миноносцев Балтийского флота, участвовал в боях в Рижском заливе. «Осенью в Училище вернулись не растерянные, ничего не понимающие воспитанники, как то было, а приобщенные к Флоту морские волчата» - писал другой участник событий Г.Г. Фус.

Морское училище было закрыто в начале марта 1918 г. После этого судьбы кадет и гардемарinov сложились по-разному. Многие приняли участие в Белом движении на различных театрах. Среди них оказался и Ю.К. Хлебников. Весной 1918 г. в Петроград прибыл мичман К.С. Карташев. По инициативе заведующего делами Мурманской народной коллегии и управляющего делами Мурманского Совета (организаций, настроенных на продолжение

участия в войне и борьбу с большевистской властью) старшего лейтенанта Г.М. Веселаго он обратился к кадетам и гардемаринам Морского училища и Отдельных гардемаринских классов с предложением принять участие в антибольшевистском сопротивлении. По его призыву на Север отправилось несколько групп молодых моряков, в составе одной из которых был Ю.К. Хлебников.

Первоначально гардемарины питали самые радужные надежды, связанные с прибытием на Север. Кадет (затем гардемарин) Д.И. Атряскин, находившийся в тот период на Мурмане вместе с Хлебниковым, вспоминал о встрече с прибывшими туда ранее товарищами: «После шумных приветст-

Ю.К. Хлебников – кадет 2-го кадетского корпуса Императора Петра Великого, май 1916 г.

М.Н. Хлебникова (слева)

вий они начали объяснять мне, что здесь н[ачальни]к штаба старлейт Веселаго, который чуть ли не мурманский диктатор, хочет созвать всех гардемарин распушенных морских учебн[ых] заведений, собрать на Мурмане и укомплектовать ими крейсер «Аскольд», конечно, убрав с него пред-варительно всю матросскую команду. На «Аскольде» же можно было бы уйти за границу, напр[имер] в Англию, приписаться там к какой-нибудь союзной эскадре и спастись таким образом от большевистского угнетения до лучших времен». Но вскоре ситуация изменилась. «В это время один из гардемарин, посетивший Веселаго, принес плохие известия. Веселаго просил передать всем гардам [гардемаринам- Н.К.], что положение ухудшается, что Мурманский Совдеп и Центромур [Центральный комитет Мурманской флотилии – Н.К.] забили тревогу о контрреволюции гардемарин, что ввиду этого вряд ли можно будет что-нибудь устроить, а потому если кто хочет, может уезжать обратно. Это всех страшно поразило. Многие начали малодушничать, проклинать свою судьбу и тот день, когда они выехали на Мурман, проклятые сыпались и на Веселаго». Еще через некоторое время, писал Атряскин, «... пришло сообщение, что гардемаринам запрещено поступление на военный флот на Мурмане. Тогда некоторые гарды бросились на торговый флот, и им действительно удалось устроиться на транспортах «Князь Суворов» [так в тексте, правильно – «Генерал Суворов»] и «Граф Шувалов», идущих в Англию. Почти все они поступили на должности кочегаров, угольщиков, матросов, только один, кажется, попал комендором». Именно такой путь выбрал для себя Хлебников. Почти ровно год, с 17 марта 1918 г. по 28 марта 1919 г. он работал кочегаром второго класса на торговом пароходе «Генерал Суворов», принадлежавшем рижской фирме «Братья Зеберг» который совершал рейсы в порты Англии и Франции. Пять месяцев спустя после увольнения Хлебникова, 5 августа 1919 г., судно погибло на камнях у Лофотенских островов.

Как отмечено в послужном списке Хлебникова от 5 декабря 1921 г., в мае 1919 г. он был «отправлен английским Адмиралтейством в Северную Россию». В этот период многие офицеры флота и гардемарины, оказавшиеся за границей, разными путями стремились попасть на Родину для участия

в активной борьбе с большевиками. Хлебникову довелось участвовать в Гражданской войне на стороне Белого движения. Первоначально он служил в составе британской Онежской озёрной флотилии, сформированной в конце мая 1919 г. и действовавшей до конца сентября того же года. Хлебников писал, что он «плавал старшиной на катере с английской командой, как знающий английский язык. Не поладив с английским командованием, обещавшим применить какие-то репрессии ко мне, был снят...». С июня Юрий Константинович служил в русской Онежской флотилии, созданной и действовавшей параллельно с британской. Несмотря на союзнические отношения, капитан 1 ранга А.Д. Кира-Динжан, командовавший флотилией, писал об англичанах: «Союзники (англичане) во всех операциях брали на себя неизменно роль десанта, т. е. такую, которая давала им большую безопасность, одновременно с возможностью кое-что и приобрести (ограбление ими церквей в Кузаранде и Пудожгоре). Присланные сюда английские моряки во многом напоминали мне товарищей Дрека, Фробишера, Моргана и прочих времен Большой Флибусты. Сотрудничество английской флотилии с нашей [...] приносило лишь вред нашему делу в боевом отношении».

Служба гардемарина Хлебникова проходила на катере-истребителе «Буйный», моторном катере «Горислава», канонерской лодке «Сильный». В августе Хлебникова назначили на береговую батарею, расположенную на острове Средний Сосновец (одно 76-мм орудие). 15 сентября 1919 г. батарея была обстреляна неприятельскими вооружёнными пароходами. От огня противника погиб комендор, был ранен пулеметчик и перебит провод гальванического ударника. Командир батареи лейтенант Вс.Г. Макасей-Шибинский, не зная о выходе орудия из строя, отдал приказ личному составу (который практически весь был контужен) вернуться к орудию и продолжить стрельбу. «Гардемарин Хлебников, стоявший до того времени установщиком прицела, первый услышал мою команду, бросился к орудию и занял место наводчика» - писал в рапорте командир батареи. Но в этот момент прекратил стрельбу и неприятель.

17 сентября батарея вновь подверглась обстрелу со стороны трех пароходов и ее командир принял решение снять с позиции пулеметы, вынуть замок орудия и эвакуироваться на шлюпку. И вновь отличился Хлебников. «Снятие замка было произведено самоотверженно, единолично гардемаринном Юрием Хлебниковым, вокруг которого упало несколько снарядов, последним из которых его, вместе со снятым замком, подбросило на воздух и он через голову упал на землю, но, схватив снова замок, контуженный так, что из носа и ушей шла кровь, дотащил его до шлюпки» - писал Макасей-Шибинский. За храбрость Ю.К. Хлебников удостоился Георгиевской медали и Георгиевского креста 4-й степени. После того, как батарея на Сосновце перестала существовать, Хлебников вновь оказался на «Сильном», откуда в октябре 1919 г. его списали в госпиталь с контузией. В ноябре, незадолго до ликвидации флотилии, он получил назначение в состав Отдельной подрывной партии в город Повенец, но вскоре отправился в Архангельск «на

постройку аэросаней и мин». Там и застало его падение Белого фронта на Севере зимой 1920 года.

После этого судьбы моряков Онежской флотилии сложились по-разному. Кому-то удалось покинуть поселок Медвежья Гора (главную базу флотилии) и уйти за границу, кто-то был взят в плен и расстрелян, некоторые сумели бежать или освободиться впоследствии. Хлебников в этот момент оказался в Архангельске. Один из участников событий (некий Рауль Самсон) писал, что он хотел покинуть Россию, но этого сделать ему не удалось. Дальнейшая служба Юрия Константиновича проходила уже в советском флоте.

С февраля по 20 ноября 1920 г. он занимал должность старшего флаг-секретаря Оперативного отдела Штаба Морских сил Северного моря. Затем, до 23 мая 1921 г. служил вахтенным начальником на вспомогательном крейсере «III Интернационал» (такое название с мая 1920 по июль 1921 г. носил ледорез «Федор Литке», капитаном которого Хлебников станет в 1936 г.). В мае – июне 1921 г. военмор Хлебников был вахтенным начальником на посыльном судне «Ярославна». Затем, с 30 июня по сентябрь того же года – младшим помощником начальника Оперативной части штаба Морских сил Северного моря. Его последним военным назначением в этот период стала должность плутонгового командира эсминца «Капитан Юрасовский» (с 23 сентября 1921 г. по 27 мая 1922 г.). 1 мая 1922 г. Хлебников принял присягу, а через три с небольшим недели он был списан в распоряжение Строевого отдела Штаба для получения нового назначения. Но, как не имеющего законченного военно-морского образования и служившего у белых Ю.К. Хлебникова из рядов Рабоче-крестьянского красного флота уволили.

После этого он поступил на «Федор Литке» (также демобилизованный к этому времени) в качестве подшкипера (с 20 июня по 10 ноября 1922 г.) и временно исполняющего обязанности второго штурмана (с 10 ноября 1922 г. по 1 июня 1923 г.). В апреле 1923 г. Юрий Константинович экстерном сдал государственные экзамены и получил диплом штурмана дальнего плавания в Архангельском морском техникуме (современный Арктический морской институт имени В.И. Воронина). Об одном из старейших педагогов архангельской «мореходки» (и её директоре в 1918 – 1920 гг.), преподававшем в 1907 – 1952 гг. астрономию, навигацию, девиацию, лоцию – Николае Васильевиче Вешнякове, упоминают как об учителе Ю.К. Хлебникова (а также В.И. Воронина, П.А. Пономарева и других прославленных капитанов).

С 1 июня 1923 г. по 18 октября 1924 г. Юрий Константинович был третьим, а затем вторым штурманом на ледоколе «Степан Макаров» (бывший «Князь Пожарский»). 1 сентября 1923 г. «Макаров» и «Федор Литке» вышли из Мурманска и 12 сентября пришли в Петроград. Здесь, а затем в Кронштадте они проходили ремонт перед переходом на Чёрное море. В этот рейс Хлебникова, как бывшего «белогвардейца» не пустили и, после почти трёх недель поисков работы, 5 ноября 1924 г., дипломированный штурман поступил на Северную судостроительную верфь, где трудился

следующие четыре года. Он работал такелажником на 150-тонном кране и, в должности техника отдела производства, принимал участие в резке на металл списанных кораблей и судов и строительстве первых советских грузопассажирских теплоходов типа «Алексей Рыков».

В мае 1928 г., по собственному признанию, «не найдя общего языка с начальником», Хлебников уехал в Архангельск, где с 31 мая по 25 июня плавал вторым помощником на пароходе «Субботник», а затем был переведён вторым штурманом на ледокольный пароход «Георгий Седов», которым командовал В.И. Воронин – опытный, а в будущем знаменитый арктический мореплаватель. Помимо судоводительских обязанностей Хлебников являлся штурманом на самолёте «Юнкерс» F.13, базировавшемся на «Седове» (летчика И.В. Михеева (1898 – 1935)). В архиве капитана Хлебникова сохранилась почетная грамота, подписанная 2 января 1975 г. министром морского флота СССР Т.Б. Гуженко. Она была вручена Юрию Константиновичу «за активную работу по созданию современной системы ледовой разведки, мужественное выполнение полетов в трудных условиях Арктики, обеспечивающих выполнение государственных заданий по перевозкам на Крайнем Севере, и в связи с 50-летием с начала авиационных ледовых разведок по Северному морскому пути».

Первый год работы на «Георгии Седове» Хлебников охарактеризовал так: «Л[едокольный] п[ароход] «Седов» направлялся на определение возможности промысла морского зверя в высоких широтах. [...] Плавая в районе Земли Франца-Иосифа, получив приказание, занимались поисками

Служебная книжка военного моряка Ю.К. Хлебникова, 1922 г.

экипажа потерпевшего аварию аэростата [так в тексте, правильно – дирижабля – Н.К.] «Италия». По возвращении работали на обычных грузовых рейсах Архангельск – Мурманск и весной 1929 г. промышляли тюленя в горле Белого моря.

В 1929 г. «Седов» вновь отправился к Земле Франца-Иосифа. На его борту находилась экспедиция, которую возглавлял О.Ю. Шмидт. В этот рейс Хлебников шёл уже в качестве старпома. Из Архангельска пароход вышел 21 июля и через восемь суток пришёл в бухту Тихая, расположенную на острове Гукера, где была построена самая северная на тот момент советская полярная станция. Летом 1929 г. «Георгием Седовым» был установлен рекорд свободного плавания судна в Арктике на тот период – достигнута широта 82° 14' с. ш. После завершения экспедиции продолжились обычные транспортные рейсы, а весной 1930 г. – промысел тюленя в горле Белого моря.

В 1930 г. состоялся рейс «Седова» на Землю Франца-Иосифа и на Северную Землю, где на

Ледокольный пароход «Георгий Седов», 1929 г.

острове Домашнем была высажена Североземельская экспедиция Г.А. Ушакова, которая в 1930 – 1932 гг. провела комплексное и подробное исследование (включавшее нанесение на карту) архипелага. Это плавание принесло огромные научные результаты. На пути к Северной Земле была подтверждена гипотеза В.Ю. Визе о существовании в северной части Карского моря неизвестной земли – открыт остров Визе. На карту были нанесены острова Воронина, Исаченко и архипелаг Седова у Северной Земли. Научная группа занималась гидрологическими и гидрографическими работами. В этом же году впервые фамилия Хлебникова была увековечена на морской карте – в честь него был назван мыс в заливе Русская Гавань на западном побережье Северного острова Новой Земли (здесь «Седов» принимал уголь перед выходом к Северной Земле).

«В 1931 г. л[едокольный] п[ароход] «Г. Седов», на котором я продолжал оставаться старшим штурманом, занимался подъемом телеграфного кабеля Мурманск – Питерхед (Англия) и доставкой его в Ленинград. После сдачи кабеля в Ленинграде, поднимали кабель, тоже телеграфный Архангельск – Мурманск и [занимались] прокладкой его в Азовском море от Керчи до Бердянска

и от Керчи на Тамань. Вернувшись на Север, занимались обычной транспортной работой и весной 1932 г. промышляли зверя в Белом море», – вспоминал Хлебников.

20 июня 1932 г. Ю.К. Хлебникова назначили старшим помощником капитана ледокольного парохода «Александр Сибиряков». На него был переведен практически весь командный состав «Седова». 28 июля – 1 октября «Сибиряков» совершил исторический поход, в ходе которого Северный Морской путь был впервые пройден с запада на восток за одну навигацию. Заместитель начальника экспедиции О.Ю. Шмидта, известный советский ученый В.Ю. Визе писал о Хлебникове и стармехе М.М. Матвееве: «Вот люди, на которых можно положиться как на скалу. Такие не подкачают!». Советский писатель С.А. Семёнов – участник нескольких арктических плаваний, в своей книге «Экспедиция на «Сибирякове», изданной в 1933 г., рассказал и о Ю.К. Хлебникове. «Немалое искусство рационализатора, вдохновенная сообразительность, колоссальная память и способность к бессоннице необходимы товарищу, которому поручена погрузка судна, отправляющегося в полярную экспедицию. Всеми перечисленными качествами Хлебников обладает в изобилии.

Старший штурман на судне – нечто вроде техдиректора на предприятии.

Если вы хотите научиться, как хорошо и быстро делать любую работу, – ступайте к Хлебникову, Юрию Константиновичу, на выучку. Он научит вас. А, кроме того, он научит вас драгоценной способности находить работу у себя под ногами, кругом себя и всюду, где прежде вы ее не замечали.

Если еще сказать, что он умный, тонкий, культурный, иронический человек, – главное о Хлебникове все же не будет сказано; по-моему, самое важное в нашем старшем штурмане то, что он похож на копилку или даже на музей: столько он сочетал и хранит в себе разнообразных практических «умений». По-моему, Хлебников «умеет делать все». Моряк он превосходный».

17 декабря 1932 г. Ю.К. Хлебникова, вместе с другими «сибиряковцами» наградили орденом Трудового Красного Знамени за успешное выполнение трудного рейса, ставшего историческим (награды были вручены 19 мая 1933 г.).

М.С. Астрова (Хромцова) оставила воспоминания о молодом штурмане, относящиеся к этому периоду.

Ю.К. Хлебников, 1930-е гг.

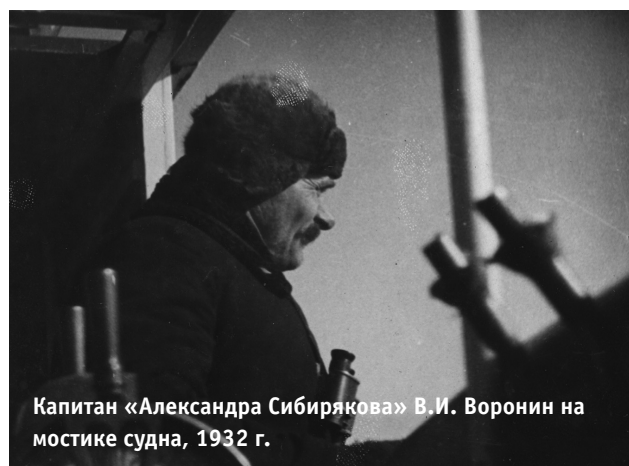
Ю.К. Хлебников – старший штурман ледокольного парохода «Александр Сибиряков»

«...Юрий Константинович Хлебников был среднего роста, худощавый, стройный, по-военному подтянутый. Темноволосый, с живыми темно-кариими глазами на тонком «интеллигентном» лице. К своим обязанностям относился очень серьезно, и капитан ему полностью доверял».

После трехмесячного ремонта в Японии, «Сибиряков» 7 марта 1933 г. вернулся в Мурманск южным путем. Весной того же года он работал на зверобойном промысле на Белом море. 8 июля 1933 г. Хлебников стал капитаном «Александра Сибирякова», а В.И. Воронин принял пароход «Челюскин», рейс которого завершился гибелью судна 13 февраля 1934 г. и легендарной «челюскинской эпопеей».

Летом 1933 г. «Александр Сибиряков» выполнял задачи по смене зимовщиков полярной станции на мысе Челюскин и доставки туда строительных материалов. Работала на борту экспедиция под руководством В.Ю. Визе. 14 августа 1933 г. впервые была произведена высадка на острова Известий ЦИК (открыты в 1932 г. экспедицией на ледокольном пароходе «Русанов») и определено их местоположение. Один из островов был назван в честь Ю.К. Хлебникова. В том же рейсе был открыт остров Большой (острова Арктического института).

Весной 1934 г. «Сибиряков» традиционно выходил на промысел тюленя в Белом море, а летом на судне была доставлена на мыс Челюскин новая смена зимовщиков, во главе с И.Д. Папаниным. В следующем году, после завершения зверобойной экспедиции, «Сибиряков» сменил зимовщиков на

Капитан «Александра Сибирякова» В.И. Воронин на мостике судна, 1932 г.

острове Уединения и доставил материалы для строительства полярной станции на мысе Оловянный, расположенном на юго-восточном побережье острова Октябрьской Революции архипелага Северная Земля (станцию возглавил Э.Т. Кренкель).

С 1 января 1936 г. Хлебников стал капитаном ледокольного парохода «Малыгин». Его задачей было ознакомить вступающего в капитанскую должность А.Г. Корельского со зверобойным промыслом. Но сделать это в должном объеме не удалось из-за того, что на «Малыгине» было потеряно перо руля, имевшее старое повреждение.

3 апреля 1936 г. Юрий Константинович вступил в командование ледорезом «Фёдор Литке». К этому судну, экипаж которого он возглавлял последующие шесть лет, у него было особое отношение. Это и неудивительно – «белый лебедь ледокольного флота» (так иногда называли «Литке» современники) отличался от других ледоколов своим необычным для судов этого класса изящным внешним видом. Он был построен в Великобритании для канадского правительства (первоначально назывался «Earl Grey»), спущен на воду в 1909 г. В 1914 г. куплен российским Министерством торговли и промышленности для поддержания зимней навигации в Архангельском порту и переименован в «Канаду». С 1921 г. судно носило имя «Фёдор Литке». Ледорез работал до 1958 г. и вписал немало славных страниц в историю освоения и изучения Арктики. Среди них – поход к острову Врангеля в 1929 г., сквозной переход по

«Александр Сибиряков» во льдах, 1932 г.

Диплом капитана дальнего плавания Ю.К. Хлебникова, 1934 г.

После потери винта последний этап плавания «Сибиряков» прошел под парусами

Северному Морскому пути с востока на запад в 1934 г. К многим выдающимся эпизодам биографии «Фёдора Литке» причастен и его капитан Ю.К. Хлебников.

В июле – сентябре 1936 г. ледорез, совместно с пароходом «Анадырь» и танкерами «Майкоп» и «Локбатан» обеспечивал Экспедицию особого назначения (ЭОН) – 3, задачей которой была проводка на Дальний Восток Северным Морским путем эсминцев «Сталин» и «Войков». 25 февраля 1937 г. за успешное выполнение операции Ю.К. Хлебников был награждён орденом Ленина.

Следующая навигация по разным причинам оказалась одной из самых сложных в довоенный период освоения Арктики – зазимовало 25 судов (в том числе все ледоколы, за исключением «Ермака»). Не избежал этой участи и «Литке», оставшийся на зимовку вместе с пятью судами каравана (пароходы «Моссовет», «Урицкий», «Крестьянин», «Правда», буксир «В. Молоков»). «Караван л[едо]р[еза] «Ф. Литке» (руководитель зимовки Ю.К. Хлебников) всю зиму простоял в бухте Солнечной (о. Большевик). Под парами держались котлы лишь на ледорезе. Из-за нехватки угля помещения на остальных пароходах

отопливались камельками. Несмотря на мороз (-60°) все 124 моряка мужественно перенесли зимовку», – писал советский историк М.И. Белов. Во время зимовки были организованы курсы штурманов малого плавания и механиков. Хлебников возглавил экзаменационную комиссию, собранную по окончании работы курсов.

4 – 6 августа 1938 г. ледокол «Ермак» освободил «Литке» и его караван. После этого ледорез проводил суда с углём навстречу «Ермаку», занимавшемуся выводом изо льдов пароходов «Садко» и «Малыгин», а затем, вместе с ледоколом «И. Сталин» пытался пробиться к пароходу «Георгий Седов», начавшему свой знаменитый дрейф, продлившийся до 1940 г.

Несмотря на активное и осознанное участие в Белом движении, оставшись в России Юрий Константинович никогда не занимался какой-либо антисоветской деятельностью, а напротив всю свою жизнь работал на благо страны. Но, будучи умным человеком и обладая при этом независимым характером и чувством собственного достоинства, которое он не считал нужным скрывать, Хлебников часто публично высказывал такие свои мысли и суждения, за которые в те годы можно было поплатиться свободой, а то и жизнью. Непросто складывались у него отношения и со своими помощниками по политической части, отношение к деятельности которых у молодого, но уже известного полярного капитана было довольно скептическим (на наш взгляд, весьма небезосновательно). В Российском государственном архиве социально-политической истории и Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга сохранилось несколько писем (которые правильнее назвать доносами), свидетельствующих об этом. Ниже опубликованы их фрагменты с сохранением большинства авторских стилистических особенностей.

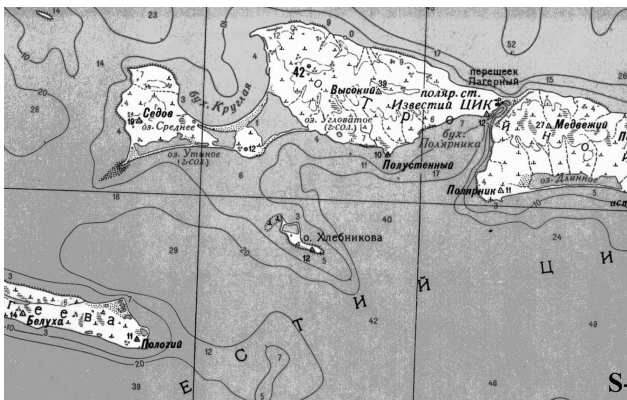
7 августа 1935 г. начальник политотдела Архангельского территориального управления Главсевморпути Иванов писал заместителю начальника Политуправления ГУСМП И.О. Серкину

Ю.К. Хлебников на «Александре Сибирякове»

Ю.К. Хлебников – капитан ледореза «Федор Литке», 1936 г.

Фрагмент топографической карты с изображением острова Хлебникова

(не забыв адресовать копию в НКВД Архангельска): «Довожу до Вашего сведения, что отношения между капитаном л[едо]к[ола] «Сибиряков» Хлебниковым и помполитом т. Васильченко за последнее время были плохие – натянутые. Это произошло вследствие неправильного подхода помполита к капитану и [этому способствовало] неверное-чуждое поведение самого капитана. [далее приводятся частично искаженные сведения о происхождении Хлебникова, его жизни до 1917 г. и участии в Белом движении – Н.К.].

Само поведение т. Хлебникова иногда доходит до антисоветского поведения и разговора. Приведу примеры:

1) Тов. Хлебников имел разговоры в кают-компании 4 – 5.XII.34 с помполитом т. Васильченко [и] задал ему вопрос: «как долго помполиты будут существовать на кораблях», а после ответа помполита заявил, что «очень дорого обойдутся эти помполиты для государства». [...]

3) Первого мая 1934 г. в море на зверобойке, после торжественной части собрания, посвященного международному празднику, в конце, после раздачи ударных карточек ударникам-промышленникам, заявил: «ну теперь идите с ними в баню». [...]

5) Хлебников, как дворянин, в кают-компании со «смаком» рассказывает, как раньше жилось ему, как хорошо воспитывали, [говорил о том что] «даже за обедом играла музыка».

6) В практике своей работы он допускает гонение на коммунистов и комсомольцев и упорно сопротивляется набору последних на корабле... [...]

Т. Хлебников иногда игнорирует как общественность, так и помполита всем своим поведением. Под влиянием Хлебникова ст[арший] механик Матвеев М.М. по адресу помполита (правда, в присутствии небольшого круга) выразился, что «помполит – это жандарм».

В плохом взаимоотношении между капитаном и помполитом повинен и сам помполит, вследствие нетактичного и иногда грубого подхода».

Завершил свой донос Иванов признанием того, что «т. Хлебников, как капитан, безусловно ценный человек, растущий специалист, знает условия арктического плавания».

Автором еще одного «сигнала», написанного

15 ноября 1937 г. и адресованного в спецсектор Арктического института был научный сотрудник Всесоюзного арктического института, будущий известный советский ученый-океанограф В.П. Мелешко. Копия письма была направлена тому же Серкину (в тот момент – исполняющему обязанности начальника Политотдела Главсевморпути) Письмо посвящено не только Хлебникову, но и помполиту И.Г. Федорову, а также попыткам объяснения причин неудач навигации 1937 г.

«Во время плавания в 1937 г., с 14/VI по 31/X в северных морях на ледоколе «Литке» мною были замечены такие факты:

1) Капитан ледокола «Литке» Юрий Константинович Хлебников (имеет два ордена – орден Трудового Красного Знамени и орден Ленина), бывший белогвардеец, служивший у белых на севере во время оккупации англичанами северных окраин, держит себя по отношению к комсоставу и экипажу чрезвычайно вызывающе. Считая, что он вполне реабилитирован, он очень часто во время обеда или ужина, когда бывает почти весь состав в кают-компании, занимался воспоминаниями из своей «революционной» деятельности, рассказывая, как он вместе с англичанами бил красных, топил суда, как он лично не однажды ходил в очень героические походы на разведки.

2) Будучи очень зависимым от капитана, так как я производил попутные работы и не хотел обострять с ним отношений и первый раз при рассказах Хлебникова не обрезал его, ожидал, что это сделает помполит Федоров Иван Григорьевич, который сидит с ним рядом; однако Федоров даже попытки никакой не сделал, чтобы прервать эти рассказы. Я тогда решил сам прервать его рассказы и начал задавать ему вопросы о других делах, что отвлекло его от рассказов.

После трапезы я зашел к помполиту т. Федорову и заметил, что такие разговоры неуместны и просто невозможны в салоне; он мне ответил, что он – Федоров не хочет портить отношений с капитаном и не станет его обрезать, но поговорить с ним попробую.

Однако в скором времени начались опять рассказы о том, как его «таскало ГПУ», а затем о «доблестях» английских офицеров. Я на этот раз не выдержал и сказал ему: «Юрий Константинович, давайте устроим вечер воспоминаний о вашем «революционном» прошлом».

«Федор Литке» в бухте Провидения,
июль 1937 г.

После этого замечания он сконфузился и быстро перевел разговор на другое.

3) Все сообщения «Последние известия по радио» он обязательно комментировал по-своему и со злой насмешкой говорил: 1) «Республиканцы разбили мятежников и отдали город (имя рек)». 2) «Республиканцы не удержатся, Муссолини и Гитлер приберут к рукам Испанию». 3) «Китайцы занимают свои города», «Китайцев Япония проучит» и прочие эпитеты. Со злым сарказмом массу всевозможных антисоветских «острот» отпускал.

4) Неоднократно пытался порочить учение Маркса-Ленина, называя всех пропагандистов «талмудистами», [говорил], что, мол, де он был когда-то на каких-то курсах и там преподаватель целых полтора часа «толок воду в ступе», объясняя, что такое марксизм. Я ему ответил тут же, что очевидно слушатели были большие тупицы, раз пришлось ему [преподавателю] вдалбливать им в головы».

Далее Мелешко обвинил Хлебникова в том, что он оставил караван, возглавляемый «Литке» на зимовку сознательно. Впрочем, во «вредительской работе» заподозрил бдительный ученый и капитана «Ермака» В.И. Воронина. Серкин переслал письмо Мелешко в 6-й отдел НКВД, отметив при этом тот факт, что «... в нашей системе он [Хлебников] один из опытных ледовых капитанов, отмеченный два раза правительством орденами».

13 декабря 1938 г. начальник Мурманского политотдела Севморпути Пуляков получил пересланное ему из Политического управления Главсевморпути заявление профорга «Федора Литке» Королькова, которое было посвящено поведению Хлебникова и Федорова. «Работая на ледоколе «Литке» с 1935 года по 1938 год (март месяц) до вылета самолета с зимовки, довожу до Вашего сведения некоторые выступления капитана Хлебникова:

Будучи в Архангельске, когда был опубликован проект Сталинской Конституции, Хлебников, имея образование... [пропуск в тексте документа – Н.К.], в присутствии тов. Федорова заявил, что в Конституции ничего нет, а это только очередная кампания.

По моему возражению он попросил доказать, что это не так, и я был сильно взволнован и сказал, что с Вами займется тов. Федоров, а я пошел на читку газет.

Второй случай был во время раскрытия группы троцкистов-террористов: Каменева, Пятакова и др. Хлебников выразился также, как и в первом случае, даже с ехидной улыбочкой, несмотря на то, что весь экипаж с большим чувством глотал каждое слово сообщения и требовали к убийцам применить высшую меру.

В третий раз – очень важный случай, когда мы встретились с «Малыгиным», у нас не было Положения о выборах в Верховный Совет СССР, на «Малыгине» был тоже один экземпляр. Я попросил их, чтобы срочно перепечатали, потому что была очень малая стоянка, я попросил своего судового врача. Когда она начала перепечатывать, то Хлебников подходит и говорит, что бросьте ерундой заниматься.

Этот случай Федорову тоже известен, по моему мер никаких не принято и четвертый случай – за чаем в салоне Хлебников заявляет, что куда Республиканские войска суют свой нос, все равно мятежники раздавят.

Пятый момент – это был на зимовке – тоже известен Федорову, когда ЦК ВКП (б) передает партийную учебу по радио для зимовщиков, Хлебников приходит и выдергивает вилку со словами и нецензурный мат, что ему это все поперек горла встало и это было даже в присутствии помполита парохода «Крестьянин»...».

3 января 1939 г. Пуляков отправил заявление начальнику Ленинградского политотдела Главсевморпути Дроздову «для расследования». Причиной этому, скорее всего, послужило то, что «Литке» в этот период ремонтировался в Кронштадте.

Несмотря на все эти доносы (которые, в известной степени, были следствием «аппаратных игр» и борьбы за власть в Политотделе ГУСМП), в тот период Юрий Константинович Хлебников никаким репрессиям не подвергался. Скорее всего, это было связано с тем, что, несмотря на приписываемую И.В. Джугашвили (Сталину) фразу: «незаменимых у нас нет» (является ли он её автором или нет, в общем-то не особенно важно, главное, что именно этим принципом частенько руководствовались организаторы и исполнители незаконных репрессий), в «высоких кабинетах» понимали, что капитаны ледоколов – абсолютно уникальные, «штучные» специалисты (в отличие от тех же помполитов) и что некоторые «чужачества» им «простить» вполне можно. При этом многие полярники (начиная с учёного с мировым именем Р.Л. Самойловича) стали в те годы жертвами сталинского беззакония без каких-либо, даже формальных, оснований (об этом подробно рассказывается в замечательной книге: Ларьков С., Романенко Ф. «Враги народа» за полярным кругом. М.: Paulsen, 2010). Увы, не обошла беда стороной и Ю.К. Хлебникова, но произошла она около десяти лет спустя после описанных событий.

Окончание следует